Ф. Купчинскій
Бывшій военный корреспондентъ „РУСИ" въ Портъ-Артурѣ.

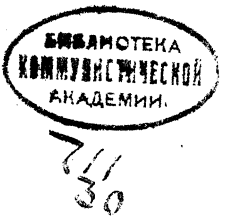
Портъ-Артурскіе „Герои".

Къ процессу

генераловъ Стесселя, Фока, Смирнова, Рейса и др.

1907.

Пров 38



Типографія А. П. Поплавскаго. Москва, Лялинъ пер., соб. домъ.

ОТЪ АВТОРА.

Посвящаю памяти солдатъ и офицеровъ, погибшихъ безвѣстными героями при тяжкой оборонѣ крѣпости, эти повѣствованія о преступленіяхъ начальниковъ.

Чѣмъ ярче убѣдится родина въ виновности «героевъ» — начальниковъ, тѣмъ сильнѣе полюбитъ и пожалѣетъ она тѣхъ, что гибли, довѣрясь людямъ трусливымъ и бездарнымъ, ставшимъ во главѣ героевъ настоящихъ, сложившихъ свои головы на далекомъ и чуждомъ Квантунѣ.

Ф. Купчинскій.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Приближается день суда надъ начальниками злосчастной крѣпости, такъ неудачно порученной тѣмъ, о которыхъ я говорилъ въ этой книгѣ.

Пока эти очерки печатались въ «Руси», я выслушалъ достаточно упрековъ и устныхъ и печатныхъ, какъ отъ самихъ «героевъ», такъ и отъ сочувствующихъ имъ, что неблаговидно-де передъ судомъ говорить о преступленіяхъ, за которыя уже привлечены виновные къ отвѣту.

Въ главѣ «Жизнь при штабѣ» читатели найдутъ мои возраженія на эти нападки. Дополню ихъ лишь тѣмъ, что считаю судъ общества необходимымъ надъ тѣми, которые столько времени, обманно захвативъ славу погибшихъ героевъ, жили ихъ славой, обманувъ родину.

Приводимые мною положенія и факты должны получить освѣщеніе и подтвержденіе на судѣ. Прислушиваясь къ возраженіямъ, опроверженіямъ и разъясненіямъ моихъ положеній, я считаю себя вполнѣ обязаннымъ открыто признать и легко различить вкравшіяся невѣрности или неточности, такъ или иначе искажающія истинный смыслъ дѣла. Но также долженъ добавить, что считаю совершенно безполезнымъ вступать въ какія-либо полемики по

поводу непонятыхъ претензій нѣкоторыхъ авторовъ, оперировавшихъ въ свое время отчасти съ тѣмъ-же матеріаломъ, отнюдь не считая, что исторія событій является чьей-либо собственностью, наоборотъ увѣренный, что, чѣмъ болѣе толкованій мы увидимъ въ печати, тѣмъ гласнѣе и яснѣе передъ глазами общества станетъ все дѣло.

Ф. Купчинскій.

Официальный обвинительный актъ по дѣлу Стесселя

Обвинительный актъ по дѣлу о сдачѣ японцамъ крѣпости Портъ-Артуръ, по разсмотрѣніи его въ распорядительномъ засѣданіи верховнаго военно-уголовнаго суда, врученъ подсудимымъ: отставному генералъ-лейтенанту Стесселю, бывшему начальнику его штаба генералъ-маіору Рейсу, бывшему командиру крѣпости Портъ-Артуръ, генералъ-лейтенанту Смирнову и бывшему начальнику сухопутной обороны генералъ-лейтенанту Фоку.

Къ отставному генералъ-лейтенанту Стесселю предъявлено обвиненіе въ томъ, что:

1) Получивъ 20 іюня 1904 года предписаніе командовавшаго манчжурской арміею сдать крѣпость Портъ-Артуръ ея коменданту, генералъ-лейтенанту Смирнову, и выѣхать изъ арміи, предписанія этого не исполнилъ и, оставшись въ крѣпости, удержалъ за собою командованіе, каковыя дѣйствія предусмотрѣны 255 ст. XXII кн. свода военныхъ постановл. 1869 г., изд. 3.

2) Въ нарушеніи приказа намѣстника Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ, отъ 14 апрѣля 1904 года, № 339, вмѣшался въ права и обязанности командира крѣпости Портъ-Артуръ, подрывая авторитетъ послѣдняго, вѣру въ него, и тѣмъ понижая обороноспособность крѣпости, каковое вмѣшательство выразилось, между прочимъ: а) въ разрѣшеніи имъ, генераломъ Стесселемъ, вопреки распоряженіямъ коменданта, вывоза изъ крѣпости продуктовъ; б) въ назначеніи статскаго совѣтника Рябинина завѣдывающимъ медицинской частью безъ подчиненія его коменданту крѣпости; в) въ переводѣ Дальнинской больницы, въ отмѣну распоряженія коменданта и въ ущербъ пользѣ дѣла, на выбранный имъ, генераломъ Стесселемъ, по своему личному усмотрѣнію, пунктъ; г) въ отрѣшеніи брандмейстера Вейканена

отъ должности; д) въ удаленіи жандармовъ на Ляотешанъ; е) въ запрещеніи изданія газеты «Новый Край» и въ приказѣ объ арестованіи сотрудника ея, г. Ножина и ж) въ отмѣнѣ работъ по укрѣпленію 2-й и 3-й оборонительныхъ линій; дѣянія эти предусмотрѣны 141 и 145 ст. ст. XXII. кн. свода военн. постановл. 1869 г., изд. 3.

3) Не принялъ своевременно надлежащихъ мѣръ къ увеличенію продовольственныхъ средствъ крѣпости Портъ-Артуръ, а именно: а) не пополнилъ запаса овощей несмотря на то, что имѣлъ къ тому возможность; б) не принялъ мѣръ къ правильному производству реквизиціи лошадей, предусмотрѣнной мобилизаціоннымъ расписаніемъ, и къ увеличенію въ крѣпости числа головъ скота, и в) оставилъ безъ распоряженія представленіе коменданта объ увеличеніи дачи конины, каковое увеличеніе было настоятельно необходимо для поддержанія силъ истомленнаго гарнизона; дѣянія эти предусмотрѣны 142 и 145 ст. ст. XXII кн. свод. воен. пост. 1869 г., изд. 3.

4) Получая и читая во время осады Портъ-Артура «Замѣтки» генералъ-лейтенанта Фока, написанныя въ насмѣшливомъ и рѣзкомъ тонѣ, подрывающія авторитетъ нѣкоторыхъ начальниковъ, набрасывавшія тѣнь на ихъ доброе имя, расшатывавшія дисциплину и понижавшія духъ гарнизона — не взирая на вредъ, приносившійся ими дѣлу обороны, не принялъ мѣръ къ прекращенію ихъ изданія и распространенія среди гарнизона, каковое дѣяніе предусмотрѣно 142 и 145 ст. ст. XXII кн. свод. воен. пост., 1869 г., изд. 3.

5) Изъ личныхъ выгодъ представилъ командовавшему Манчжурской арміей 14 и 18 мая и намѣстнику Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ 17 мая донесенія о боѣ при Цзинъ-Чжоу, въ которыхъ, несогласно съ дѣйствительными обстоятельствами дѣла и дѣйствіями участвовавшихъ въ немъ лицъ, а равно и своими собственными, изложилъ, что «въ этомъ жаркомъ дѣлѣ—мы выпустили всѣ снаряды» и что «отступили въ отличномъ порядкѣ до Нангалина»... причемъ придалъ всѣмъ этимъ донесеніямъ такую редакцію, которая не оставляла сомнѣнія, что онъ, генералъ Стессель, лично и притомъ съ большою энергіею руководилъ дѣйствіями войскъ, между тѣмъ какъ: а) во время боя при Цзинь-Чжоу онъ, ген. Стессель, оставался въ Портъ-Артурѣ и личнаго участія въ бою не принималъ; б) снарядовъ для скорострѣльной артиллеріи оставалось на ст. Нангалинъ большое количество и объ этомъ артиллерійскимъ частямъ было извѣстно, и в) отступленіе къ Нангалину было безпорядочнымъ и поспѣшнымъ, причемъ нѣкоторыя части пробивались черезъ проволочныя загражденія; дѣяніе это пре-

дусмотрѣно 362 ст. улож. о нак. уголовн. и испр., изд. 1885 г.

6) Изъ личныхъ выгодъ и желая выставить дѣйствія своихъ подчиненныхъ въ болѣе благопріятномъ видѣ, представилъ 15 мая 1904 года донесеніе командовавшему Манчжурской арміею о томъ, что отрядъ ген.-лейт. Фока «постепенно отходитъ къ Волчьимъ горамъ», между тѣмъ какъ это было несогласно съ обстоятельствами, имѣвшими мѣсто въ дѣйствительности, такъ какъ отступленіе этого отряда прямо къ Волчьимъ горамъ, т.-е. послѣдней передовой позиціи, было безпорядочное и настолько поспѣшное, насколько допускала горная дорога, запруженная обозами и бѣжавшими въ Портъ-Артуръ жителями г. Дальнаго; дѣяніе это предусмотрѣно 362 ст. улож. о наказ. уголовн. и испр., изд. 1885 г.

7) Изъ личныхъ выгодъ, имѣя цѣлью выставить себя участникомъ несуществовавшихъ боевыхъ столкновеній, представилъ командовавшему Манчжурской арміею въ письмѣ отъ 1-го іюня 1904 года донесеніе о собственной дѣятельности въ крѣпости Портъ-Артуръ, въ которомъ несогласно съ дѣйствительными обстоятельствами сообщалъ: «всегда бываю при всѣхъ возможныхъ столкновеніяхъ», между тѣмъ какъ съ 26 января 1904 года по 1 іюня, т. е. по день письма его, генерала Стесселя, къ ген.-ад. Куропаткину, не было ни одного столкновенія съ японскими войсками, кромѣ боя при Цзинь-Чжоу, въ которомъ онъ, ген. Стессель, не участвовалъ и кромѣ бомбардировокъ, во время которыхъ подвергалось опасности все населеніе Портъ-Артура; дѣяніе это предусмотрѣно 362 ст. улож. о нак. уголовн. и испр., изд. 1885 г.

8) Желая оправдать себя въ предумышленной сдачѣ крѣпости врагу, донесъ Государю Императору телеграммою отъ 16 декабря 1904 года, что «по занятію форта № III японцы дѣлаются хозяевами всего сѣверо-восточнаго фронта и крѣпость продержится лишь нѣсколько дней. У насъ снарядовъ нѣтъ...», каковое донесеніе не соотвѣтствовало дѣйствительному положенію крѣпости, такъ какъ на военномъ совѣтѣ, состоявшемся того же 16 декабря, огромное большинство членовъ котораго высказалось за оборону до послѣдней крайности, генералъ-маіорами Бѣлымъ и Никитинымъ было заявлено, что снаряды для обороны еще есть; дѣяніе это предусмотрѣно 362 ст. улож. о нак. уголовн. и испр., изд. 1885 г.

9) Завѣдомо неправильно и ложно представилъ къ ордену св. Георгія 3-й степени генералъ-лейтенанта Фока за проигранный имъ бой при Цзинь-Чжоу, въ которомъ названный генералъ проявилъ полную нераспорядительность и растерянность и генералъ-маіора Надѣина за тотъ же бой при Цзинь-Чжоу, въ которомъ генералъ этотъ не оказалъ никакого выда-

ющагося подвига, и къ ордену св. Георгія 4-й степени генералъ-маіора Рейса, который самъ призналъ, что подвиговъ, дающихъ право на полученіе этой высокой награды, не совершалъ; дѣяніе это предусмотрѣно 362 ст. улож. о наказ. уголовн. и испр., изд. 1885 г., и

10) Состоя начальникомъ укрѣпленнаго Квантунскаго района и старшимъ начальникомъ въ осажденной японскими войсками крѣпости Портъ-Артуръ съ подчиненіемъ ему коменданта ея, онъ задумалъ сдать крѣпость японцамъ, для чего, вопреки мнѣнію военнаго совѣта, состоявшагося 16 декабря 1904 г., на которомъ громадное большинство членовъ его высказалось за продолженіе упорнаго сопротивленія,—къ чему представлялась полная возможность,—и не созвавъ, въ нарушеніе 62 ст. пол. объ управл. крѣпост. (приказъ по военному вѣдомству 1901 г., № 358), новаго военнаго совѣта, между 3—4 часами пополудни 19 декабря 1904 года отправилъ къ командовавшему японской осадной арміей, генералу Ноги, парламентера съ предложеніемъ вступить въ переговоры о сдачѣ крѣпости Портъ-Артуръ, не исчерпавъ всѣхъ средствъ обороны, такъ какъ численность наличнаго гарнизона и количество боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ обезпечивало возможность продолженія ея, послѣ чего согласился на предложеніе начальника сухопутной обороны генерала Фока очистить безъ боя Малое Орлиное гнѣздо, Куропаткинскій люнетъ и батарею лит. Б, что значительно ослабило силу обороны крѣпости, и на слѣдующій день, 20 декабря, уполномочилъ своего начальника штаба полковника Рейса, окончательно заключить капитуляцію крѣпости, не давъ ему точныхъ инструкцій относительно пріемлемыхъ съ нашей стороны условій, вслѣдствіе чего полковникъ Рейсъ и подписалъ тогда же въ дер. Шуйшуинъ условія капитуляціи крѣпости Портъ-Артуръ, оказавшіяся невыгодными и унизительными для достоинства Россіи, и тѣмъ самымъ онъ, ген-лейт. Стессель, не исполнилъ своей обязанности по долгу присяги и воинской чести; сдавъ же крѣпость врагу онъ, ген.-лейт. Стессель, не раздѣлилъ участи гарнизона (63 ст. пол. объ упр. крѣпост. прик. по воен. вѣдом. 1901 г. № 358) и не пошелъ съ нимъ въ плѣнъ; дѣяніе это предусмотрѣно 251 и 252 ст. ст. XXII кн. св. воен. пост. 1869 г., изд. 3.

Ген.-м. Рейсъ обвиняется въ томъ, что, состоя начальникомъ штаба Квантунскаго укрѣпленнаго района, зная о намѣреніи ген. Стесселя сдать крѣпость Портъ-Артуръ японскимъ войскамъ въ то время, когда численность наличнаго гарнизона и количество боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ обезпечивали возможность продолженія обороны ея, и раздѣляя это намѣреніе, согласившись предварительно съ

ген. Стесселемъ,—содѣйствовалъ ему въ приведеніи этого намѣренія въ исполненіе, а именно: во-первыхъ, на совѣтѣ обороны 25 ноября 1904 года и на военномъ совѣтѣ 16 декабря того же 1904 г. преувеличивалъ тяжелое положеніе крѣпости и доказывалъ безцѣльность дальнѣйшаго сопротивленія и необходимость сдачи ея, во-вторыхъ, по порученію генерала Стесселя заблаговременно составилъ и 19 декабря 1904 года отправилъ къ командующему осадною японскою арміею, генералу Ноги, письмо съ предложеніемъ вступить въ переговоры о капитуляціи, и въ-третьихъ, на слѣдующій день, 20 декабря, не испросивъ у генерала Стесселя точныхъ инструкцій относительно пріемлемыхъ условій сдачи, хотя зналъ, что переговоры эти должны быть окончательными, отправился въ деревню Шуйшуинъ,—мѣсто назначенное для переговоровъ,—и, не возражая противъ предъявленныхъ японскими уполномоченными требованій, подписалъ въ тотъ же день капитуляцію крѣпости Портъ-Артуръ на невыгодныхъ и унизительныхъ для Россіи условіяхъ, каковыми своими дѣйствіями онъ, генералъ-маіоръ Рейсъ, содѣйствовалъ генералу Стесселю сдать крѣпость японскимъ войскамъ; дѣянія эти предусмотрѣны 13 ст. улож. о наказ. уголовн. и исправит., ст. ст. 251 и 252 XXII кн. свода воен. пост. 1869 г., изд. 3.

Генералъ-лейтенантъ Фокъ—обвиняется въ томъ, что: 1) получивъ 14 февраля и 6 мая 1904 года категорическія приказанія генерала Стесселя упорно оборонять Цзинь-Чжоускую позицію, и не только 5-мъ Восточно-Сибирскимъ стрѣлковымъ полкомъ, но и находившимися вблизи позиціи 13 и 14 полками, доведя дѣло до штыковыхъ свалокъ, онъ, не обращая вниманія на эти указанія, а также и на то, что обороны бухты Инчензы въ тылу позиціи принялъ на себя генералъ Стессель самъ,—а) когда бой уже начался, утромъ 13 мая, вмѣсто того, чтобы руководить имъ, отправился къ бухтѣ Инчензы для выбора тамъ позиціи 15 полку на случай высадки японцевъ и прибылъ на атакованную позицію только около 2-хъ часовъ дня; б) изъ четырехъ полковъ, сосредоточенныхъ къ Цзинь-Чжоу, ввелъ въ бой только одинъ и этимъ подвергъ его отдѣльному пораженію; в) во время боя не только не использовалъ резерва, но и остановилъ движеніе въ боевую линію двухъ баталіоновъ, посланныхъ генераломъ Надѣинымъ, г) не исчерпавъ всѣхъ средствъ обороны и не доводя дѣло до штыковъ, отправилъ генералъ-лейтенанту Стесселю въ Портъ-Артуръ телеграмму, въ которой съ цѣлью получить отъ него приказаніе объ отступленіи указывалъ «на критическое положеніе» и на полное отсутствіе снарядовъ, между тѣмъ какъ таковые имѣлись еще въ большомъ количествѣ на ст. Нангалинъ, и д) получивъ вслѣдствіе сего разрѣшеніе

генерала Стесселя отступить съ наступленіемъ темноты, началъ отступленіе засвѣтло, что подвергло отрядъ его большимъ потерямъ,—и такимъ образомъ отдалъ японцамъ заблаговременно укрѣпленную Цзинь-Чжоунскую позицію, не употребивъ всѣхъ, имѣвшихся въ его распоряженіи средствъ для упорной ея обороны; дѣяніе это предусмотрѣно 251 ст. XXII кн. св. воен. пост. 1869 г., изд. 3.

2) Во время боя 8 августа 1904 года, получивъ приказаніе отъ своего непосредственнаго начальника—коменданта крѣпости—двинуть къ передовымъ фортамъ сѣверо-восточнаго фронта два баталіона 14-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, сразу не исполнилъ этого приказанія, вошелъ въ неумѣстное пререканіе съ комендантомъ и не пошелъ самъ съ этою послѣднею частью командующаго имъ резерва, каковыя дѣянія предусмотрѣны 104 ст. XXII кн. св. воен. пост. 1869 г., изд. 3.

3) Не неся во время осады съ 9 августа по 3 декабря 1904 г. какихъ либо служебныхъ обязанностей и посѣщая по своей иниціативѣ позиціи, подъ предлогомъ желанія оказать помощь дѣлу обороны, а въ дѣйствительности изъ малодушнаго тщеславія выставить себя болѣе способнымъ, свѣдующимъ и мужественнымъ, чѣмъ другіе руководящіе обороной начальники,—позволялъ себѣ вести разговоры и издавать «замѣтки», въ которыхъ не только критически и иногда въ очень рѣзкой формѣ разбиралъ дѣйствія этихъ, неподчиненныхъ ему лицъ, обвиняя ихъ въ неумѣніи и трусости, но также проводилъ мысль, что укрѣпленія и форты слѣдуетъ защищать безъ большихъ жертвъ, причемъ дѣлалъ все это такъ, что разговоры его, а равно и «замѣтки» становились извѣстными не только начальствовавшимъ лицамъ, но вообще офицерамъ и даже нижнимъ чинамъ гарнизона, чѣмъ колебалъ въ войскахъ вѣру въ возможность и необходимость держаться въ укрѣпленіяхъ до послѣдней крайности; дѣянія эти предусмотрѣны 262 ст. XXII кн. св. воен. пост. 1869 г., изд. 3.

4) Вступивъ 3 декабря 1904 года въ должность начальника сухопутной обороны крѣпости Портъ-Артура и, находя невозможнымъ далѣе удерживать фортъ № 11, лично доложилъ объ этомъ начальнику укрѣпленнаго раіона, а не коменданту крѣпости, которому былъ непосредственно подчиненъ, а затѣмъ, получивъ на испрашиваемое согласіе генерала Стесселя и не доводя о семъ даже до свѣдѣнія коменданта, 5 декабря того же года приказалъ очистить фортъ и взорвать его; дѣяніе это предусмотрѣно 141 и 145 ст. XXII кн. св. воен. пост. 1869 г., изд. 3, и

5) Состоя начальникомъ сухопутной обороны крѣпости

Портъ-Артуръ, зная о намѣреніи генерала Стесселя сдать эту крѣпость японскимъ войскамъ, когда еще не всѣ средства обороны были исчерпаны, такъ какъ численность наличнаго гарнизона и количество боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ обезпечивали возможность продолженія ея, и раздѣляя это намѣреніе, онъ, согласившись предварительно съ генераломъ Стесселемъ, содѣйствовалъ ему въ приведеніи этого намѣренія въ исполненіе, а именно: 19 декабря 1904 года доложилъ генералу Стесселю о необходимости немедленно отправить парламентера къ генералу Ноги съ предложеніемъ капитуляціи крѣпости, а затѣмъ уже послѣ отправки парламентера, по собственной иниціативѣ и вопреки приказанію коменданта, приказалъ начальнику обороны восточнаго фронта генералу Горбатовскому очистить безъ боя, подъ угрозою побудительныхъ мѣръ, батарею лит. Б, а также Малое Орлиное Гнѣздо и Куропаткинскій люнетъ, каковыя укрѣпленія, во исполненіе этого приказанія, вечеромъ и были дѣйствительно очищены нашими войсками, причемъ онъ, генералъ-лейтенантъ Фокъ, вполнѣ сознавалъ, что такими своими распоряженіями ставилъ оборону крѣпости въ крайне невыгодныя условія, въ случаѣ, если бы переговоры о сдачѣ крѣпости почему-либо были прекращены, и давалъ этимъ возможность японскимъ уполномоченнымъ предъявить невыгодныя и унизительныя для насъ условія капитуляціи; дѣяніе это предусмотрѣно 13 ст. улож. о наказ. уголов. и испр. и 251 ст. XXII кн. свод. воен. пост. 1869 г., изд. 3.

Генералъ-лейтенантъ Смирновъ обвиняется въ томъ, что:

1) Заподозривъ послѣ сдачи 5 декабря 1904 года японцамъ форта № 2 о существованіи между генералами Стесселемъ и Фокомъ соглашенія привести крѣпость въ такое состояніе, въ которомъ можно было бы оправдать ея сдачу, онъ, вопреки лежащей на немъ въ силу 57 статьи «положенія объ управленіи крѣпостями» (приказъ по воен. вѣд. 1901 г., № 358), обязанности, не устранилъ тотчасъ же генералъ-лейтенанта Фока отъ командованія и, вообще, не принялъ энергичныхъ мѣръ къ воспрепятствованію имъ въ исполненіи ихъ плана, а ограничился лишь посылкою главнокомандующему телеграммы, въ которой просилъ или утвердить его въ полныхъ правахъ коменданта или сложить съ него обязанности послѣдняго и всякую отвѣтственность за дальнѣйшую оборону крѣпости; дѣяніе это предусмотрѣно 142 и 145 ст. XXII кн. свод. воен. пост. 1869 г., изд. 3.

2) Узнавъ 19 декабря 1904 года о посылкѣ генералъ-адъютантомъ Стесселемъ письма генералу Ноги съ предложеніемъ войти въ переговоры относительно капитуляціи крѣпости, онъ, вопреки 69 ст. XXII кн. свод. воен. пост. 1869 г.,

изд. 3 и 57 ст. «положенія объ управленіи крѣпостями» (приказъ по воен. вѣд. 1901 г., № 358), не созвалъ совѣта обороны и не настаивалъ передъ генералъ-адъютантомъ Стесселемъ на точномъ соблюденіи имъ статьи 62 вышеупомянутаго «положенія», а равно и на исполненіе рѣшенія военнаго совѣта 16 декабря того же года—продолжать упорную оборону крѣпости, каковыя дѣянія предусмотрѣны 69, 142 и 145 ст. XXII кн. свод. воен. пост. 1869 года, изд. 3.

„Мирная“ конференція и война.

I.

Безуміе войны.

(Вмѣсто предисловія).

Наша злосчастная война у всѣхъ еще въ свѣжей памяти. Помнимъ хорошо мы ту старую привычку къ ней, когда цѣлыми мѣсяцами жили вѣстями съ войны и телеграммы о сотняхъ и тысячахъ жертвъ почти не возбуждали въ насъ разговоровъ и интереса. Думали, говорили только о тысячахъ,—не объ одной, а о многихъ тысячахъ. Нѣсколько сотъ жертвъ казались пустяками. Одинъ человѣкъ со своей жизнью сталъ совсѣмъ дешевъ и о гибели одного, если только сама гибель не была замѣчательна, не была исключительной гибелью,—о гибели одного человѣка почти смѣшно было говорить. Нервы притупились. Люди привыкли. Ужасы войны стали какими-то нормальными, повседневными, слишкомъ обычными, какими-то даже необходимыми ужасами.

Такъ и народы привыкли къ самой идеѣ войны.

Война считается необходимой, неизбѣжной въ извѣстныхъ случаяхъ столкновеній державъ и потому неизбѣжны и всѣ ея ужасы. Пусть дипломаты виновны въ столкновеніяхъ державъ—вину несутъ граждане, народъ, вовсе неповинный въ ошибкахъ дипломатовъ...

И это коренное трагическое недоразумѣніе войны. Только встаньте на точку необходимости выработать законы международные, обезпечивающіе всѣ державы отъ войны, отъ этихъ ошибокъ дипломатовъ—и васъ коснется мысль, страшная своей простотою: мы всегда могли бы прежде избѣжать войнъ и мы послѣ всегда можемъ избѣжать войны. Привычка къ необходимости войны будетъ разбита и будетъ разбита привычка къ ужасамъ, выростающая въ людяхъ въ дни войны.

Послѣдствія выработки такого закона огромны: миръ, охраняемый договорами и дипломатическими сношеніями, избавляетъ державы отъ безчисленныхъ тратъ. Миръ безъ опасеній войны—обезпечиваетъ странѣ ея моральное развитіе и прогрессивное движеніе впередъ ея наукъ, искусства, промышленности и земледѣлія.

Трудно перечислить тѣ драгоцѣнныя побѣды, которыя будутъ дарованы навѣки державамъ, когда онѣ сойдутся для разрѣшенія прямо, открыто, честно поставленнаго вопроса: оградить народы отъ губительныхъ войнъ, замѣнить ихъ международными законами, обезпечивающими охраненіе интересовъ державъ.

Какъ проченъ будетъ миръ, когда при столкновеніи державъ, не могущихъ переговорить успѣшно дипломатически—вопросъ будетъ обсуждаться на особыхъ конференціяхъ представителей державъ, исключительно во имя мирнаго исхода выносящихъ постановленія, для обѣихъ державъ равно обязательныя!

II.

Ужасы войны.

Надо было тамъ быть, чтобы знать, что тамъ творилось. Надо было видѣть развороченныя снарядами груди съ дымящимися, еще дышащими лег-

кими. Надо было видѣть челюсти, снесенныя осколками, и кости череповъ, отколотыя и снесенныя съ головъ, какъ крыши, и отброшенныя далеко отъ дымящихся мозговъ. Надо было послѣ боя выѣхать дня черезъ два съ подвѣтренной стороны къ полю битвы... Страшный трупный запахъ заставлялъ остановиться, пятиться, фыркать и качаться вашу лошадь, а васъ самихъ держаться за сѣдло обѣими руками, чтобы не упасть отъ головокруженія.

Тамъ тысячи людей гніютъ какъ отбросы, тогда какъ они были нужны своей родинѣ и своимъ семьямъ, покинутымъ во имя «долга»!

Надо было видѣть «волчьи ямы», страшныя рвы въ кольяхъ, переполненные трупами людей, напоровшихся на острые колья и насаженныхъ на нихъ, какъ бабочки на булавкахъ въ коробкѣ натуралиста.

Надо было видѣть траншеи, залитыя густой почернѣвшей кровью на нѣсколько верстъ длины, чтобы изъ груди человѣка вырвался крикъ страстнаго, бѣшенаго протеста противъ чудовища войны.

Надо было бы послѣ боя, когда уже смолкли орудійные раскаты и заглохла трескотня винтовокъ, проскакать на конѣ впередъ къ той линіи, отъ которой отступили, и осадить коня, который шарахается въ стороны отъ труповъ, и притаить дыханіе и слушать. Гулъ стоновъ, терзающихъ душу воплей, проклятій, угрозъ, стенаній, молитвъ, заклинаній и призывовъ охватитъ ваше вниманіе убійственнымъ зловѣщимъ кошмаромъ... Вамъ захочется бѣжать отъ криковъ тѣхъ, которые къ завтрашнему дню будутъ уже добычей этихъ черныхъ стай, что, каркая, носятся надъ людьми, царапающими землю въ мукахъ агоніи...

Надо было побывать въ походныхъ госпиталяхъ, чтобы унести въ своемъ сердцѣ непреодолимое смертельное отвращеніе къ той жестокой чудовищной силѣ, которая называется войною.

Людей считали дешевле сухарей, необходимыхъ для подкрѣпленія ихъ силъ. Роты за ротами посылались на вѣрную гибель, чтобы отвлечь вниманіе противника.

Такіе маневры назвали солдаты «мертвыми пробками», а сами шли, повинуясь долгу, зная, что не вернутся назадъ.

Только безуміе, къ которому привыкали вѣками люди и наконецъ привыкли, только безуміе могло узаконить подобную слѣпую жестокость.

III.

«Храбрые» и «трусы».

Храбрыхъ, какъ то понимаютъ въ общежитіи, нѣтъ на войнѣ! Всѣ любятъ свою жизнь и жадно хотятъ, чтобы она не порвалась. Всѣ равно сильно хотятъ видѣть солнце, знать счастіе, вѣрить, любить, плакать и радоваться...

Тотъ, кто бѣшено помчался съ саблей на-голо въ самое пекло подъ свистъ пуль и хрипѣніе снарядовъ, тотъ, кто въ бѣшеномъ порывѣ, стиснувъ зубы, идетъ впередъ подъ перекрестнымъ огнемъ во главѣ своей роты и ведетъ всѣхъ точно сонныхъ, точно зачарованныхъ, чтобы выбросить въ жертву этой безумной необходимости, вѣрьте мнѣ—тотъ, какъ и всѣ, сознательно боящіеся гибели—лишь переступилъ грань этой боязни роковымъ притупленіемъ нервовъ. Онъ идетъ на смерть, непонимая уже опасности, потому лицо его вдохновенно и блестятъ глаза; онъ хочетъ жить и смерти не ищетъ, но кидается къ смерти, потому что ужасы кругомъ сдѣлали его неспособнымъ къ самосохраненію—этому дару природы, мудро озаботившейся охранять все живое отъ преждевременной гибели.

Я помню лошадей, къ слову сказать, чутко понимавшихъ опасность, ощущавшихъ ее раньше че-

ловѣка, лошадей, которыя безъ всадниковъ бросались карьеромъ туда, гдѣ громыхали орудія, откуда неслись смертоносныя шимозы и «стаканы»,—были онѣ храбры?—нѣтъ, онѣ были безумны.

Я видалъ тѣхъ, кого называли храбрыми, дрожащими отъ страха, стучавшими зубами ночью въ тишинѣ отъ воображенія, что японцы наступаютъ.

И я видѣлъ тѣхъ, кого называли трусами, но кто погибалъ, странно потерявъ ощущеніе опасности и сознаніе ея.

И эта необходимость, чтобы умные, сознательные люди, необходимые себѣ и другимъ въ жизни, теряли представленіе объ опасности и утрачивали чувство самосохраненія, обращаясь въ дикихъ горячечныхъ безумцевъ—во имя того же долга—это тоже жесточайшее недоразумѣніе войны.

Жаль, что медики въ эту войну собрали мало матеріала для изученія психики человѣка на войнѣ.

Этотъ матеріалъ безпредѣленъ и картины, которыя онъ раскрываетъ, и вещи-истины, которыя онъ утверждаетъ—чудовищны!

IV.

«Я» на войнѣ.

Вотъ одна изъ этихъ вещей-истинъ.

Когда гремятъ орудія и блестятъ огни выстрѣловъ орудійныхъ, и трещатъ пулеметы и какъ рвущееся полотно та-такуютъ винтовки въ горахъ и грозно шипя рвутся шимозы, вздымая клубы чернаго удушливаго дыму, песку и земли,—человѣкъ чувствуетъ, знаетъ и безпредѣльно любитъ и хранить хочетъ только себя.

Ему нѣтъ дѣла, что рядомъ товарищъ и другъ уже корчится и хрипитъ въ предсмертной агоніи.

Онъ трепещетъ отъ радости, что не его задѣло, что другой, а не онъ умираетъ.

Ему нѣтъ дѣла, что рота погибнетъ, онъ знаетъ себя и каждый моментъ думаетъ горячо, пламенно и зловѣще страшно о своей возможной гибели.

Человѣкъ на войнѣ самый добрый, самый нѣжный чувствительный и мягкій дѣлается жестокимъ, черствымъ эгоистомъ, себялюбивымъ, безразличнымъ, ежесекундно готовымъ на преступленіе, мало-по-малу становится преступникомъ.

Да, преступникомъ! Потому что человѣку на войнѣ не свято то, что вчера до войны было священно.

Человѣкъ на войнѣ не только имѣетъ право посягать на другую жизнь, но это даже вмѣняется въ необходимую обязанность человѣку на войнѣ; это насильно дѣлаетъ изъ человѣка преступника, думающаго, спасающаго и жалѣющаго только себя.

Человѣкъ на войнѣ теряетъ подъ ногами всякую почву; онъ не любитъ любимаго брата, который рядомъ съ нимъ въ такой же смертельной опасности; онъ трудно ощущаетъ, а мало-по-малу не ощущаетъ вовсе понятія «врагъ» и «свой». И это особенно ужасно—«врагъ», котораго нужно убивать. «Свой»,—котораго нужно спасать или не знать.

Вдругъ пропадетъ разница, и всѣхъ людей человѣкъ чудовищно ощущаетъ своими «врагами», точно природа мститъ всѣмъ другимъ, что довели человѣка, великаго, мудраго и прекраснаго человѣка до необходимости убивать другъ друга.

Отсюда столь извѣстные частые случаи убійствъ въ бояхъ офицеровъ солдатами и наоборотъ...

«Я хочу жить; здѣсь всѣ убиваютъ и я долженъ убивать, но я хочу жить; чѣмъ больше убьютъ другихъ, тѣмъ счастливѣе я, потому что не «меня» убили, а я хочу «жить»!

Это—чудовищная логика человѣка на войнѣ, и эта логика—чудовищна.

...Этимъ вопросомъ лучше занялись бы на «мирной конференціи», чѣмъ разсматривать, какія ми-

ны, какіе штыки и какія пули убиваютъ безъ пытокъ, значить вѣрнѣе и быстрѣе!..

V.

Настоящая «мирная» конференція въ Гаагѣ.

Почему это такъ?

Мы помнимъ мирную конференцію въ Гаагѣ, послѣ которой тотчасъ-же завязалась англо-бурская война, китайская съ державами «союзными», англо-индусская и наконецъ русско-японская; почему это такъ? Мы хотѣли бы думать, что задачи мирныхъ конференцій—предотвращать ужасныя войны, описывать нелѣпыя, ненужныя жестокости коихъ было-бы слишкомъ долго.

Мы хотѣли бы думать, что созданіе международныхъ законовъ, обезпечивающихъ спокойствіе и миръ державамъ—главная задача такихъ конференцій.

Но оказывается и опыта пережитаго недостаточно! Сейчасъ посмотримъ чѣмъ занялась мирная конференція въ Гаагѣ? Она хочетъ-ли изъять изъ жизни народовъ неумолимо-нелѣпый ужасъ, кошмарную необходимость войны, во имя которой милліоны людей держатся и въ дни мира «подъ ружьемъ» въ ущербъ экономическимъ успѣхамъ родины, и въ счетъ замедленія моральнаго ея развитія? Нѣтъ!

На конференціи обсуждается, и по телеграммѣ обсуждался какъ разъ самымъ послѣднимъ, напримѣръ, вопросъ о нейтральныхъ портахъ. Броненосцы могутъ пробыть въ нейтральныхъ портахъ опредѣленное количество времени безъ права принимать уголь, снаряды или продукты...

Т. е. державы, предполагается, должны разсуждать:

— Держитесь, молъ, себѣ сколько влѣзетъ; наша хата съ краю, ничего не знаемъ!

Тогда какъ державы, въ большинствѣ случаевъ прямо или косвенно заинтересованныя въ исходѣ войны, имѣютъ въ своихъ рукахъ полнѣйшую возможность дружнымъ вмѣшательствомъ прекратить бойню, которая позоромъ ложится на человѣчество.

Если бы всѣ это поняли и объединились въ горячемъ желаніи предотвратить жестокую ненужную возможность войны съ тысячами жертвъ, возможность, висящую надъ каждой страною, усиліями отдѣльныхъ лицъ, выражающихъ желаніе массъ, былъ бы внесенъ въ конференцію проектъ объ отмѣнѣ войнъ (это звучитъ такъ странно: мы такъ привыкли къ необходимости войнъ!).

Если бы писатели всѣхъ странъ выдвинули этотъ вопросъ своимъ аудиторіямъ и отвѣтили устами своими во всеуслышаніе:

— Мы хотимъ избавиться отъ войнъ!..

Если бы всѣ державы сказали горячо эти слова—вопросъ былъ бы уже предрѣшенъ; осталось бы только соединенными усиліями международныхъ представителей разработать необходимые законы. Писатели всѣхъ странъ, вы, которые могли бы царить въ сердцахъ и умахъ тѣхъ, которые волею небесъ безсильны и безгласны, потому что природой не надѣлены тѣмъ даромъ, которымъ вы сильны,— что же вы молчите?

Что же не прозвучитъ ваше слово за необходимость избавиться отъ вѣкового недоразумѣнія, слезами и кровью обливающаго землю?

Сдѣлайте это великое дѣло!

Начните. Конференція еще не кончилась.

Пусть вопросы о минахъ, пуляхъ, штыкахъ, броненосцахъ и снарядахъ замѣнятся однимъ:

Предотвратите навсегда возможность войнъ.

Пусть создадутъ законы этого предотвращенія. Если этого хотятъ державы, если это ужасъ войны, сдѣлаемъ же все, чтобы было такъ!

Конференція еще не закончилась.

Каждый день мы читаемъ телеграммы о томъ, какъ «мирная» конференція совершенствуетъ и разрабатываетъ войну универсально... Телеграмма изъ Гааги отъ 4 августа начинается извѣстіемъ, что «обсуждается конвенція 1899 года о законахъ и обычаяхъ войны и нѣкоторыхъ ея измѣненіяхъ...» и т. д.

Если бы разсматривали законы и обычаи мира, обязательнаго для державъ, жгуче необходимаго народамъ и желаннаго народами—это болѣе бы подходило къ мирной конференціи.

А результаты этой военной конференціи собственно уже почти выясняются. Кровавые призраки войнъ встаютъ чудовищемъ. На горизонтѣ уже говорятъ объ японо-американскихъ осложненіяхъ, а въ Марокко въ то время уже льется кровь...

VI.

Преступленія на войнѣ.

Сама война величайшее, безмѣрно тяжкое преступленіе; оно развращаетъ людей тѣмъ ужаснѣе, сильнѣе и безповоротнѣе, что оно не только дозволено, даже предписано, но и, овѣянное тысячами громкихъ словъ о долгѣ, подвигахъ, патріотизмѣ и проч., окруженное ореоломъ странной, противной духу человѣка добродѣтели,—повергаетъ его душу, и сердце, и умъ въ пропасть другихъ мелкихъ безчисленныхъ преступленій. И такъ же обманно освящены эти преступленія словами о долгѣ и справедливости.

И человѣкъ на войнѣ теряетъ быстро почву здравой сознательной и спокойной оцѣнки, что можно совершить ему... что нельзя совершить ему... Всю жизнь сдерживающая человѣческія желанія преграда на войнѣ разрушена.

Если удачно подведенной миной онъ взорветъ непріятельскій броненосецъ и пуститъ ко дну около двухъ тысячъ человѣческихъ жизней—онъ герой, отличенный наградой за подвигъ, самъ выростаетъ въ своихъ же собственныхъ глазахъ подъ громъ похвалъ, подъ шумъ рукоплесканій, подъ завистливыми взглядами товарищей. Ему не ужасно, что онъ виновникъ смертей двухъ тысячъ людей, такихъ же, какъ онъ самъ. Тихо внутри, страшно зашевелится вопросъ, обжигающій ядомъ анализа:—что я сдѣлалъ?..

Но завистливые взгляды, но похвалы, но льстивыя восклицанія узнавшихъ... Они поднимаютъ выше его голову и ему кажется, что онъ правъ, что подвигъ, а не преступленіе совершилъ онъ... И если ему, уже убившему заразъ около двухъ тысячъ людей и считающему себя не только правымъ, но и отличившимся, понадобится убить одного, развѣ онъ задумается?.. Даже если онъ убьетъ иначе, все же одна жизнь меньше погубленныхъ имъ двухъ тысячъ во имя «долга»!..

И если человѣкъ, много разъ приказывавшій стрѣлять въ живыхъ людей, которыхъ ему называли врагами и непріятелями, и не считавшій себя виновнымъ въ гибели людей, застрѣленныхъ по его приказу, если человѣкъ этотъ совершитъ преступленіе меньшее, чѣмъ убійство другого человѣка, напримѣръ подлогъ, кражу, мошенничество, развѣ онъ не сумѣетъ оправдать себя передъ самимъ собою, онъ, оправдавшій себя въ великомъ преступленіи, съ которымъ никогда не можетъ помириться чистая въ своихъ чувствахъ душа человѣка, въ стрѣльбѣ по живымъ людямъ, для того, чтобы живыхъ людей лишить жизни!

А если онъ въ этихъ меньшихъ преступленіяхъ успѣшно оправдается передъ самимъ собою, конечно онъ почерпнетъ рѣшимость оправдаться успѣшно и передъ другими.

Узаконеніе народами войны, тягчайшаго преступленія земли, открывало и открываетъ людямъ двери къ безчисленнымъ преступленіямъ.

Все смѣшивается, спутывается въ стонахъ, смерти, крикахъ, въ пороховомъ дыму, въ опасности, въ жестокости, въ рискѣ, въ страданіяхъ.

Почему преступленіе снять золотое кольцо съ пальца убитаго врага, а убить этого врага не было преступленіемъ?

Китайца-крестьянина въ эту нашу войну можно было всегда подъ очень благовиднымъ предлогомъ казнить; это отнюдь не считалось преступленіемъ; «по подозрѣнію въ шпіонствѣ»—вотъ объясненіе, свидѣтельствовавшее начальству только большое усердіе подчиненнаго.

Но у китайца-крестьянина въ эту нашу войну по закону нельзя было взять изъ двора курицы безъ уплаты, и хотя брали не только куриць, но и крупный скотъ, и фуражъ, и съѣстное, и даже женщинъ, —мародерство считалось преступленіемъ.

Люди, развращенные законностью несправедливыхъ и возмутительныхъ убійствъ, конечно съ легкимъ сердцемъ грабили, а начальство тоже съ легкимъ сердцемъ прощало или глядѣло сквозь пальцы, потому что, во-первыхъ, даже какъ-то странно было карать за присвоеніе чужой собственности, когда на войнѣ въ полной мѣрѣ царствовало безсмертное изреченіе древнихъ юристовъ, черезъ вѣка простершее свое объятіе и на наши законы: Res nullius cedit primo occupandi—вещь принадлежитъ тому, кто первый ее взялъ...

Всякій обманъ, тяжкій въ обыденные дни мира, на войнѣ былъ легокъ, незамѣтенъ, привыченъ.

На войнѣ умнѣйшій противникъ обманывалъ того, кто былъ менѣе уменъ, и въ эту послѣднюю войну подчиненные обманывали начальство, а начальство—подчиненныхъ, точно они были также против-

ники. Это бывало «необходимо» для безчисленныхъ цѣлей, какъ легальныхъ, такъ и нелегальныхъ.

Военная хитрость и обманъ—понятія такія близкія!

Мало-по-малу мелкіе обманы внутри враждующихъ армій перестали носить характеръ «военныхъ хитростей», а выросли, въ особенности въ нашей русской арміи за послѣднюю войну, до геркулесовыхъ столбовъ преступности.

Объ этомъ я предполагаю говорить отдѣльно, потому не хочу останавливаться сейчасъ на подробныхъ примѣрахъ изъ исторіи этихъ преступленій.

Важно то, что война создаетъ преступленія и преступниковъ. Выдвигая въ жизнь на передовые посты случайные элементы, война, гдѣ многое, если не все рискъ и случай, война такъ удобно обставляетъ совершеніе преступленій, что люди не удерживаются отъ заманчивыхъ перспективъ тѣхъ благъ, что по роковымъ законамъ жизни покупаются цѣною этихъ преступленій.

Люди не удерживаются... и подъ сѣнью великаго преступленія—войны—прячутъ тайно свершаемыя подъ шумъ битвъ безчисленныя малыя преступленія.

Существованіе войны конечно не оправдываетъ этихъ преступниковъ. Особеннаго вниманія требуютъ преступленія войны, потому что зримы преступники этихъ преступленій, и потому что эти преступники отразили на себѣ всю ненормальность режима.

Кто виновенъ въ существованіи войны—мы не знаемъ... потому незримъ, неуловимъ настоящій преступникъ.

Но конечно войны — на совѣсти конференцій, подъ эгидой упроченія мира упрочивающихъ институтъ войнъ между державами.

И конечно вниманію конференцій необходимо предложить жгучія желанія милліоновъ людей, возмущенныхъ институтомъ войны.

VII.

Подвиги на войнѣ.

О нихъ говорятъ всегда съ такимъ воодушевленіемъ, о нихъ пишутъ высокимъ слогомъ, читаютъ вслухъ со слезами и дрожью въ голосѣ...

— Война родитъ героевъ!..—повторяютъ съ гордостью и волненіемъ старыя слова.

Не хочу я оскорбительно коснуться тѣхъ безчисленныхъ людей, что легли на безчисленныхъ равнинахъ битвъ всего міра во всѣ времена вплоть до... павшихъ на манчжурскихъ поляхъ обидными, скорбными жертвами бездарности и ничтожества нашихъ начальниковъ...

Отнюдь не хочу развѣнчать настоящихъ великихъ невѣдомыхъ героевъ, слѣпо повиновавшихся чудовищному долгу... безумной, желѣзной и жестокой необходимости.

Они шли подъ пули, ложились въ окопахъ, засыпаемые землей, взметавшейся фугасными снарядами, они не уходили отъ холмовъ, изрытыхъ орудійнымъ огнемъ, облитыхъ кровью, устланныхъ трупами, окутанныхъ соленымъ дымомъ пороха и страшной влагой кровавыхъ испареній...

Ихъ находили вцѣпившимися безумно другъ въ друга съ ручками шашекъ, обломанныхъ шашекъ, судорожно схваченныхъ закостенѣвшими руками. Они гибли подъ взрывами траншей во рвахъ, казематахъ, на склонахъ горъ, на броненосцахъ, на сторожевыхъ постахъ, на развѣдкахъ... Они гибли, пламенно вѣруя въ святую истину безъ-исходной необходимости повиноваться долгу. Они гибли съ гордо поднятыми головами, истомленные, израненые, обезсиленные.

Кромѣ благоговѣнія передъ великой изумляющей

рѣшительностью не произнесу я ни слова упрека безвѣстно погибавшимъ, молодымъ и старымъ, нужнымъ жизни людямъ, но тѣмъ, которые живутъ и жили всю жизнь внѣ возможности познать то безумiе, которое создавало необходимость героическихъ подвиговъ,—я хочу говорить о томъ, что такое эти подвиги, прославленные живыми.

Кто эти герои, безчисленными трупами устилавшiе послѣ боевъ израненую снарядами дымящуюся землю полей?

Лучшее своихъ сердецъ вложили они въ рѣшимость не уходить вплоть до гибели съ обстрѣливаемыхъ высотъ...

Любовь къ родинѣ, вѣковое, вложенное прадѣдами, взрощенное дѣтствомъ страстное, то спящее, то просыпающееся, желанiе: жизнь свою отдать со слезами долгу и родинѣ и народу: все это двигало ихъ, держало ихъ, вдохновляло ихъ, незримыми крыльями, незримой, незнаемой похвалы вѣяло надъ ними въ тяжкiе часы лишенiй, опасности и риска...

Я вспоминаю характерный яркiй примѣръ изъ этой недавней войны, гдѣ все было такъ странно, такъ жалко, такъ невѣрно, гдѣ рядомъ съ великимъ тихимъ подвигомъ, за него прячась, имъ прикрываясь, гнѣздилось великое громкое преступленiе; гдѣ обманъ, рожденный изъ «хитрости», выросталъ до невыносимыхъ мучительныхъ, почти призрачныхъ размѣровъ.

...Японцы, чтобы заградить выходъ въ гавань осажденнаго Артура, посылали брандеры, чтобы они потонули въ проходѣ возможно ближе отъ входа, или въ самомъ входѣ.

Въ темныя ночи, безлунныя, безгласныя ночи—и это бывало много разъ—неслись на наши форты небольшiе пароходы... Они неслись на всѣхъ парахъ, какъ безумные, по 14, по 10 судовъ заразъ съ людьми, рѣшившими погибнуть для родины...

Ужасъ, восхищеніе, протестъ возмущали кровь мою въ жилахъ, когда я глядѣлъ на эти суда, мчавшіяся къ нашимъ фортамъ подъ адскимъ огнемъ морского берегового фронта, и судовыхъ орудій... Тамъ были все безусые мальчики, гардемарины японскаго флота; ими японское правительство рѣшило пожертвовать, чтобы сохранить нужныхъ войнѣ опытныхъ офицеровъ. Гордые, счастливые важнымъ порученіемъ своего правительства, не защищаясь, не стрѣляя почти, они внимательно правили рулевыми колесами, машинами и неслись на скалы фортовъ къ проходу, озаряемые сіяніемъ нашихъ прожекторовъ и выстрѣловъ, осыпаемые градомъ снарядовъ...

Послѣ пароходы нарывались на мель, останавливались, машины долго шумѣли, потомъ взрывали суда эти мальчики-герои, а сами спасались. Въ беззащитныхъ людей стрѣляли мы съ своихъ судовъ и крѣпостей. Мальчики спускали шлюпки и съ тонущихъ судовъ своихъ плыли на веслахъ къ нашему страшному берегу... Мы осыпали ихъ оружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ и было обидно, чудовищно преступно не встрѣтить ихъ, этихъ юныхъ героевъ, съ честью, не лишая жизни, какъ военноплѣнныхъ! А русскіе—мы, русскіе, были рады, что страшный «врагъ» уже такъ близко... Какое-то дикое сладострастіе убійства живыхъ людей туманило головы нашимъ офицерамъ и солдатамъ, и въ ѣдущихъ на утлыхъ шлюпкахъ дѣтей-героевъ неслись цѣлыя тучи смертоноснаго свинца...

Начальникамъ бы удержать солдатъ отъ ненужныхъ оскорбляющихъ преступленій, но и они, зараженные безумной преступностью войны, сами стрѣляли изъ винтовокъ, этой «храбростью», этой по моему позорной «храбростью», обманывая непонимающихъ солдатъ, зараженныхъ жаждой убійства... Самъ Стессель тогда стрѣлялъ изъ винтов-

ки по спасающимся героямъ... и приказывалъ «приканчивать» живыхъ!..

Мнѣ хочется привести небольшой отрывокъ изъ «дневника Стесселя», что печатается въ «Столичномъ Утрѣ»... Съ такимъ поражающимъ цинизмомъ описываетъ этотъ малограмотный и грубый человѣкъ, какъ онъ самъ стрѣлялъ по мальчикамъ-японцамъ, спасавшимся на шлюпкахъ...

«...Смотришь, какъ въ театрѣ. Выплываетъ другой, полнымъ ходомъ идетъ на крѣпость, направляясь топиться въ проходѣ.

Но вѣдь попасть туда трудно, надо пройти подъ разстрѣломъ орудій крѣпости и миновать минное загражденіе. Идетъ—вдругъ мины!.. Тонетъ, спускаетъ шлюпку...

Градъ мелкихъ снарядовъ и пуль сыплется на шлюпку.

Тонутъ всѣ. Слышно, что третій идетъ...

...Прожекторъ, до этихъ поръ помѣщавшійся на одномъ мѣстѣ, тутъ перенесли въ другое, и вотъ японскій брандеръ, введенный этимъ въ заблужденіе, налетѣлъ на камни средняго угла.

Тотчасъ спустили шлюпку и принялись грести.

Мы открыли по нимъ стрѣльбу изъ пулеметовъ и мелкаго орудія (такъ!); это былъ адскій огонь въ 100 шагахъ.

Я самъ соблазнился и выстрѣлилъ изъ винтовки разъ пять. Офицеры все время кричали, чтобы цѣлились хорошенько; видно было, какъ весло за веслом падаетъ въ воду.

Наконецъ шлюпка съ мертвымъ экипажемъ прибилась къ дачнымъ мѣстамъ. Выскочилъ одинъ японецъ. Нашъ капитанъ 25 полка Змѣицынъ бросился къ нему. Японецъ выстрѣлилъ изъ револьвера и его прикончили»...

Надо еще добавить, что внизу подъ фортами по берегу лежали роты для стрѣльбы по шлюпкамъ...

Вотъ безуміе «героевъ» и героевъ безумной войны!..

Эта нелѣпая необходимость, чтобы люди доводили себя до состоянія «соблазна выстрѣлить изъ винтовки» въ живыхъ беззащитныхъ спасающихся отъ гибели дѣтей-героевъ... развѣ не позорна она для людей? Эту нелѣпую чудовищную необходимость... народы освящаютъ законами, а «мирная» конференція, созванная, чтобы уничтожить это безуміе, позоромъ лежащее на людяхъ,—занимается вопросами о способахъ начинки снарядовъ, о пуляхъ, объ орудіяхъ, о винтовкахъ, миноносцахъ, минахъ, броненосцахъ, фортахъ и всего прочаго, стоящаго большихъ денегъ, большого труда и большихъ жизней... созданнаго для гибели людей...

Что же эти подвиги, прославляемые живыми? Рожденные благородными порывами лучшихъ чувствъ, они обращаются волею и силою преступной войны въ дикое безуміе или въ слѣпое грубое и жестокое преступленіе!.. А эти герои кто, устилавшіе поля трупами своими послѣ боевъ?.. Благу ли народа отдавали они свои жизни?.. Не была ли ихъ гибель печальная дань слѣпой необходимости въ жестокой и нелѣпой войнѣ?..

VIII.

Прекратите вѣковое позорище!

Развѣ не тяжко, развѣ не больно было понять имъ, умиравшимъ ночами подъ клювами коршуновъ въ черныхъ равнинахъ, имъ, истекавшимъ кровью отъ жестокихъ ранъ,—развѣ не скорбно было узнать, почувствовать, что ихъ подвиги, рѣшимость, самоотверженность, рожденные безуміемъ войны—не были нужны родному народу, которому были нужны ихъ живыхъ сердца, головы и души!..

Народы всего міра, прекратите вѣковое позорище!..

Остановите засѣданіе «мирной» гаагской конференціи, пока еще слышенъ звонъ оружія, пока еще не разыгралась вновь кровавая вакханалія новой войны...

Не для войны, а для мира—пришлите представителей и первымъ вопросомъ поставьте уничтоженіе, упраздненіе института войны, позоромъ покрывающей землю!

Ничѣмъ не оправдаетъ человѣкъ преступленій войны.

И ничѣмъ не должны быть они оправданы!..

Люди должны узнать о нихъ возможно больше; чѣмъ возможно большимъ негодованіемъ противъ войны зажигать сердца людей, тѣмъ сильнѣе закричать они, что пора прекратить, навсегда прекратить разборъ распрей народовъ утонченными усовершенствованными кровавыми побоищами сотенъ тысячъ людей!..

И я хочу, и я буду говорить много еще о преступленіяхъ послѣдней войны... Безуміе сданнаго Артура: «герои», ставшіе преступниками, и герои, лежащіе въ землѣ—твердятъ мнѣ каждымъ жгучимъ и скорбнымъ воспоминаніемъ о себѣ...

Пусть узнаютъ преступленія войны!.. Пусть поймутъ ужасъ и нелѣпость войны невидавшіе войну, чтобы жгучимъ, негодующимъ міровымъ протестомъ убить позорную необходимость кровавыхъ военныхъ побоищъ со всѣми ихъ подвигами, героями, преступленіями и преступниками.

И я буду еще много говорить о преступленіяхъ послѣдней войны!

И первыя преступленія о коихъ я говорю въ этой книгѣ,—это исторія самовластія начальниковъ въ осажденномъ Артурѣ... До 10 іюля 1904 (когда я попалъ въ плѣнъ къ японцамъ)—я былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ первыхъ этихъ мѣсяцевъ

исторической осады; въ дальнѣйшемъ изложеніи пользуюсь показаніями множества участниковъ, также документами и приказами.

По поводу обвинительнаго акта надъ „героями“ Портъ-Артура.

(ВСТУПЛЕНІЕ).

Читая обвинительный актъ по дѣлу о сдачѣ Портъ-Артура (хотя и раньше я былъ освѣдомленъ въ общихъ чертахъ съ его содержаніемъ)—встрѣчаю странныя вещи.

Казалось бы слѣдственное производство, тянувшееся почти 3 года, имѣвшее въ своемъ распоряженіи тысячи свидѣтелей, могло бы отнестись болѣе точно, внимательно къ обстоятельствамъ дѣла, ставшаго историческимъ и всемірно извѣстнымъ.

Между тѣмъ существуютъ въ этомъ уже извѣстномъ обществу обвинительномъ актѣ пункты, явно говорящіе о незнакомствѣ его авторовъ съ дѣйствительнымъ ходомъ событій. Кромѣ того многія существенныя обвиненія отсутствуютъ вовсе. Имена многихъ лицъ явно виновныхъ въ серьезныхъ и опредѣленно караемыхъ преступленіяхъ—отсутствуютъ.

Не согласившись по многимъ соображеніямъ участвовать въ качествѣ свидѣтеля по этому дѣлу, я мотивировалъ свой отказъ генералу фонъ—Валю (бывшему у меня въ маѣ 1905 г.) тѣмъ, что свои соображенія, какъ журналистъ, я передамъ въ печати. Въ разныхъ органахъ въ свое время я писалъ не мало о Портъ-Артурѣ; теперь считаю необходимымъ разобрать печатно тѣ стороны обвинительнаго акта, о которыхъ я говорилъ выше.

I.

Самовольное начальничество.

Нѣтъ сомнѣнія, что категорически данное приказаніе Смирнову смѣнить незаконно начальствующаго Стесселя, а этому послѣднему—Смирнова—было бы исполнено.

Но дѣло все въ томъ, что и въ главной квартирѣ и здѣсь въ Петербургѣ несомнѣнно странно мирились съ тѣмъ, что генералъ Стессель забралъ командованіе «укрѣпленнымъ раіономъ» въ свои руки. Чувствуя, что разобраться отсюда въ вопросѣ, кто долженъ оставаться—Стессель или Смирновъ,—очень трудно, посылались приказы о смѣщеніи Стесселя и назначеніи Смирнова, а на-ряду съ этимъ—всякія инструкціи Стесселю, телеграммы, награды, телеграммы офиціальнаго содержанія для передачи напримѣръ отъ Куропаткина всякихъ одобряющихъ словъ «ввѣренному ему ген. Стесселю, гарнизону» и проч.

Не говорю уже о разрѣшеніи Стесселю раздавать нижнимъ чинамъ Георгія, офицерамъ (своей властью) вплоть до Станислава 3-ей ст. и о представленіи къ Георгію (каковую награду постановляла «дума», гдѣ главную роль игралъ онъ-же, Стессель).

Не уничтожалось ли подобнымъ отношеніемъ всякое значеніе приказовъ о «выѣздѣ Стесселя изъ крѣпости и передачѣ командованія Смирнову»? Тутъ очевидно недоразумѣніе, въ которомъ повинны многіе: и Куропаткинъ, не сумѣвшій создать опредѣленное положеніе, и Алексѣевъ, какъ намѣстникъ, до своего отъѣзда изъ Портъ-Артура, несомнѣнно имѣвшій полную возможность настоять на исполненіи.

Этотъ вопросъ, какую роль будетъ играть Стес-

сель послѣ того, какъ городъ будетъ отрѣзанъ и окруженъ, меня очень занималъ еще въ началѣ осады. Помню на мой вопросъ Стесселю, какъ онъ понимаетъ свою должность «начальника укрѣпленнаго раіона» и какъ онъ совмѣститъ ее съ комендантомъ, онъ отвѣтилъ живо, совершенно не задумываясь:

— Какъ начальникъ укрѣпленнаго раіона, я пока завѣдую всей линіей нашихъ укрѣпленій на Квантунѣ. Когда укрѣпленія сосредоточатся только въ крѣпости и городѣ, я, конечно, явлюсь ихъ начальникомъ, помимо коменданта, что совершенно ясно.

Такимъ образомъ онъ очень опредѣленно самъ смотрѣлъ на свою роль въ дѣлѣ обороны, а высшее начальство, которое было очень близко генералу Стесселю, (Куропаткинъ—старый товарищъ Стесселя и они даже на «ты», а Алексѣевъ «намѣстникъ» —въ отличныхъ отношеніяхъ съ нимъ)—вполнѣ считало его начальникомъ.

Потому это обвиненіе, взводимое теперь, не можетъ не удивлять.

II.

Стессель и Кинджоускій бой 13 мая.

Не останавливаясь на мелкихъ пунктахъ обвиненія, перейду къ серьезному вопросу о степени виновности Стесселя въ Кинджоускомъ бою, результатомъ котораго было: 1) потеря крѣпости и позиціи Кинджоу, 2) позиція Тафашинъ, 3) паническое бѣгство къ Нангалину.

Этотъ бой, который, пустивъ японцевъ за Кинджоускій перешеекъ—ускорилъ развязку артурскаго дѣла—могъ быть вполнѣ выигранъ нами, если-бы имъ кто-нибудь руководилъ.

Я опредѣленно утверждаю и могу доказать это: боемъ никто не управлялъ, онъ велся стихійно, случайно, «самъ». Генералъ Фокъ (дѣйствительно явив-

шійся около 2 час. дня, тогда какъ бой начался въ 4 утра) спорилъ о первенствѣ въ бою съ ген. Надѣинымъ, почему оба отмѣняли распоряженія другъ друга, сердились, спорили, кричали при солдатахъ и офицерахъ на станціи Тафашинъ. Отсутствующему Стесселю посылались телеграммы то тѣмъ, то другимъ различнаго содержанія.

Напримѣръ, японцы дѣлаютъ маневръ и мѣняютъ позиціи. Ген. Надѣинъ, плохо видящій и увѣренный, что они отступаютъ разбитые, несмотря на всѣ мои убѣжденія—посылаетъ на моихъ глазахъ телеграмму Стесселю «Ура! японцы отступили». Получивъ разрѣшеніе отъ него же, я рядомъ съ нимъ посылаю телеграмму противоположнаго содержанія, но ей не придано было конечно никакого значенія. Телеграмма Надѣина, послѣ опровергнутая и генераломъ Фокомъ, и кап. генеральнаго штаба Одинцовымъ, и мною—все-таки была прочитана на судахъ флота уже готоваго выйти и послужила причиною того, что флотъ не вышелъ, тогда какъ онъ могъ разрѣшить судьбу боя совершенно иначе, что показала канонерка «Бобръ».

Стессель не только на бой не пріѣзжалъ, (какъ говорилъ Фокъ, мотивируя тѣмъ, что его долгъ оставаться въ крѣпости), но помѣшалъ выходу флота, чѣмъ способствовалъ побѣдѣ японцевъ. Свѣдѣнія о боѣ и паникѣ изложены во многомъ не такъ въ обвинительномъ актѣ, какъ было въ дѣйствительности. Когда явился къ станціи Тафашинъ ген. Фокъ, деревня Кинджоу была давно занята японцами, на самой позиціи Кинджоу всѣ орудія были сбиты, форты залиты кровью и завалены трупами и снаряды тамъ разстрѣлены (что давало Фоку право послать объ этомъ телеграмму).

Хотя наканунѣ было совершенно ясно, что будетъ бой, Стессель не приготовилъ никакой диспозиціи и не приказалъ таковую написать тому, кого-бы назначилъ руководить боемъ, и даже вовсе никого не

назначилъ командовать боемъ. Какая неурядица и безтолковщина царила въ этомъ сраженіи (до паники, наступившей уже при темнотѣ), будетъ достаточно понятно, если я укажу только нѣсколько характерныхъ примѣровъ.

Встрѣтивъ ген. Фока въ полѣ, направляющагося въ Тафашинъ, и разсказавъ ему, что деревня взята японцами, а на позиціи разстрѣляны снаряды, орудія сбиты и сопротивленіе немыслимо, я въ отвѣтъ услышалъ:

— Этого не можетъ быть!.. Я этому не вѣрю...

Тогда я попросилъ бывшаго со мною офицера, поруч. С., официально доложить объ этомъ, изъ чего видно, что ген. Фокъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, какъ ведется бой.

Нѣсколько позже на станціи Тафашинъ, куда уже стали чаще и чаще залетать снаряды и гдѣ скопилось много раненыхъ, ко мнѣ подходитъ командиръ 14 полка полк. Савицкій и проситъ «не въ службу, а въ дружбу» проскакать къ Нангалину, чтобы приказать вернуться патроннымъ двуколкамъ, почему то ушедшимъ къ Нангалину (назадъ). Я выразилъ удивленіе, что такое важное дѣло, какъ возвращеніе патронныхъ ящиковъ, необходимыхъ для боя ежеминутно, поручается случайно («не въ службу, а въ дружбу») военному корреспонденту. Я поѣхалъ и вернулъ двуколки, успѣвшія уже добраться верстъ 5 отъ Тафашина.

Когда смолкли орудія и части стали отступать въ полномъ порядкѣ (вѣрно!), генералъ Фокъ ходилъ по платформѣ разъѣзда и громко всѣмъ жаловался на Стесселя не позволяющаго дать бой ночью, а приказывающаго отступать.

— Въ штыки бы ихъ ночью!... раздѣлали бы подъ орѣхъ!—говорилъ онъ. Около двухъ часовъ войска отступали тихо, медленно. Стрѣльба совершенно прекратилась. Какъ послѣ мнѣ уже въ Японіи передавали японцы участники боя, въ то время японцы, силь-

но измученные, лишенные снарядовъ не могли бы болѣе продолжать бой и при малѣйшемъ еще усиліи со стороны русскихъ—они отступили-бы.

Паника началась на разъѣздѣ и японцы къ ней совершенно не причастны, такъ какъ наши двѣ команды напугали одна другую, открыли стрѣльбу и заразили всѣхъ ужасомъ, криками, стрѣльбою и паническимъ бѣгомъ.

Какъ мнѣ послѣ разсказывали японцы, у нихъ въ то же время отъ нашихъ выстрѣловъ тоже началась паника, и они покинули было захваченныя Киндзоускія позиціи!!.

Это уже говоритъ само за себя.

Донесенія ген. Стесселя обо всемъ этомъ были конечно совершенно ложны и болѣе потому ложны, что онъ дѣйствительно не зналъ правды. Ея не зналъ и ген. Фокъ, уѣхавшій съ разъѣзда на лошади, какъ только тамъ началась паника.

Когда ночью того же дня я въ комендантскомъ управленіи пожелалъ сообщить о происходившемъ, мнѣ отвѣтили, что паники никакой нѣтъ, такъ какъ никакихъ вѣстей у нихъ о ней нѣтъ, и пригрозили «вообще, чтобы поменьше говорить», а Стессель, какъ послѣ мнѣ передавали, заявилъ, что онъ-де меня разстрѣляетъ своей властью, если я буду волновать гарнизонъ «завѣдомо ложными слухами».

Тутъ, учитывая всѣ обстоятельства, и надлежитъ разобраться судьямъ, кто же виноватъ—Стессель, Фокъ, Надѣинъ, или инженеры, неудачно построившіе укрѣпленія?..

III.

Неточность или ошибка?

Въ 7-мъ пунктѣ обвинительнаго акта, гдѣ говорится о сообщеніяхъ Стесселя «всегда бываю при всѣхъ возможныхъ столкновеніяхъ», указано между про-

чимъ, что до 1 іюня не было ни одного столкновенія съ японскими войсками, кромѣ боя 13 мая.

На основаніи чьихъ данныхъ составлялся обвинительный актъ? Не говоря о боѣ 5 мая (въ которомъ былъ раненъ въ руку между прочимъ ген. Надѣинъ и награждены георгіемъ шт.-к. Афанасьевъ и подп. Романовскій), послѣ котораго мы уступили гору Сампсонъ и отошли къ Кинджоу, отдавъ станцію японцамъ, имѣя большія потери,—былъ цѣлый рядъ мелкихъ боевъ (напр. 3 мая) и стычекъ; кромѣ того частыя, почти ежедневныя перестрѣлки развѣдочныхъ командъ, конныхъ и пѣшихъ. Ген. Стессель дѣйствительно въ нихъ не участвовалъ, но ему, какъ начальнику раіона, и не нужно было въ нихъ участвовать, а только слѣдить, но онъ не дѣлалъ и этого.

Неточность это или ошибка, но странно видѣть въ такихъ важныхъ документахъ, какъ обвинительный актъ, явно невѣрныя свѣдѣнія о ходѣ дѣла.

Далѣе изъ 1-го пункта по обвиненію Фока видно, что якобы Стессель самъ руководилъ обороной бухты Инчензы; это и невѣрно, и противорѣчіе, такъ какъ только что упоминалось, что Стессель въ этомъ бою не присутствовалъ.

Слова «отдалъ японцамъ заблаговременно укрѣпленную позицію» не вѣрны, они явно грѣшатъ противъ памяти тѣхъ, кто погибъ тамъ, сражаясь до послѣдней возможности.

Позиція держалась героически, подъ адскимъ огнемъ 150 японскихъ орудій, разставленныхъ у подножья горы Сампсона.

Защищаться активно намъ было нельзя: во-первыхъ, наши орудія не были пристрѣляны къ горѣ Сампсонъ, а во-вторыхъ, и наши снаряды не долетали.

Крѣпость Кинджоу была сдана совершенно изуродованной и разрушенной, залитой кровью, потому въ данномъ случаѣ обвиненіе несправедливо по отношенію къ памяти погибшихъ въ этомъ бою.

IV.

Дѣло о боѣ за гору Куинсанъ.

Помимо пунктовъ обвиненія, изложенныхъ въ актѣ, я желалъ бы задать вопросъ тѣмъ, кто составилъ этотъ актъ. Почему ничего не упомянуто о боѣ за ключъ позиціи, гору Куинсанъ? Бой стоилъ намъ около 700 ч. убитыми и потери ключа позиціи. Исторія боя такова, что она одна можетъ служить мотивомъ къ обвиненію цѣлаго ряда лицъ во главѣ съ самимъ ген. Стесселемъ. Всѣ артурцы помнятъ дѣло капитана Лопатина, разжалованнаго въ солдаты и умершаго отъ разрыва сердца, тогда какъ настоящіе виновники «отличены» и понынѣ благополучны.

Объ этомъ хочется разсказать отдѣльно.

V.

Неожиданная потеря ключа позиціи.

Въ серединѣ іюня мѣсяца передовая линія обороны осажденнаго Портъ-Артура была въ достаточной мѣрѣ надежна.

Въ центрѣ отрядъ довольно сильный, при орудіяхъ, при конныхъ и пѣшихъ охотничьихъ командахъ, занималъ горный перевалъ.

Конечно, центру надлежало быть постоянно въ связи съ обоими флангами, обладавшими крупными преимуществами по сравненію съ соотвѣтствующими флангами японцевъ.

На нашемъ лѣвомъ флангѣ мы имѣли великолѣпный ключъ позиціи—доминирующую высоту горы Юпелазъ, вооруженную орудіями Барановскаго. На нашемъ правомъ флангѣ у насъ была позиція еще болѣе сильная—гора Куинсанъ, являвшаяся нѣкоторымъ образомъ природной крѣпостью. Она заканчивалась почти отвѣснымъ скалистымъ кряжемъ на

значительной высотѣ и могла при разумномъ и внимательномъ укрѣпленіи ея и защитѣ остаться несомнѣнно очень долго недоступной для японцевъ, спасая собою всю нашу передовую линію. Военное начальство, т. е. Стессель и Фокъ отлично понимали это, но тѣмъ не менѣе безусловно не приняли всѣхъ необходимыхъ мѣръ для должной защиты этого важнаго пункта. Утверждаю, что мѣры эти приняты не были. Вершину обороняла всего одна 6-я рота 14-го полка, подъ командой капитана Лопатина.

Когда я задавалъ многимъ офицерамъ вопросъ: «Почему не оборонить лучше этотъ пунктъ, такъ какъ усилить его оборону благодаря природнымъ удобствамъ не представляетъ большихъ затрудненій?»—въ отвѣтъ мнѣ пожимали плечами и передавали, что Стессель самъ осматривалъ гору и заявилъ, что она совершенно неприступна со стороны японцевъ и взять ее можно только обходомъ. Приходилось вѣрить.

Начальникомъ праваго фланга былъ подполковникъ Киленинъ, человѣкъ очень робкій, нерѣшительный, нервный, никогда не бывшій въ бою. Говорятъ, что онъ близкій знакомый Стесселя; тѣмъ болѣе сильна вина Стесселя, допустившаго его къ начальствованію надъ правымъ флангомъ.

Въ одно раннее утро подъ прикрытіемъ горнаго тумана японцы задвигались; рѣшили ли они наступать, или мѣняли позиціи или просто демонстрировали—мы объ этомъ освѣдомлены не были.

Киленинъ очень обезпокоился, цѣлый день волновался и вдругъ къ вечеру заявилъ офицерамъ, что рѣшилъ отступать. Офицеры долго его уговаривали. Онъ еще утромъ пытался уѣхать въ Портъ-Артуръ, но офицеры убѣдили его остаться. Съ наступленіемъ вечерней темноты подп. Киленинъ приказалъ отступать, ничего не сообщивъ никому (ни центру, ни въ штабъ дивизіи). Онъ мотивировалъ офицерамъ свои дѣйствія тѣмъ, что имѣетъ какія-то

свѣдѣнія о томъ, что на лѣвомъ флангѣ идетъ бой, а утромъ отъ насъ отобрана была гора Куинсанъ, гдѣ дѣйствительно была стрѣльба.

Киленинъ отошелъ отъ Люнвантанской долины. Куинсанъ остался безъ поддержки. Центръ безъ связи съ правымъ флангомъ.

Японцы замѣтили это раньше, чѣмъ узналъ нашъ штабъ.

Воспользовавшись неурядицей на нашей линіи, они, устроивъ демонстрацію на нашемъ лѣвомъ флангѣ, вдругъ ринулись на Куинсанъ, осыпая его убійственнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Лопатинъ съ ротой держался геройски. Тщетно теряя людей десятками и сотнями, онъ ждалъ подкрѣпленія.

Полковникъ Савицкій тоже отступилъ со своимъ резервомъ отъ Куинсана. Лопатинъ былъ предоставленъ самому себѣ. Нѣсколько разъ онъ посылалъ за подкрѣпленіемъ,—его гонцы не возвращались. Офицеры были убиты и переранены; убыль въ людяхъ была слишкомъ замѣтна. Тогда Лопатинъ, видя полную невозможность держаться и удерживать ключъ позиціи, который, видимо сознательно, покинули,—сталъ отступать, дѣйствительно не получивъ никакого на то распоряженія.

Онъ отступилъ. Куинсанъ былъ немедленно занятъ японцами. Это все произошло такъ скоро и неожиданно, что штабъ былъ въ недоумѣніи. Кто виноватъ? Всѣ заявили, что виноватъ Лопатинъ, осмѣлившійся очистить высоту безъ приказа на то. О Савицкомъ и Киленинѣ никто не заикался. Генералъ Фокъ позвалъ къ себѣ Лопатина и передъ фронтомъ его разбитой роты, при людяхъ израненыхъ, контуженныхъ, измученныхъ неравнымъ и поистинѣ геройскимъ боемъ—сталъ поносить Лопатина, жестоко оскорблялъ и ругалъ, совершенно забывъ всякое человѣческое достоинство:

— Я прикажу васъ разстрѣлять передъ фрон-

томъ,—кричалъ онъ ему,—вы измѣнникъ, вы недостойны быть солдатомъ.

— Я уже былъ довольно долго подъ разстрѣломъ, ваше превосходительство, но остался живъ, хотя разстрѣляно много людей, благодаря тому, что у меня не было подкрѣпленія, прикажите назначить судъ надо мною... но не смѣйте кричать.

— Какъ?.. что?.. еще разговаривать? Вы смѣете говорить, когда кругомъ во всемъ виноваты?.. Я назначу судъ надъ вами.

И его судили.

Но раньше, чѣмъ его «судили» и присудили къ разжалованію, по приказанію Стесселя ему было заявлено, что онъ долженъ со своей ротой вновь завладѣть Куинсаномъ или умереть съ остатками людей у его подножія.

VII.

Какъ отступилъ Киленинъ.

Настаивая на виновности подполковника Киленина въ ничѣмъ не вызванномъ отступленіи безъ извѣщенія о томъ центра и штаба дивизіи, я подкрѣплю это утвержденіе нѣкоторыми личными воспоминаніями, существенными для оцѣнки даннаго дѣла.

Узнавъ по отрывочнымъ и неточнымъ разсказамъ солдатъ и офицеровъ объ оставленіи Киленинымъ позиціи, я рѣшилъ лично убѣдиться въ этомъ и поздно вечеромъ пріѣхалъ къ подп. Кирикову, начальнику горнаго перевала (въ центрѣ).

Попытка Кирикова телефонировать Киленину окончилась неудачно: оттуда никто не отвѣчалъ.

Стали телефонировать въ штабъ; тамъ ничего не знаютъ объ отступленіи праваго фланга, сердятся и просятъ «возстановить связь съ правымъ флангомъ, такъ какъ такое положеніе опасно». Изъ штаба просятъ послать людей на правый флангъ, чтобы

исправить телефонъ.—Но тамъ же отрядъ Киленина?

— Онъ неизвѣстно гдѣ,—отвѣчалъ штабъ.

Обнаружилось очень серіозное положеніе. Офицеры заговорили кругомъ о наступленіи японцевъ. Я доказывалъ, что это ложно, что нѣтъ японцевъ на правомъ флангѣ, такъ какъ я днемъ былъ въ Люнвантанской долинѣ самъ и тамъ было тихо.

— Вы утверждаете, что тамъ нѣтъ японцевъ,— сказалъ мнѣ Кириковъ,—такъ пожалуйста докажите! Поѣзжайте туда и скажите намъ по телефону. Хотите?

Я согласился охотно. Попросилъ дать мнѣ двухъ людей, свѣжую лошадь, такъ какъ моя устала, и, чтобы доказать полную свою увѣренность въ безопасности нашей поѣздки, оставилъ свое оружіе у Кирикова и попросилъ разоружиться солдатамъ; они оставили винтовки и шашки.

Мы отправились. Была тихая теплая ночь и мы совершенно безпрепятственно добрались до моря; на Люнвантанской долинѣ была тишина и безлюдье. Японцевъ не было и въ поминѣ. Свернули направо. Проѣхали еще нѣсколько верстъ и наконецъ въ одной изъ деревень нагнали отрядъ Киленина.

Солдаты въ походномъ снаряженіи, нагруженные, неѣвшіе со вчерашняго дня, валились отъ усталости. Офицеры недовольно роптали.

— Гдѣ Киленинъ?—спрашиваю встрѣчнаго офицера Муратова.

— Я самъ ищу Киленина; никто не знаетъ, гдѣ онъ; чортъ знаетъ, что такое—еще офицеръ генеральнаго штаба!..

Стали искать вмѣстѣ начальника отряда, солдаты котораго въ безпорядкѣ валялись на пескѣ дороги и по травѣ, изнемогая отъ смертельной усталости.

Ихъ все время мучили, то отодвигая назадъ, то подвигая впередъ. Отрядъ уже около сутокъ былъ

лишенъ связи съ центромъ и двигался независимо отъ штаба дивизіи.

И это все на носу японцевъ, помня необходимость охранить вершину Куинсана, столь важную для артурскаго дѣла.

Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что Стесселю не было извѣстно все это.

Наконецъ мы находимъ Киленина въ одной изъ фанзъ.

Онъ сидитъ въ пальто въ походномъ снаряженіи и сумрачно пьетъ чай, заѣдая бисквитами. Около него суетятся съ картой два офицера и что то горячо ему объясняютъ; онъ ихъ не слушаетъ. Я попросилъ разрѣшенія воспользоваться телефономъ; аппаратъ находился въ фанзѣ; оказывается его только что повѣсили и еще ни съ кѣмъ не говорили.

Удалось добиться отвѣта; я сказалъ, что благополучно проѣхалъ по Люнвантанской долинѣ съ невооруженными людьми, какъ и ожидалъ—японцевъ нѣтъ, потому отступленіе Киленина до этой деревни, откуда сейчасъ говорю (названія не помню)—странно и совершенно необъяснимо.

Киленинъ слышалъ мои слова, хотя и дѣлалъ видъ, что болѣе занятъ чаемъ и бисквитами.

На другой день утромъ правый флангъ опять продвинулся впередъ за Люнвантанскую долину, остановился на Зеленыхъ горахъ, выпрямивъ линію обороны отъ моря и до моря.

Генералъ Стессель приказалъ отобрать Куинсанъ во что бы то ни стало, какихъ-бы жертвъ это ни стоило. Киленинъ былъ смѣщенъ; его, кажется, перевели на Ляотешанъ (за городомъ фортъ)—и только. Его не судили и выговоровъ ему не дѣлали, а послѣ даже, какъ мнѣ передавали, дали орденъ и чинъ...

Несомнѣнно, въ этомъ кто-нибудь виновенъ, если не Стессель, то здѣсь въ Петербургѣ, гдѣ, какъ еще говорили въ Артурѣ, у него большія «связи»...

У Лопатина такихъ «связей» не было и онъ явился козломъ отпущенія. Бѣдняга не выдержалъ позора разжалованія и умеръ отъ разрыва сердца.

VII.

Какъ мы три дня и три ночи отбирали у японцевъ безуспѣшно гору Куинсанъ.

Эта игра стоила семисотъ жизней.

Стессель упрямо настаивалъ на своемъ, какъ ему ни доказывали, что взять опять намъ эту гору немыслимо.

Игра была ненужная и жестокая.

Началась 19 іюня вечеромъ, а кончилась 22 утромъ.

Командовалъ боемъ не Фокъ, не Надѣинъ, не Киленинъ, а самъ Кондратенко!

Японцы укрѣпили такъ эту возвышенность, что русскіе диву давались. Изъ камней въ эти нѣсколько дней были сооружены на вершинѣ стѣны выше человѣческаго роста и пулеметы были разставлены въ три ряда одинъ надъ другимъ. Мы сосредоточили артиллерійскій огонь на вершинѣ Куинсана и на его заднихъ склонахъ, гдѣ, предполагалось, расположены были японскіе резервы.

Мы посылали отряды «охотниковъ» на безумные штурмы ночью и днемъ подъ адскимъ пулеметнымъ огнемъ, мы пытались дѣлать обходы, мы губили людей, не считая, и ничего не могли сдѣлать.

Казалось, все разрушено на вершинѣ адомъ фугасныхъ бомбъ, ударявшихся о камни, но лишь только русскіе охотники подползутъ по острымъ камнямъ почти по отвѣсной стѣнѣ—ихъ встрѣчаетъ огонь пулеметовъ...—крики, стоны, вопли, и люди, продержавшись нѣсколько минутъ, принуждены были отбѣгать со страшнымъ уономъ.

Стесселю телеграфировали о невозможности

взять; ген. Кондратенко доказывалъ ему безуміе этой попытки, но онъ стоялъ на своемъ, ясно чувствуя, что потеря ключа позиціи гибельна для дѣла.

Гору не отобрали, но ослабили сильно правый флангъ, такъ какъ дрались, почти не имѣя резерва, тогда какъ японцы за своими укрѣпленіями отражали насъ только горстью людей на вершинѣ горы!..

Кто былъ виноватъ?.. И почему объ этомъ ни слова въ обвинительномъ актѣ?

Вслѣдствіе потери Куинсана дорога къ Артуру была открыта и развязка ускорилась, когда замедленіе развязки въ нашихъ рукахъ было бы побѣдой.

Новый бой на Зеленыхъ Горахъ (уже въ іюлѣ) совсѣмъ близко пустилъ японцевъ къ Артуру; имѣй тогда мы Куинсанъ, можетъ быть долго Люнвантанская долина была бы за нами.

VIII.

Дѣло артурцевъ «героевъ».

По ходатайству обвиняемыхъ разборъ дѣла отложенъ до осени. Но успѣютъ ли къ осени вызвать свидѣтелей, когда многіе теперь еще въ Манчжуріи? Въ свое время они всѣ были здѣсь, но ихъ не допрашивали, а теперь будутъ вызывать ихъ опять.

Списокъ свидѣтелей неизвѣстенъ, а это жаль: есть основаніе думать, что въ него не попало много важныхъ свидѣтелей изъ офицеровъ и солдатъ, знающихъ многія подробности.

Отрадное впечатлѣніе производятъ слова 9-го пункта обвинительнаго акта, гдѣ говорится о томъ, что ген. Рейсъ, получившій Георгія, самъ признался, что подвиговъ «дающихъ право на полученіе этой высокой награды, не совершилъ». А что же молчатъ

другіе штабные офицеры, тоже почему-то украшенные Георгіями благодаря хлопотамъ Стесселя? Такъ же, какъ и ген. Рейсъ, въ бояхъ они не бывали и никакихъ подвиговъ не совершали.

Впрочемъ Георгія получилъ и самъ Стессель, за подвиги вовсе невѣдомые, но объ этомъ умалчивается и въ обвинительномъ актѣ, тогда какъ о незаконныхъ наградахъ Надѣина и Фока, все-таки бывшихъ въ бояхъ—упомянуто.

Видимо слѣдственной комиссіи, хотя и закончившей уже свои дѣйствія—предстоитъ еще большая работа; настоящій обвинительный актъ слишкомъ неточенъ и неполонъ, чтобы являться твердой почвой для постройки обоснованнаго и соотвѣтственнаго дѣйствительнымъ обстоятельствамъ дѣла обвиненія.

Бой за гору Куинсанъ.

(Письмо въ редакцію).

По поводу статьи моей о Куинсанскомъ боѣ любопытны возраженія подполковника Киленина, обвиняемаго мною въ потерѣ важнаго стратегическаго пункта, потому считаю нужнымъ привести его возраженіе такъ, какъ оно было помѣщено въ газетѣ «Русь», гдѣ печатались эти очерки о «геройхъ» Портъ-Артура.

Въ № 175 «Руси» помѣщена замѣтка «По поводу обвинительнаго акта надъ героями П.-Артура», въ которой авторъ, г. Купчинскій, считая меня главнымъ виновникомъ потери горы Куинсанъ во время боя 13 іюня 1904 года, указываетъ на слѣдующіе факты, якобы подтверждающіе его обвиненіе:

1) 13 іюня при обнаруженіи какихъ-то передвиженій со стороны японцевъ подполковникъ Киленинъ цѣлый день волновался и съ наступленіемъ вечерней темноты приказалъ отступать, ничего не сообщивъ никому (ни центру, ни въ

штабъ дивизіи), мотивируя свои дѣйствія тѣмъ, что имѣетъ какія-то свѣдѣнія о томъ, что на лѣвомъ флангѣ идетъ бой, а утромъ отъ насъ отобрана была гора Куинсанъ, гдѣ дѣйствительно была стрѣльба.

2) Благодаря этому отступленію, а также отступленію полковника Савицкаго со свѣимъ резервомъ, гора Куинсанъ осталась безъ поддержки и вся тяжесть боя легла на роту капитана Лопатина, который геройски держался на этой высотѣ, тщетно ожидая подкрѣпленій и теряя людей десятками и сотнями. Когда-же офицеры были убиты и ранены, а убыль въ людяхъ была слишкомъ замѣтна (до 700 чел.), капитанъ Лопатинъ, видя полную невозможность держаться и удерживать ключъ позиціи, который, видимо, сознательно покинули—сталъ отступать, дѣйствительно не получивъ никакого на то распоряженія.

3) Настаивая на моей виновности въ ничѣмъ не вызванномъ отступленіи безъ извѣщенія о томъ центра и штаба дивизіи, авторъ замѣтки подкрѣпляетъ все это личными воспоминаніями, которыя онъ считаетъ существенными для оцѣнки даннаго дѣла и сущность которыхъ заключается въ томъ, что г. Купчинскій безъ оружія, въ сопровожденіи 2 безоружныхъ солдатъ, безпрепятственно проѣхалъ по Лунвантанской долинѣ до моря, не встрѣтивъ ни одного японца, почему мое отступленіе до какой-то деревни считаетъ страннымъ и необъяснимымъ.

Таковы главнѣйшіе пункты обвиненія Купчинскаго. Прежде чѣмъ отвѣчать на эти пункты, считаю необходимымъ выяснить общую обстановку, при которой пришлось мнѣ дѣйствовать 13 іюня 1904 года въ день боя за гору Куинсанъ.

Послѣ боя и отступленія съ позиціи Кинчжоу 13 мая отрядъ генерала Фока диспозиціей по 4-ой стрѣлковой дивизіи занялъ позицію отъ Суанцагоу, черезъ перевалъ Шининцзы по Скалистому кряжу и далѣе по южнымъ высотамъ Лунвантанской долины до моря, причемъ гора Куинсанъ не была включена въ основную позицію. На мой отрядъ выпала задача обороны праваго фланга отъ деревни Хоудзятунъ до Лунвантанской бухты. Произведя рекогносцировку впереди-лежащей мѣстности, я

убѣдился въ необходимонсти занятія г. Куинсана и перевала противъ деревни Хуанкигжуанъ (на правомъ флангѣ), которые оба являлись естественными ключами позиціи по своему доминирующему положенію и природной силѣ, вслѣдствіе чего я, вопреки диспозиціи, выдвинулъ свой отрядъ на линію означенныхъ высотъ и донесъ объ этомъ генераламъ Фоку и Кондратенко.

Мои распоряженія были одобрены начальствомъ и согласно диспозиціи отъ 1 іюня сего года за № 67 гора Куинсанъ была включена въ основную позицію и на случай наступленія японцевъ въ превосходныхъ силахъ той-же диспозиціею было приказано оказать имъ упорное сопротивленіе на линіи Суанцайгоу, Талингоу, горы Юпилазы, перевалъ у д. Шининцзы, г. Куинсанъ, Сашанъ, Хуанкигжуанъ и далѣе до моря. Вся позиція была раздѣлена на 3 участка, изъ коихъ послѣдній подъ моимъ начальствомъ начинался отъ дер. Хаунминцуань (восточное подножіе г. Куинсанъ) и тянулся до моря на протяженіи 9 верстъ. Гора Куинсанъ составила правый флангъ средняго участка подполковника Кирикова. Средній и правый участки были подъ общимъ командованіемъ полковника Савицкаго.

Въ развитіе общей диспозиціи мною была отдана своя диспозиція, по которой отряду ставилась задачей упорная оборона, для чего вся позиція была раздѣлена на два участка: лѣвый подъ начальствомъ подполковника Шишко ($1^1/_2$ бат. и 4 пулемета), правый—подъ командою подполковника Козляковскаго ($1^1/_4$ бат. и 4 орудія) и общій резервъ—подполковникъ Малыгинъ ($^1/_4$ бат.), который на время боя долженъ былъ передвинуться къ д. Моуцзагоу (за центромъ позиціи) и туда-же было указано посылать донесенія. Связь со штабомъ 4-й дивизіи и отрядомъ подполковника Кирикова поддерживалась телефономъ и летучею почтою.

Между тѣмъ общей диспозиціи по двумъ участкамъ полковникъ Савицкій не отдавалъ; также не была отдана диспозиція и по среднему участку, подполковника Кирикова и мелкіе отряды [1]), занимавшіе гору Куинсанъ и прилегающія

[1]) Капитаны Голицынскій и Лопатинъ; поручики Рочко, Музалевскій и Нѣмченко.

высоты, считали эти позиціи лишь временными для раскрытія силъ и намѣреній противника, а основною позиціею—считали Скалистый кряжъ. Въ результатѣ получилось то, что взаимодѣйствіе двухъ сосѣднихъ участковъ, находящихся подъ общею командою одного начальника, не было совершенно установлено, общаго резерва не было и связь поддерживалась по иниціативѣ частныхъ начальниковъ, т. е. полное отсутствіе руководства войсками отряда полковника Савицкаго, что и послужило главнѣйшею причиною потери нами ключа позиціи, горы Куинсанъ.

Перехожу теперь къ отвѣтамъ на обвинительные пункты г. Купчинскаго.

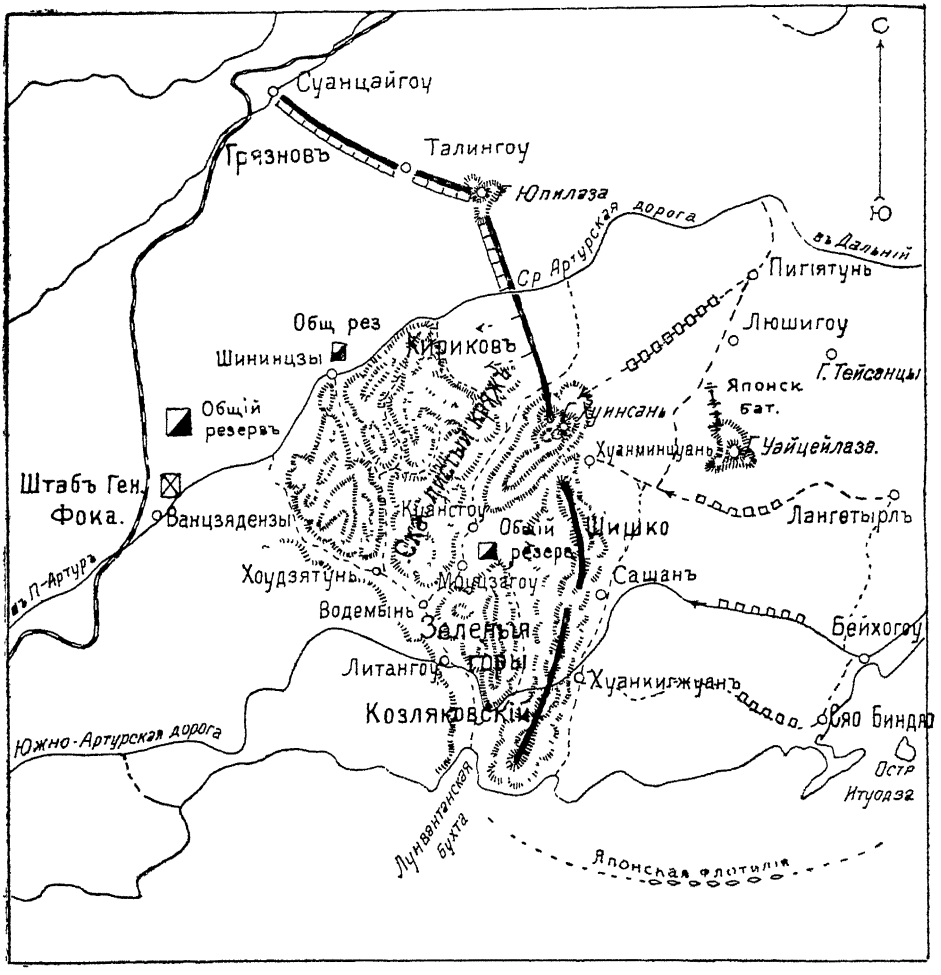
По 1-му пункту. Въ 4 часа утра по приказанію генерала Кондратенко изъ моего отряда были высланы части для производства рекогносцировки непріятельскаго расположенія и въ 6 часовъ утра были обнаружены непріятельскія колонны, наступающія со стороны Лигятуня и Лангетырла. Подъ напоромъ превосходныхъ силъ, рекогносцирующіе отряды вмѣстѣ съ передовыми частями отступили на главную позицію, которую по перевозѣ заняли мои главныя силы, а я съ резервомъ перешелъ въ д. Моуцзагоу, т. е. къ мѣсту, назначенному диспозиціей.

По всему фронту шла перестрѣлка, а въ 10 час. утра со стороны Дальняго появилась японская флотилія изъ 3 канонерскихъ лодокъ и 10 миноносцевъ, которая, подойдя къ Лунвантанской бухтѣ, открыла огонь въ тылъ позиціи подполковника Козляковскаго.

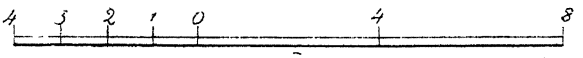
Затѣмъ послѣдовалъ рядъ донесеній отъ подполковника Шишко и капитана Успенскаго (и. д. начальника штаба моего отряда) о наступленіи японцевъ по направленію горы Куинсанъ, д. Сашанъ и къ Сяо-бендасскому перевалу. Въ общемъ силы японцевъ опредѣлялись въ 10—12 баталіоновъ. (По иностраннымъ источникамъ наступала 11-я пѣхотная дивизія для овладѣнія горы Куинсанъ и Сяо-бендасскаго перевала).

Такимъ образомъ, указываемыя г. Купчинскимъ какія-то передвиженія японцевъ—имѣли вполнѣ опредѣленный ха-

рактеръ наступленія значительныхъ силъ японцевъ на наши передовыя позиціи при поддержкѣ частью флота.



Масштабъ 4 версты въ 1 д



Въ виду обнаруженія главнаго направленія на лѣвый флангъ (отряда подполковника Шишко) и въ центръ (дер.

Сашанъ) мною изъ общаго резерва были высланы въ поддержку боевой линіи 2 роты (поручика Длусскаго и штабсъ-капитана Глассона). О всѣхъ передвиженіяхъ непріятеля и своихъ распоряженіяхъ я немедленно телеграфировалъ въ штабъ генерала Фока.

Первоначальный ударъ японцевъ послѣдовалъ на крайній флангъ (подполковника Козляковскаго), но попытки японцевъ атаковать Семафорную гору (у моря) были отбиты однимъ ружейнымъ огнемъ. Послѣ чего японцы отступили и поддерживали лишь рѣдкій огонь.

Около 11 часовъ я выѣхалъ на южное подгоріе г. Куинсанъ для производства личной рекогносцировки; здѣсь встрѣтилъ охотника 14-го полка, который ѣхалъ къ подполковнику Кирикову съ приказаніемъ «задержать высылку резерва до особаго приказанія». Это меня крайне удивило, а потому я послалъ къ нему донесеніе, что у меня въ резервѣ только 3 роты. Въ это время меня вызвалъ генералъ Кондратенко къ д. Моуцзагоу; прибывъ куда, я засталъ тамъ и генерала Стесселя. По выслушаніи доклада генералы уѣхали и вслѣдъ за ихъ отъѣздомъ началась стрѣльба по всему фронту. Съ 2 часовъ я сталъ получать рядъ донесеній отъ подполковника Шишкс о наступленіи японцевъ къ г. Куинсанъ и о скорѣйшей высылкѣ резерновъ, вслѣдствіе чего я немедленно послалъ 2 роты 25-го полка подъ командою подполковника Малыгина на поддержку горы Куинсанъ, а вскорѣ затѣмъ прибылъ начальникъ отряда полковникъ Савицкій, которому я и доложилъ, что въ резервѣ у меня только одна рота (штабсъ-капитанъ Кварцъ) и необходима немедленная высылка подкрѣпленій въ отрядъ Кирикова.

Полковникъ Савицкій, по непонятнымъ для меня причинамъ, не обратилъ никакого вниманія на донесенія подполковника Шишко и, захвативъ раненаго офицера 14 полка, сѣлъ въ коляску и уѣхалъ въ штабъ генерала Фока.

Къ этому времени въ отрядъ прибылъ полковникъ Семеновъ (нынѣ свиты Его Величества генералъ-маіоръ), который оставался у меня въ отрядѣ до 4 $^1/_2$ час. дня. Въ 4 часа было получено донесеніе, что японцы еще болѣе усилили атаки на гору Куинсанъ, потому я, посовѣтовавшись съ пол-

ковникомъ Семеновымъ, приказалъ послѣдней ротѣ общаго резерва (штабсъ-капитана Кварцъ) двинуться къ горѣ Куинсанъ. Такимъ образомъ къ 4 $^1/_2$ часамъ у меня не было резерва. Полковникъ Савицкій уѣхалъ къ генералу Фоку; подполковникъ Кириковъ не появлялся. Части 14-го полка, дѣйствуя совершенно самостоятельно, отступили на свою основную позицію (Скалистый кряжъ) и къ довершенію всего прискакали ординарцы съ донесеніями, что японцы заняли г. Куинсанъ и обстрѣливаютъ во флангъ позицію капитана Франца. Достовѣрность этихъ извѣстій не подлежала сомнѣнію, такъ какъ я самъ лично видѣлъ отступленіе частей 14 полка (между прочимъ роту капитана Лопатина) и значительное число раненыхъ, вывозимыхъ изъ отряда капитана Франца.

Необходимо было принять немедленное рѣшеніе: оставаться-ли на прежней позиціи и сдѣлать попытку отобрать гору Куинсанъ, или-же отойти на вторую позицію. Первое рѣшеніе я считалъ невыполнимымъ, войска были на ногахъ болѣе 12 часовъ, крайне утомлены, а въ резервѣ ни одной свѣжей части, тогда какъ 2-е рѣшеніе, т. е. занятіе другой позиціи, давало возможность съ прибытіемъ достаточныхъ подкрѣпленій перейти, съ большими шансами на успѣхъ, въ наступленіе и отбить обратно г. Куинсанъ.

Основываясь на этомъ, я, черезъ поручика Цивчинскаго, послалъ приказаніе подполковнику Шишко отступить къ д. Литангоу, въ общій резервъ.

Подполковнику Козляковскому, черезъ поручика Пруссова приказалъ 3 ротами занять Зеленыя Горы, а подшедшей ротѣ 26 полка (поручикъ Витвинскій) занять участокъ между Скалистымъ кряжемъ и дер. Моуцзагоу. Кромѣ того, батареѣ капитана Петренко занять высоту къ сѣверу отъ д. Литангоу (2-я), для обстрѣла долины, ведущей къ г. Куинсанъ.

О своихъ распоряженіяхъ я лично сообщилъ по телефону въ штабъ генерала Фока, причемъ на вопросъ начальника штаба, въ которомъ часу гора Куинсанъ захвачена, отвѣтилъ: «около 4$^1/_2$ часовъ дня».

Такимъ образомъ всѣ мои дѣйствія, какъ начальника от-

ряда вызывались различными перипетіями дѣйствительной обстановки боя и только отступленіе частей 14-го полка, обнажившихъ мой лѣвый флангъ, занятіе японцами горы Куинсанъ, съ угрозою тылу отряда подполковника Шишко и отсутствіе резерва—все вмѣстѣ взятое и вынудило меня къ отступленію на новую позицію, причемъ связь съ отрядомъ генерала Фока не прерывалась и все время поддерживалась телефономъ.

По 2-му пункту—относительно геройской защиты г. Куинсанъ ротою капитана Лопатина, то по показаніямъ очевидцевъ боя—подполковника Шишко и капитана Франца, все время наблюдавшихъ за дѣйствіями этой роты, выясняется слѣдующая картина боя: до 12 часовъ дня съ вершины горы слышенъ былъ огонь роты. Около $1^1/_2$часу дня надъ Куинсаномъ начали рваться японскія шрапнели и одинъ снарядъ, попавъ въ окопъ на вершинѣ, взорвалъ часть его, послѣ чего рота капитана Лопатина отступила за вершину и послѣ этого огонь оттуда больше не открывался.

Видя это, распоряженіемъ капитана Франца, на гору Куинсанъ были высланы 100 охотниковъ штабсъ-капитана Любимскаго, которые какъ единственные защитники и находились тамъ до конца и слабымъ своимъ огнемъ, конечно, не могли остановить движеніе 3 баталіоновъ японцевъ, успѣвшихъ занять сѣверную вершину горы Куинсанъ.

Между тѣмъ рота Лопатина, считая очевидно свою задачу выполненною, такъ какъ смотрѣла на гору Куинсанъ, какъ на временную позицію, продолжала отступленіе, причемъ изъ показанія полковника Савицкаго, видно, что въ 2 часа 10 минутъ эта рота уже спускалась по отрогамъ Куинсана, а въ 4 часа я лично видѣлъ ее у деревни Моуцзагоу.

Такимъ образомъ рота Лопатина оставила гору Куинсанъ задолго еще до отступленія моего отряда.

Затѣмъ указываемыя г. Купчинскимъ громадныя потери въ ротѣ капитана Лопатина офицерами и нижними чинами въ дѣйствительности ограничились 1—2 ранеными стрѣлками, а потери въ офицерахъ и не могли быть, такъ .какъ ихъ (т.-е. офицеровъ) въ ротѣ у Лопатина въ наличности не было. Всѣ же потери цѣликомъ

легли на мой отрядъ, а именно: ранено 5 офицеровъ (капитанъ Францъ, штабсъ-капитанъ Глассонъ, поручики: Длусскій, Соловьевъ и Лохвицкій) и около 200 стрѣлковъ убитыми и ранеными, причемъ потери эти—главнымъ образомъ были на участкѣ капитана Франца.

По 3-му пункту. Прежде всего позволю замѣтить, что въ первый разъ слышу фамилію г. Купчинскаго и лично никогда не былъ съ нимъ знакомъ. Затѣмъ самое существенное доказательство моей виновности, по личнымъ наблюденіямъ Купчинскаго, отсутствіе японцевъ въ Лунвантанской долинѣ, которую онъ проѣхалъ безъ оружія, объясняется очень просто, такъ какъ сѣверныя высоты этой долины, обращенныя къ сторонѣ японцевъ (Зеленыя Горы и высота у дер. Бодемынь) были заняты моимъ отрядомъ (роты 28-го В.С. Стр. полка капитановъ Іотейко, Ласскаго и Могеровскаго, рота 26-го В. С. Стр. полка поручика Витвинскаго и охотники штабсъ-капитана Любимскаго), а потому г. Купчинскій могъ совершенно безбоязненно ѣздить въ тылу моего отряда безъ оружія.

Указанныя позиціи были очищены уже ночью по личному приказанію генерала Кондратенко, который прибылъ ко мнѣ въ штабъ у д. Литангоу (деревня при выходѣ Южно-Артурской дороги въ Лунвантанскую долину) въ 9 часовъ вечера вмѣстѣ съ поручикомъ Гриневичемъ. Находя новую позицію невыгодною, въ виду возможнаго обстрѣла съ моря открытаго тыла, генералъ Кондратенко приказалъ занять южныя высоты Лунвантанской долины [1]). Генералъ оставался въ отрядѣ до глубокой ночи и уѣхалъ послѣ того, какъ были сдѣланы всѣ распоряженія по занятіи указанной имъ позиціи и возстановлена связь съ отрядомъ подполковника Кирикова, такъ какъ во время отступленія телефонная проволока была прервана.

Такимъ образомъ и личныя наблюденія г. Купчинскаго совершенно не выяснили ему настоящей обстановки, и исходя изъ невѣрныхъ данныхъ г. Купчинскій и до настоящаго времени находится очевидно въ полномъ заблужденіи отно-

[1]) Т е. совершенно обратно указанію г Купчинскаго, такъ какъ на Зеленыя Горы отрядъ вторично перешелъ 20 іюня съ боемъ, когда уже былъ подъ командою полковника Семенова.

сительно истинныхъ причинъ отступленія моего отряда. Въ заключеніе г. Купчинскій говоритъ слѣдующее:

«Киленинъ былъ смѣщенъ; его кажется перевели на Ляоташань (за городомъ фортъ)—и только. Его не судили, и выговоровъ ему не дѣлали, а послѣ даже, какъ мнѣ передавали, дали орденъ и чинъ... Несомнѣнно въ этомъ кто-нибудь виновенъ, если не Стессель, то здѣсь въ Петербургѣ, гдѣ, какъ еще говорили въ Артурѣ, у него большія связи».

На это я могу отвѣтить слѣдующее: я дѣйствительно былъ замѣненъ полковникомъ Семеновымъ, но замѣна эта была произведена по личной моей просьбѣ, что лучше всего подтверждается слѣдующимъ письмомъ генерала Кондратенко на мое имя:

«Разрѣшаю вамъ сегодня отправиться въ Артуръ, къ полку, чтобы отдохнуть и оправиться. Буду вамъ очень признателенъ, если заглянете на Ляоташань и доложите мнѣ о положеніи тамъ дѣлъ. Ваше мнѣніе, какъ знатока Ляоташаня, принесетъ мнѣ огромную пользу. Генералъ Стессель поручилъ мнѣ передать вамъ свою сердечную признательность за болѣе, чѣмъ мѣсячную трудную и сложную работу по организаціи нашей обороны впереди Артура и за дѣятельность въ качествѣ начальника праваго авангарда. Я также приношу вамъ самую искренную благодарность за вашу работу.

Съ чувствомъ истиннаго уваженія и душевной преданности остаюсь Р. Кондратенко».

Относительно награжденія меня чиномъ и орденомъ, то я, несмотря на большія свои связи, какъ это указываетъ г. Купчинскій, чина не получилъ, хотя къ этой наградѣ былъ представленъ генераломъ Кондратенко за организацію обороны впереди П-Артура, но наградной листъ при посылкѣ въ дѣйствующую армію затерялся гдѣ-то въ дорогѣ; кромѣ того тоже къ чину я былъ представленъ особою комиссіей генерала Дембовскаго, въ общемъ спискѣ штабъ-офицеровъ, но опять-таки не получилъ его, вслѣдствіе значительнаго сверхкомплекта въ арміи строевыхъ штабъ-офицеровъ.

Я получилъ въ результатѣ только «золотое оружіе», награду, тѣмъ болѣе для меня дорогую, что къ таковой я былъ

представленъ генераломъ Кондратенко за отбитіе ноябрьскихъ штурмовъ на 3-й участокъ Восточнаго фронта (фортъ 11, Куропаткинскій люнетъ лит. Б), коего я былъ въ это время начальникомъ, причемъ генералъ Кондратенко лично присутствовалъ во время одного изъ штурмовъ у меня на участкѣ и затѣмъ въ присутствіи чиновъ своего штаба: поручика Гриневича и капитана Аверьянова черезъ своего ординарца поручика Алексѣева по телефону приказалъ полковнику Науменко (командиру 28-го В. С. стр. бат.) прислать на меня отдѣльно наградной листъ. Такимъ образомъ, благодаря указываемымъ связямъ, я получилъ только одну боевую награду, въ то время, какъ большинство остальныхъ участниковъ обороны П-Артура получили не менѣе 4-хъ наградъ.

Въ заключеніе считаю нужнымъ исправить еще нѣкоторыя неточности въ статьѣ г. Купчинскаго, а именно: капитанъ Лопатинъ по суду былъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпость на $1^1/_2$ года, а не къ разжалованію въ солдаты и затѣмъ онъ умеръ въ госпиталѣ отъ дизентеріи, а не отъ разрыва сердца.

Н. Киленинъ.

IX

Мой отвѣтъ Киленину.

Въ подробномъ изложеніи исторіи потери ключа позиціи Куинсанъ, подполковникъ Киленинъ объясняетъ свое отступленіе съ одной стороны необходимостью, а съ другой санкціей, даже приказаніемъ (къ сожалѣнію, словеснымъ) генерала Кондратенко. Для того, чтобы отнюдь не выразить сомнѣніе къ словамъ г. Киленина, напомню ему, что по военному уставу законную силу въ бою имѣютъ лишь письменныя приказанія, тѣмъ болѣе, когда рѣчь идетъ объ отступленіи. Г. Киленинъ настаиваетъ на обвиненіи полковника Савицкаго и кромѣ того серьезно обвиняетъ подполковника Кирикова (начальника центра), будто бы ничего не знавшаго о жизни

своего отряда вообще, а въ частности объ отступленіи Савицкаго и оставленіи Куинсана Лопатинымъ. Полковникъ Киленинъ говоритъ, что его отступленіе было послѣ отступленія Лопатина и потому онъ, Киленинъ, въ отступленіи Лопатина невиновенъ.

Степень виновности другихъ участниковъ этого дѣла въ несчастной потерѣ важнаго пункта конечно съ большой точностью можетъ установить судъ, имѣющій за собою право вывоза и допроса необходимыхъ свидѣтелей.

Начальники стали обвинять одинъ другого, вполнѣ оправдывая себя, что уже указываетъ на необходимость включить въ обвинительный актъ Куинсанское дѣло, на чемъ я настаивалъ.

Прежде, чѣмъ отвѣтить по существу на возраженія г. Киленина, я исправлю нѣкоторыя его неточности въ сводкѣ моихъ положеній: г. Киленинъ понялъ меня невѣрно (очевидно неумышленно). Приводя мое положеніе: «капитанъ Лопатинъ отступалъ, когда офицеры были убиты и ранены, а убыль въ людяхъ была слишкомъ замѣтна, видя полную невозможность держаться и удерживать гору Куинсанъ»... и. т. д.—онъ ставитъ число 700, указывая тѣмъ, что я считалъ тогда 700 чел. потерянными.

Я говорилъ, что все Куинсанское дѣло, а главнымъ образомъ бой 20, 21, 22 іюня, стоило намъ болѣе 700 жизней; тогда же потеря не превышала 200 чел., изъ коихъ большинство было только ранено (больше жертвъ выпало на долю той части отряда, которая была расположена на восточномъ склонѣ Куинсана подъ начальствомъ капитана Франца; я считалъ этотъ отрядъ общимъ съ Лопатинымъ).

Далѣе, въ 3-емъ пунктѣ положенія, г. Киленинъ указываетъ, что я «проѣхалъ по Люнватанской долинѣ до моря».

Необходимо разъяснить, что я ѣхалъ отъ перевала Шининзы дорогой сѣвернѣе Каменистаго кряжа, сдѣлавъ въ общей сложности болѣе 23 верстъ

до моря (съ обходомъ), а по долинѣ Люнваньтань проѣхалъ всего послѣднія версты 3 у моря передъ тѣмъ, какъ свернуть вправо по южной Артурской дорогѣ.

Такимъ образомъ, я никакъ не могъ проѣхать въ тылу отряда Киленина, какъ онъ пишетъ, такъ какъ ночью отрядъ уже отступилъ до моего проѣзда, что видно изъ словъ самого же г. Киленина, разсказывающаго, что Кондратенко былъ въ отрядѣ въ 9 ч., послѣ чего стали отступать, а я прибылъ уже передъ разсвѣтомъ, т. к. выѣхалъ отъ Кирикова съ горн. перевала Шининзы въ 12 ч. полуночи.

Своей поѣздкой съ невооруженными охотниками ночью я доказалъ справедливость бывшаго у меня твердаго предположенія, что японцевъ тамъ нѣтъ. Пріѣхавъ къ морю глубокой ночью, послѣ того, какъ отрядъ Киленина отступилъ, какъ оказывается, съ разрѣшенія генерала Кондратенко, я конечно логически правъ, выражая свое удивленіе не только при видѣ солдатъ, измученныхъ и лежащихъ на землѣ отъ изнеможенія, но и вообще воочію убѣдившись въ томъ, что нашъ лѣвый флангъ отступилъ. То, что правый флангъ послѣ продвинулся уже подъ командой полковника Семенова и подъ личнымъ наблюденіемъ генерала Кондратенко, мнѣ хорошо извѣстно и памятно и это было значительно позже. Я помню, какъ наканунѣ этого знаменитаго Куинсанскаго трехдневнаго штурма, стоившаго намъ сотни жизней, батальоны и роты подъ музыку и трескотню японскихъ и нашихъ винтовокъ, подъ раскаты орудійныхъ выстрѣловъ размѣщались вновь на Зеленыхъ Горахъ, и дальше почти ввиду Хуанкинчжуана, гдѣ до отступленія находился отрядъ Козляковскаго.

Крайне интересны и необходимы для справедливыхъ сужденій объ этомъ печальномъ дѣлѣ,—тѣ

разъясненія, которыя, возражая мнѣ, даетъ г. Киленинъ.

Подполковникъ Киленинъ отступилъ, потому что отступили сосѣди (Савицкій).

Савицкій сказалъ мнѣ, что отступилъ потому, что не поддержалъ Киленинъ. (Теперь, разъ выяснилось, что Киленинъ получилъ отъ Савицкаго записку объ отступленіи, вопросъ конечно нѣсколько измѣняется).

А Лопатинъ говорилъ мнѣ, что отступилъ потому, что не подослалъ подкрѣпленій подполковникъ Киленинъ и отодвинулся.

Возраженія г. Киленина цѣнны; они проливаютъ много свѣта на это дѣло, на это темное дѣло, о которомъ въ Артурѣ говорили шопотомъ, испуганно озираясь, боясь, не коснуться бы кого изъ сшибившихся власть имѣвшихъ.

Теперь оно мало-по-малу разъясняется и окончательно должно быть выяснено на судѣ.

Ясно, что ключъ позиціи былъ потерянъ благодаря полной несогласованности дѣйствій отрядовъ фланговыхъ и центра.

Ясно, что капитанъ Лопатинъ не могъ съ капитаномъ Францемъ защищать позицію, требующую серьезной обороны.

Ясно, что былъ допущенъ интервалъ между центромъ и правымъ флангомъ. Если бы японцы воспользовались имъ, конечно, дѣло кончилось бы еще хуже.

Ясно, что отбирать тогда же вновь Куинсанъ Киленину было немыслимо, но принятое второе рѣшеніе—отступать къ Литангоу все-таки не создало необходимости отступать дальше и очистить южные отроги Зеленыхъ Горъ.

Обвиненіе подполковника Кирикова, начальника участка, въ которомъ находился Куинсанъ,—обвиненіе очень серьезное, но мнѣ странно, почему г. Киленинъ не настаивалъ на этомъ обвиненіи, когда

судили Лопатина? Нѣтъ сомнѣнія, что тогда онъ бы не былъ осужденъ такъ жестоко, хотя бы на полтора года крѣпости, какъ утверждаетъ г. Киленинъ.

Г. Киленинъ говоритъ, что онъ лично со мною знакомъ не былъ, но вѣдь я и не говорю, что мы съ нимъ знакомы.

Я сказалъ, что г. Киленинъ былъ смѣщенъ, и его перевели на Ляо-тѣшанъ.

Г. Киленинъ прислалъ удостовѣреніе, что не былъ смѣщенъ отъ начальствованія надъ правымъ флангомъ, а ушелъ согласно своему желанію; Ляотешанъ-же поручилъ ему генералъ Кондратенко при дружескомъ письмѣ...

Г. Киленинъ хочетъ сказать, что этотъ переводъ не былъ мѣрою наказанія, но послѣдовалъ по его личному почину. И я однако продолжаю думать, что этотъ переводъ состоялся подъ давленіемъ событій.

Г. Киленинъ пишетъ, что несмотря на отличную аттестацію начальства онъ получилъ всего одно лишь «золотое оружіе» и представленіе къ чину, тогда какъ другіе имѣли по четыре награды. Но, г. Киленинъ, я напоминаю вамъ тѣхъ, которые не получили и... крестовъ на могилахъ, тогда какъ по статуту имѣли права на всѣ 4 креста на бантѣ, на всѣ четыре степени Георгія!..

X.

Капитанъ Лопатинъ.

... Я помню его лицо.

Это было послѣ ночи безумнаго штурма съ 20—21 іюня, когда рота его (10-я, а не 6-я, какъ я упомянулъ по ошибкѣ) билась отъ зари до зари вмѣстѣ съ охотниками и уменьшилась, кажется, почти наполовину.

Шелъ дневной штурмъ Куинсана. Храбрецъ Нѣмченко карабкался съ горстью своихъ охотниковъ на

почти отвѣсную стѣну подъ дождемъ огня винтовокъ и пулеметовъ, втянувъ голову въ плечи, упорно, раздраженно, настойчиво, точно гипнозомъ сковывалъ людей своихъ необходимостью слѣдовать дальше, все лѣзть и лѣзть подъ самыя дула.

Стоя на одной изъ горныхъ вершинъ, я слѣдилъ въ бинокль съ замираніемъ сердца за кучкой этихъ безумцевъ — рѣшимость ихъ казалась мнѣ чудомъ,— когда вдругъ услышалъ я—«здравствуйте!» за моей спиной.

Вздрогнулъ, обернулся. Смотрю: Лопатинъ.

Блѣдное лицо. Сухія губы. Красные, воспаленные, ввалившіеся глаза. Голосъ хриплый, простуженный.

— Отчего вы такъ блѣдны, вамъ дурно?—спрашиваю.

— Нѣтъ... я ночь провелъ на штурмѣ, мы не спали ни секунды; люди качаются... На ногахъ стоять не могутъ... измучились... Думалъ убьютъ меня на склонѣ, да нѣтъ, не убили... Прощайте—итти надо— только вѣрите-ли мнѣ?... вѣрите-ли мнѣ? послѣ узнаютъ, я долженъ былъ отступать!.. Прощайте!

— Куда-же вы?

— На штурмъ! Посылаютъ вновь—смотрите на моихъ людей! видите какіе... ха, ха, ха! Ничего! Стессель сказалъ, пусть Лопатинъ ляжетъ со всей ротой у подножья Куинсана, но пусть вернетъ!.. Иду исполнять желаніе Стесселя... «Рота!.. маршъ!..»

Теперь Лопатинъ мертвъ.

Г. Киленинъ разсказываетъ о немъ и выходитъ, что Лопатину даже нечего и сказать въ свою защиту. Но детали всей этой исторіи я знаю отъ его ближайшихъ товарищей, офицеровъ 14 В. С. Сибирскаго полка, къ конно-охотничьей командѣ котораго я былъ прикомандированъ военнымъ корреспондентомъ. Лопатина я зналъ хорошо лично и совершенно не согласно съ тѣмъ освѣщеніемъ, въ какомъ его изображаетъ г. Киленинъ, описывающій его отступле-

ніе такъ, что читатели получатъ впечатлѣніе о Лопатинѣ, какъ о трусѣ, бѣжавшемъ отъ первыхъ выстрѣловъ со своими людьми. Трусъ не пошелъ бы день и ночь подрядъ на штурмъ.

Занимая вершину Куинсана, высокую, съ трудомъ приступную, Лопатинъ, видѣвшій сильныя потери на правомъ склонѣ у фронта и движеніе сзади, гдѣ отступалъ Савицкій, тщетно посылалъ донесеніе съ просьбой инструкцій.

Надо замѣтить, что къ вершинѣ Куинсана примыкаетъ непосредственно тотъ склонъ, на которомъ была расположена рота Франца. И Лопатину съ вершины и людямъ его было видно какъ на ладони все, что творилось на ближайшемъ, правомъ флангѣ у Франца: людей выносили десятками, офицеровъ раненыхъ сносили внизъ, одного за другимъ, такъ какъ стрѣляли уже во флангъ, начиная уже окружать, наступающія японскія роты. Чтобы не остаться окруженнымъ непріятелемъ, и не посвященный въ стратегическое значеніе Куинсана, Лопатинъ отступилъ, увѣренный въ безнадежности защиты позиціи, по его мнѣнію лишь рядовой.

Моя ошибка въ томъ, что я причислилъ къ Киленину отрядъ Лопатина, тогда какъ онъ принадлежалъ къ отряду Кирикова, на котораго такимъ образомъ возводится, вкупѣ съ полковникомъ Савицкимъ, тяжкое обвиненіе.

А на судѣ надъ Лопатинымъ и Савицкій и Кириковъ остались внѣ всякихъ обвиненій; невольно навертывается вопросъ, отчего же тогда молчалъ г. Киленинъ, когда всю вину на себѣ понесъ Лопатинъ?

Что касается до смерти Лопатина отъ дезинтеріи, какъ утверждаетъ г. Киленинъ, то могу сказать, что на позиціи дезинтеріей страдали многіе и сильныя волненія и напряженія при этой болѣзни, когда особенно чувствительна нервная система—легко оканчивались смертью. Нѣтъ сомнѣнія, смерть Лопатину принесъ обвинительный приговоръ суда, какъ мнѣ

разсказывалъ поручикъ Ясевичъ, хорошо знавшій Лопатина и возмущавшійся жестокимъ его осужденіемъ. Конечно тяжка ему была не степень кары, а тотъ позоръ, который покрылъ его имя. И многіе близкіе Лопатину люди говорили, что умеръ онъ именно отъ разрыва сердца, мучимый позоромъ возведеннаго на него обвиненія. Дѣло о немъ должно пересмотрѣно—дѣло о Лопатинѣ, Киленинѣ, Савицкомъ и Кириковѣ, а прежде всѣхъ о Стесселѣ, поведшемъ защиту Куинсана такъ, что этотъ центръ позиціи оказался потеряннымъ, какъ японцы двинулись на него.

XI.

Высадка японцевъ въ Бидзыво и отрѣзаніе Портъ-Артура.

О странномъ безучастіи къ высадкѣ японцевъ со стороны того начальства, на совѣсти котораго лежала судьба Квантуна, — тоже ни слова въ обвинительномъ актѣ, и это удивляетъ, потому что это безучастіе поражало всѣхъ.

Повсюду говорили о возможности долго не допускать высадку и съ суши, и съ помощью флота.

Послѣ бездѣйствіе было объяснено тѣмъ, что флотъ не могъ дѣйствовать безъ сухопутнаго начальства, а сухопутное начальство не могло ничего предпринять безъ помощи флота, который не былъ подчиненъ ни Стесселю, ни тѣмъ болѣе Смирнову.

Эта невозможность столковаться и разрѣшить такой важный вопросъ, какъ совмѣстными усиліями препятствовать высадкѣ, конечно, въ большей мѣрѣ падаетъ упрекомъ на Стесселя, остававшагося въ Артурѣ, такъ какъ намѣстникъ при первыхъ слухахъ о высадкѣ слишкомъ былъ занятъ приготовленіями къ выѣзду въ Мукденъ, и судьба Квантуна его интересовала куда меньше, чѣмъ тѣ вагоны, по которымъ онъ распредѣлялъ свое имущество.

О высадкѣ было извѣстно за нѣсколько дней.

Можно было предполагать съ очень большимъ вѣроятіемъ, что высадка будетъ именно въ Бидзыво, такъ какъ Дальній (гдѣ было удобное мѣсто) былъ великолѣпно заминированъ.

Когда въ 1894 году японцы отбирали у китайцевъ Портъ-Артуръ, они сдѣлали десантъ тоже въ Бидзыво и вообще въ войнѣ съ нами слѣдовали тому же плану, что и съ китайцами десять лѣтъ ранѣе.

Въ морѣ появились безчисленные транспорты, конечно сильно охраняемые миноносками и крейсерами. Транспорты были на виду нѣсколько дней. Что бы было флоту выйти въ это время!

Что бы было заминировать бухту Бидзыво!.. Но объ этомъ некому было заботиться.

Намѣстникъ готовился къ отъѣзду и ему было не до того. Стессель, сочиняя страшные и «суворовскіе» приказы, призывалъ къ мужеству, геройству и въ громкихъ, напыщенныхъ и слезливыхъ словахъ говорилъ, что отступать некуда. Японцевъ ждали совершенно бездѣятельно, безпомощно оглядывая море, гдѣ на страхъ врагамъ плавали у береговъ десятки транспортовъ.

Такъ малые цыплята, сбившись въ кучу покорно, безъ ропота и терпѣливо слѣдятъ за полетомъ кружащагося надъ ними коршуна...

Наконецъ въ Артурѣ заволновались... «Высаживаются, высаживаются»!—пробѣгала изъ устъ въ уста тревожная вѣсть.

Туда бы послать два, три полка, поставить бы орудія на высотахъ, но... объ этомъ некому было думать.

— Пусть ихъ высаживаются! Должны же когда-нибудь высадиться,—повторяли мнѣ слова Стесселя на вопросъ, почему мы не оказываемъ японцамъ сопротивленія.

Высадка происходила медленно и продолжалась нѣсколько дней. Сначала высадилась кавалерія и въ разныя стороны поскакали разъѣзды человѣкъ

въ 30—50, наводя панику на станціи, едва защищаемыя кучками пограничниковъ.

На нѣкоторыхъ станціяхъ служащіе сжигали аппараты, зданія, имущества и убѣгали въ Артуръ, гдѣ ихъ встрѣчало грозное возмущеніе начальства.

Стессель былъ возмущенъ, что люди осмѣливались покидать свои посты безъ разрѣшенія на то начальства. Появился его знаменитый приказъ, надъ которымъ много смѣялись въ Артурѣ: «Лицъ, покинувшихъ свои посты и мѣста служенія вслѣдствіе приближенія непріятеля—буду судить по законамъ военнаго времени; никто не въ правѣ оставлять свой постъ безъ разрѣшенія на то властей».

Это было смѣшно, потому что разрѣшенія «отступать» получить было негдѣ; телеграфы не дѣйствовали, удобныхъ сообщеній на многихъ постахъ не было, а на посты изъ 10—15 чел. двигалась, предшествуемая развѣдочными отрядами, тысячная армія. И выходило такъ, что офицеръ скачетъ къ ближайшему телеграфному аппарату, а его солдаты, предоставленные самимъ себѣ, не зная, куда имъ итти и что дѣлать, садятся въ первый поѣздъ и ѣдутъ, куда ихъ привезутъ, лишь бы не сидѣть, безсмысленно подставляя себя подъ выстрѣлы японцевъ.

Тогда Куропаткинъ успѣлъ отмѣнить это распоряженіе Стесселя, приказавъ снять посты, оставивъ ихъ лишь отъ Артура до станціи Саншилипу, (15 верстъ на сѣверъ отъ Киндзоу).

Высадилась почти семидесяти-тысячная армія, вскорѣ, какъ извѣстно, отрѣзавшая Квантунъ отъ сѣвера и начавшая продвигаться единовременно и къ сѣверу и къ югу.

А мы все сидѣли и ждали! Изрѣдка Стессель командировалъ отряды наблюдать дѣйствія японцевъ.

Но японская кавалерія не подпускала близко, и наблюденія были ничтожны. По городу и въ частяхъ ходили всякія басни и анекдоты про высадившуюся

армію японцевъ, желтыхъ макакъ, которыхъ конечно ничего не будетъ стоить выбросить назадъ въ море, или отшвырнуть въ объятія къ Куропаткину.

Стессель ѣздилъ съ штабомъ по городу верхомъ на лошади, шутилъ и писалъ очень забавные приказы.

Намѣстникъ укатилъ на двухъ паровикахъ въ Мукденъ, везя въ длинной вереницѣ своего поѣзда свой штабъ, имущество, живность и всякіе припасы, что очень обижало артурцевъ, которые серьезно задумывались надъ тѣмъ, что можетъ не хватить провіанта... Японцы понемногу стали подвигаться къ Киндзоу.

Вся эта простая исторія непротивленія злу развѣ не интересна какъ лишняя характеристика «бездѣйствія власти»? Но о ней въ обвинительномъ актѣ ни слова. Почему?—спрашивалъ я лицъ, прикосновенныхъ къ суду; мнѣ отвѣчали:

— Помилуйте! Нельзя же все!.. И такъ много пунктовъ, очень важныхъ и серьезныхъ.

Конечно въ обвинительномъ актѣ есть важные пункты, но безпрепятственное допущеніе японцевъ на Квантунъ, когда препятствіе было съ нашей стороны, возможно, даже тогда называли преступленіемъ.

XII.

Диктаторство генерала Стесселя.

Это было настоящее самодержавіе, странное, капризное, своевольное царствованіе человѣка, не обладавшаго ни умомъ, ни административнымъ тактомъ, ни смѣлостью, ни знаніями. Ежедневно говорили о самыхъ смѣшныхъ и любопытныхъ, какъ анекдоты, выходкахъ артурскаго царька, какъ въ шутку называли Стесселя.

Самъ же онъ частенько повторялъ, разсердив-

шись, что здѣсь онъ «царь и богъ». Такую же тенденцію онъ проводилъ и въ своихъ знаменитыхъ приказахъ, которые достаточно уже извѣстны, думаю, чтобы ихъ приводить здѣсь.

Разскажу нѣкоторыя личныя столкновенія съ нимъ, могущія нѣкоторымъ образомъ иллюстрировать то сознаніе безграничнаго властителя, которое онъ ощущалъ отчасти даже до отрѣзанія Портъ-Артура.

Стессель вообще очень не любилъ печать и при первомъ нашемъ свиданіи онъ великодушно предупредилъ меня объ этомъ, мотивируя свою нелюбовь тѣмъ, что всѣ газеты врутъ.

— Здѣсь же у меня въ крѣпости я и «Новому Краю» врать не позволю!

Надо замѣтить, что тогда я еще не былъ сотрудникомъ «Новаго Края», гдѣ сталъ писать уже позже.

— Вообще я противъ того, чтобы въ крѣпости оставались военные корреспонденты, и васъ попрошу уѣхать отсюда лишь только будетъ первый бой, такъ и знайте.

Отнюдь не имѣя въ виду уѣзжать совсѣмъ изъ Артура, я сказалъ, что мои бумаги даютъ мнѣ право быть тамъ, гдѣ я захочу, на чемъ я всегда сумѣю настоять, а пока прошу разрѣшить мнѣ осмотрѣть форты, т. е. выдать мнѣ соотвѣтствующее письменное разрѣшеніе, безъ коего не имѣютъ права пустить на фортъ.

— Вотъ уже этого, батенька, не будетъ, фортовъ вы не увидите!

Мнѣ удалось тѣмъ не менѣе убѣдить его въ томъ, что военный корреспондентъ имѣетъ полнѣйшее право осмотрѣть форты, что я даже могу ему доказать съ полученіемъ бумаги отъ Куропаткина.

Наконецъ мнѣ разрѣшили посѣтить одинъ изъ фортовъ; это была Золота яГора. Черезъ нѣсколько дней я былъ приглашенъ офицеромъ на одинъ изъ другихъ фортовъ.

Офицеры стали показывать мнѣ орудія, тутъ же былъ и комендантъ форта. Ко мнѣ подошелъ жандармъ и заявилъ, что я здѣсь быть не имѣю права. Я конечно не ушелъ, а жандарму сказалъ, что это дѣло начальника форта.

— Относительно васъ есть распоряженіе, и я буду телефонировать въ штабъ,—держа руку подъ козырекъ, сказалъ жандармъ.

— Пожалуйста.

На другой день Стессель приказалъ меня арестовать. Меня жандармы искали цѣлый день, но безуспѣшно, такъ какъ въ гостиницѣ, гдѣ я остановился, бывалъ я очень рѣдко.

Ночью я ночевалъ на одномъ изъ судовъ, такъ какъ утромъ предполагалъ быть на «Петропавловскѣ», на что получилъ уже отъ Макарова разрѣшеніе. Это было незабвенное утро, когда былъ бой на морѣ и погибъ «Петропавловскъ», куда я счастливо для себя опоздалъ!

Это было около 9 ч. утра на палубѣ «Монголіи», гдѣ я стоялъ, съ жадностью слѣдя за боемъ, когда явилось два жандарма съ околоточнымъ и заявили, что ищутъ на судахъ «скрывающагося» военнаго корреспондента Купчинскаго.

Я конечно подошелъ и спросилъ, что отъ меня надобно.

— По распоряженію генерала Стесселя мы васъ арестуемъ; пожалуйста, слѣдуйте за нами въ шлюпку.

Съ властью исполнительной спорить было конечно безполезно и мнѣ пришлось повиноваться. Скрѣпя сердце, я принужденъ былъ оставить историческій бой. Когда я плылъ на лодкѣ по гавани и не спускалъ глазъ съ нашихъ судовъ, зная уже о гибели «Петропавловска», то тщетно убѣждалъ хоть ненадолго промедлить; это было нельзя. Меня повезли къ полицеймейстеру.

— Вотъ что,—заявилъ я первымъ долгомъ поли-

цеймейстеру, — немедленно телефонируйте генералу Стесселю, что я категорически протестую противъ подобнаго насилія надо мною. Оставаться здѣсь мое право и я принужденъ буду телеграфировать Куропаткину, если меня не освободятъ...

— Простите, но я тутъ не причемъ. Стессель очень сердитъ на васъ, что вы были на другомъ форту и вообще, что остались въ бою; онъ говоритъ, что лично вамъ запретилъ.

— Мнѣ дѣла нѣтъ до его запрещеній. Я здѣсь буду и дальше, для того я пріѣхалъ. Извольте меня освободить.

— Я не имѣю права освободить васъ... Но я сейчасъ поговорю со Стесселемъ.

Черезъ двѣ минуты онъ возвращается съ крикомъ:

— Макаровъ погибъ, великій князь погибъ, весь штабъ... о ужасъ, ужасъ... да, Стессель проситъ меня, чтобы я васъ отправилъ съ жандармами изъ Портъ-Артура...

— Хорошо,—сказалъ я,—передайте Стесселю, что конечно сопротивляться смѣшно. Я поѣду въ штабъ къ Куропаткину и ранѣе чѣмъ черезъ три дня буду здѣсь вновь и конечно не для того, чтобы сидѣть дома, а буду бывать и на фортахъ, и въ бояхъ, всюду, гдѣ захочу; такъ и скажите, а сейчасъ мнѣ надо послать телеграмму.

Самые энергичные мои протесты не помогли. Мнѣ пришлось выѣхать изъ Артура «подъ наблюденіемъ жандармовъ», глядѣвшихъ, какъ мнѣ укладывала прислуга вещи, и провожавшихъ меня до поѣзда. Это все въ такой историческій день, когда страшныя вѣсти о гибели «Петропавловска» съ Макаровымъ и его штабомъ уже пробѣгали изъ устъ въ уста, волнуя, тревожа и пугая.

Меня «посадили» на поѣздъ, съ которымъ какъ разъ ѣхали великіе князья Борисъ и Кириллъ Владиміровичи. Телеграмму дать хотя разрѣшили, но ее

задержали. Когда поѣздъ тронулся, я крикнулъ жандармамъ:

— Прошу передать Стесселю, что вернусь ранѣе, чѣмъ черезъ три дня.

Черезъ 2 дня я пріѣхалъ вновь, уже побывавъ въ Ляоянѣ и имѣя категорическое разрѣшеніе отъ Куропаткина оставаться въ Артурѣ, сколько пожелаю. Меня встрѣтили жандармы, но, узрѣвъ бумагу, отошли.

Мѣсяца полтора Стессель меня не трогалъ.

Но вотъ однажды ему не понравилась моя статья въ «Новомъ Краѣ», и онъ, написавъ на газетѣ, что «проситъ редактора арестовать автора статьи Купчинскаго»—послалъ газету въ редакцію.

П. А. Артемьевъ, редакторъ Поръ-Артурской газеты, отвѣтилъ, что не уполномоченъ арестовывать своихъ сотрудниковъ. Я былъ въ то время на позиціяхъ и по пріѣздѣ мнѣ передали объ этомъ, совѣтуя лучше уѣхать опять на позиціи, такъ какъ Стессель конечно не остановится передъ тѣмъ, чтобы исполнить свое желаніе. Я пробылъ въ городѣ два дня.

На третій день ѣду въ походной формѣ по улицѣ съ значкомъ военнаго корреспондента верхомъ и въ сопровожденіи коннаго охотника, направляясь на позиціи; встрѣчаемъ Стесселя во главѣ большой кавалькады: тутъ и офицеры штаба и прикомандированные, и находящіеся въ распоряженіи.

Поровнялись. Онъ остановилъ лошадь и издали грозитъ мнѣ пальцемъ, наклонивъ голову на бокъ; что то говоритъ, но я не слышу. Говорю ему, что не понимаю его знаковъ, а словъ не слышу и тоже придерживаю лошадь.

Проситъ повернуть и проѣхаться съ нимъ. Ѣдемъ. Говоритъ совсѣмъ мирно:

— Что вы это, батенька, какія вещи пишите. Я на васъ совсѣмъ разсердился...

— Какъ же,—говорю,—слышалъ, вы даже опять

хотѣли меня арестовать, но если я ошибся въ чемъ, —самое большее, что вы могли сдѣлать—это опровергнуть; мой арестъ не измѣнилъ бы написаннаго.

— Ну да ничего, ничего, я вѣдь знаете простой солдатъ, горячъ очень, но отходчивъ... Что же, въ Петербургъ пишите?... Знаете какъ мы тутъ обороняемся... скажите, чтобы тамъ знали; до послѣдней капли крови будемъ стоять... Ну, а что, на позиціи тихо?

— Я сейчасъ былъ въ городѣ.

И мы разъѣхались совсѣмъ миролюбиво.

Этимъ исчерпался инцидентъ.

XIII.

Виновенъ ли Стессель, или допустившіе его?

Трусливый, слабохарактерный, находящійся весь подъ вліяніемъ своей жены, Стессель только казался благодаря своей и природной, и напускной грубости человѣкомъ воли и твердаго духа. Несамостоятельный, нерѣшительный и недалекій, онъ не умѣлъ отличать вещей важныхъ, значительныхъ отъ ничтожныхъ, и это неумѣніе распознать цѣнность событій отражалось на всей его дѣятельности. Не касаясь сейчасъ «завѣдомо преступныхъ» актовъ, я хочу отмѣтить въ его дѣятельности черты, за которыя передъ судомъ онъ положительно неотвѣтственъ, а отвѣтственны всецѣло тѣ, которые допустили его до начальствованія надъ Квантуномъ.

Виноватъ несомнѣнно Куропаткинъ, который и долженъ быть судимъ за этотъ необдуманный, гибельный шагъ.

Постоянно окруженный своими «штабными», Стессель и не зналъ, и не старался ничего узнавать лично, совершенно довольствуясь докладами, порою слишкомъ мало отражавшими дѣйствительность. Потому и оборона крѣпости, и сраженія, и развѣдки, и

распредѣленіе припасовъ—было совершенно предоставлено судьбѣ и случаю. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда Стессель вмѣшивался—всегда выходило плохо, потому, можетъ быть, онъ и самъ, предпочитая возиться съ пустыми приказами, разыгрываетъ, «строгаго, но отходчиваго генерала», а важные вопросы предоставляетъ самимъ себѣ.

Надо было: позаботиться о горожанахъ, установить правильныя смѣны солдатъ на позиціяхъ, урегулировать отпуски офицеровъ въ городъ, согласовать дѣйствіе флота съ дѣйствіями сухопутныхъ войскъ, наконецъ укрѣпляться не покладая рукъ,, и раціонально распредѣлить припасы—Стессель же тѣшился травлей «Новаго Края», благо имѣлъ на то возможность, безнаказанную тогда и безапелляціонную, устраивалъ смотры «добровольцевъ», комичную игру въ солдатики, къ которой еще я вернусь и т. д.

Словомъ Стессель чувствовалъ себя на очень интересномъ и любопытномъ мѣстѣ полнымъ хозяиномъ и господиномъ, и, какъ недалекій человѣкъ, не могъ ничѣмъ быть полезенъ дѣлу, и въ этомъ, повторяю, виновны его пославшіе.

Но такъ какъ Стесселя обвиняютъ въ томъ, что онъ не употребилъ всѣхъ зависящихъ отъ него мѣръ къ оборонѣ и спасенію крѣпости, я остановлюсь на тѣхъ мѣрахъ спасенія, которыя могли быть примѣнены, и на тѣхъ основныхъ упущеніяхъ, которыя пагубно отозвались на оборонѣ.

Жаль тысячъ, погибшихъ оттого, что не было начальника; многіе гибли героями, и не должна ихъ коснуться даже тѣнь того позора, который весь на этихъ начальникахъ, трусливыхъ и бездарныхъ, пожелавшихъ обѣлить себя лаврами, украденными у славно, честно погибшихъ, жестоко обманутыхъ начальникомъ...

XIV.

Рознь между флотомъ и сухопутными войсками.

Съ самаго начала блокады обнаружилось, что сухопутныя войска Квантуна сильно недовольны флотомъ. Флотъ въ свою очередь питалъ къ сухопутнымъ какую-то смертную, необъяснимую вражду. И вражда эта росла съ каждой недѣлей осады, явно поддерживаемая Стесселемъ, если несознательно, то его нетактичностью. Дѣло въ томъ, что флотъ не былъ подчиненъ Стесселю, что очень возмущало его, Стесселя, сильно недовольнаго бездѣйствіемъ флота.

У флота начальника, собственно, не было, — (такъ какъ адм. Витгефтъ вѣдь не могъ-же въ самомъ дѣлѣ считаться начальникомъ!)—потому быть можетъ флотъ и былъ такъ мало активенъ.

Но нѣтъ сомнѣнія, что при отсутствіи враждебныхъ отношеній съ арміей—флотъ былъ-бы болѣе полезенъ, такъ какъ былъ бы—активенъ и, кто знаетъ, можетъ-быть не кончилъ-бы такой жалкой гибелью.

Вражда эта была далеко не секретомъ! О случаѣ дракъ солдатъ съ матросами, массовыхъ и одиночныхъ, говорили повсюду. Также достаточно было немного поговорить съ солдатами о флотскихъ, чтобы замѣтить рѣзкую непріязнь къ флотскимъ.

Мнѣ случалось самому натыкаться на характерныя сцены: я видѣлъ, какъ морскіе офицеры, встрѣчаясь съ сухопутными солдатами на улицѣ, переходили на другую сторону для безопасности. Я видалъ, какъ сухопутные солдаты встрѣчали морскихъ офицеровъ, проѣзжавшихъ на извозчикѣ комьями грязи и далеко нелестными эпитетами. Я видѣлъ наконецъ офицеровъ арміи и флота, споривших до публичныхъ дракъ (напримѣръ въ ресторанѣ Панкратова)—на больныя темы о бездѣйствіи флота... Все это

пагубно отражалось на духѣ гарнизона, что вполнѣ понятно всякому.

Не нужно быть военнымъ, чтобы понимать, что въ этой враждѣ, которую никто изъ артурцевъ отрицать не будетъ, но о которой, къ слову сказать, почти не писали—крылся одинъ изъ залоговъ той развязки, которая привлекла начальниковъ на скамью подсудимыхъ.

И я думаю, что въ уставахъ объ оборонѣ крѣпостей, хотя и 64-го года (мы къ нашему стыду еще почти не имѣемъ иныхъ уставовъ и хотя nonsens очевиденъ—принуждены пользоваться допотопными законоположеніями)—ясно указаны статьи, по коимъ можно было-бы найти виновныхъ въ вышеизложенномъ гибельномъ раздорѣ. И это, конечно, задача судей; я сказалъ-бы слѣдственной комиссіи.

Стессель на каждомъ шагу не только не стѣснялся присутствіемъ солдатъ, но и нарочно порою въ ихъ присутствіи обзывалъ флотскихъ измѣнниками, трусами, продавшими насъ японцамъ и т. п., что вѣроятно возбуждало болѣе, чѣмъ невинныя «замѣтки» Фока, о которыхъ такъ грозно сказано въ обвинительномъ актѣ.

Порою на позиціяхъ солдаты спрашивали меня: «правда, что флотъ разсердился на Стесселя и будетъ стрѣлять по городу и по насъ?..»

Порою артиллеристы на позиціяхъ говорили мнѣ:

— Если намъ только слово скажутъ, охотно начнемъ стрѣлять по судамъ; пусть выходятъ проклятые!.. стоятъ, ѣдятъ, а толку съ нихъ что?.. Орудія съ радостью отдали на форта!..

Объяснять имъ невсегда было время; это было трудно и долго. Развѣ нормально такое положеніе дѣла въ осажденной крѣпости?

И вина эта падаетъ только ли на Стесселя? Можно-ли судить нетактичность, грубость, непониманіе?..

Можно-ли, не преступленіе-ли было назначить

такого человѣка въ вершители судебъ «рускаго» Квантуна?

По поводу этой главы, получено интересное письмо, которое и приводится ниже:

XV.

Въ Портъ-Артурѣ.

Г. Купчинскій въ своихъ статьяхъ о портъ-артурской осадѣ указываетъ на существовавшую въ то время вражду между моряками и сухопутными частями войскъ. Но развѣ этого не было и раньше въ Портъ-Артурѣ? Не такъ же ли и ранѣе высшее начальство флота ссорилось изъ-за главенства съ начальствомъ сухопутнымъ, не такъ же ли, по примѣру боговъ, и младшіе объединялись въ обособленные лагери?

Морякъ не бывалъ въ офицерскомъ собраніи крѣпостного гарнизона и—обратно.

Иностранцы зло подсмѣивались надъ этими семейными дрязгами русскихъ. Особенной остроты взаимно-враждебное отношеніе между моряками и сухопутными достигло спустя годъ по занятіи нами крѣпости. Во флотѣ въ ту пору царилъ в-ад. Дубасовъ, во главѣ же сухопутныхъ войскъ стоялъ ген. Субботичъ.

Изъ-за чего они только ни ссорились? Среди обывателей разсказывалось, какъ двое изъ начальствующихъ лицъ враждебныхъ лагерей никакъ не могли притти къ соглашенію, гдѣ кому стоять въ соборѣ во время торжественныхъ богослуженій. Курьезъ усугублялся еще тѣмъ, что и собора-то еще не было, а существовала лишь наскоро выстроенная деревянная церковь.

Когда спора не могли рѣшить на мѣстѣ, запросили Петербургъ. Дѣло чуть ли не дошло до присылки спеціальной комиссіи.

Вскорѣ послѣ того в.-ад. Дубасовъ былъ отозванъ и его мѣсто занялъ уже съ опредѣленными полномочіями высшаго начальства и надъ Квантуномъ и надъ флотомъ—адм. Алексѣевъ. За в.-ад. Дубасовымъ послѣдовалъ ген. Субботичъ.

Вражда же пустила глубокіе корни. Въ мирное время она служила на развлеченіе иностранцамъ, во время же войны— была одной изъ причинъ нашего позора.

В. И

XVI.

Стессель и солдаты.

Меня всегда очень интересовалъ вопросъ, какъ относятся къ Стесселю солдаты? Я часто разспрашивалъ ихъ о немъ и долженъ отдать справедливость ему,—онъ умѣло кокетничалъ съ солдатами. Именно кокетничалъ. Онъ старался передъ фронтомъ изображать изъ себя «добраго, но строгаго и справедливаго генерала», былъ искусственно рѣзокъ съ офицерами и тутъ-же искусственно мягокъ съ солдатами, что создало ему среди офицеровъ большую нелюбовь, а среди солдатъ, какъ это ни странно, пожалуй даже популярность.

Онъ умѣлъ быть съ ними шутливымъ и простымъ; наблюдая его разговоръ съ солдатами въ одиночку и предъ фронтомъ, я всегда чувствовалъ его фальшивыя ноты, но солдаты, которые такъ привыкли къ грубымъ, безучастнымъ, совершенно чужимъ начальникамъ, даже игру его принимали за чистую монету.

«Онъ добрый и насъ любитъ, жалѣетъ...» говорили иногда про него, но бывали случаи и, чѣмъ дальше тѣмъ больше ихъ, когда солдаты его раскусывали и... тогда уже не было къ нему пощады... Разсказываютъ характерный примѣръ этихъ солдатскихъ разочарованій въ немъ.

Извѣстно, что Стессель иногда посѣщалъ позиціи.

Были случаи, когда онъ неожиданно и случайно нарывался на перестрѣлки. Однажды онъ пріѣхалъ на одинъ изъ фортовъ во время уже тѣсной блокады. Тамъ началась орудійная перестрѣлка и Стес-

сель оставался съ штабнымъ офицеромъ внизу, въ безопасности. Изрѣдка сверху на носилкахъ, осторожно ступая, санитары сносятъ раненыхъ.

Несутъ тяжело раненаго запаснаго. Оторвало ногу. Онъ лежитъ, блѣдный, истекая кровью.

— Ахъ бѣдный...—подходитъ къ нему Стессель,— дайте ему 4-й степени, капитанъ!—Капитанъ осторожно кладетъ на пальто ленточку Георгія. Но вдругъ раненый приподнимается и съ силой бросаетъ въ лицо Стесселя данный крестикъ, обрушиваясь на него съ безпощаднымъ обвиненіемъ и руганью...

— А креста твоего, обманщикъ, мнѣ не надо... У меня свой заработанный есть, какого ты не заслужилъ!—закончилъ солдатъ, тутъ-же впалъ въ безпамятство и умеръ.

Впечатлѣніе отъ этой сцены было, конечно, сильное. Солдаты стали понимать, что Стессель обманываетъ, что онъ и не любитъ и не жалѣетъ ихъ, какъ это кажется.

Стессель постоянно говорилъ солдатамъ, что Куропаткинъ идетъ на выручку, что намъ держаться не долго, цитировалъ несуществовавшія телеграммы Куропаткина, божился, что Куропаткинъ съ каждымъ днемъ все ближе и ближе: то онъ уже въ Кинджоу, то онъ на Самсонѣ. Эти наивныя измышленія порою проводились и въ приказахъ; вредъ этихъ обмановъ слишкомъ очевиденъ; солдаты, сперва вѣрившіе слѣпо всему, лишь только убѣдились въ лживости обѣщаній—перестали вѣрить всему-же.

И этимъ несомнѣнно было положено начало той деморализаціи въ гарнизонѣ, которая впослѣдствіи, какъ извѣстно, вылилась въ опредѣленную очень рѣзкую и опасную форму.

Даже Стессель, въ своихъ оправданіяхъ сдачи крѣпости опирался на эту деморализацію гарнизона, но кто-же, какъ не онъ самъ, былъ виновникомъ этой деморализаціи?

«Замѣтки» Фока, о которыхъ упоминается въ обвинительномъ актѣ, всѣ цѣликомъ приносили куда меньше вреда, чѣмъ одинъ любой приказъ Стесселя, пропитанный завѣдомой и наивной ложью. Но вѣдь Стесселя хорошо зналъ Куропаткинъ, и потому вновь повторяю, что назначеніе Стесселя не должно пройти Куропаткину безнаказанно. Тутъ, видимо, была такъ называемая «протекція»: пріятель посадилъ пріятеля; (очень характерный примѣръ для того, чтобы подумали, наконецъ, о томъ, не пора-ли избавить Россію отъ гибельныхъ «протекцій»?)

XVII.

Утомленіе на позиціяхъ.

Послѣ Куинсанскаго боя, когда обладаніе японцами важнымъ стратегическимъ пунктомъ обязывало насъ собственной бдительностью охранять передовую линію, утомленіе солдатъ на передовой линіи было очень сильно.

Ночи приходилось проводить безъ сна въ нервномъ ожиданіи перестрѣлки или въ самой перестрѣлкѣ, за пищей приходилось солдатамъ спускаться самимъ внизъ и, хотя тамъ внизу, довольно далеко отъ передовой линіи, часто ждала ихъ горячая пища, она остывала, принесенная наверхъ. За водой приходилось часто посылать въ долину къ ручью.

Упорядочить вопросъ о пищѣ и водѣ тогда было такъ легко. Сколько жаловались на это и солдаты сами, и офицеры—никто не счелъ нужнымъ позаботиться о томъ, чтобы передовая цѣпь измученныхъ солдатъ была сыта.

Проѣзжая часто днемъ по передовой линіи, проходя вдоль траншей на вершинахъ горныхъ кряжей и холмовъ, я видѣлъ солдатъ, десятками спавшихъ, обнявъ свои ружья, офицеровъ съ похудѣвшими осунувшимися лицами и глазами, красными отъ безсонницы.

— Ну скажите вы тамъ, ну повліяйте, если можете, ну пишите, наконецъ,—говорилъ мнѣ нервно офицеръ,—мы измучились недосыпаніемъ и недоѣданіемъ; почему насъ не смѣняютъ? почему не смѣняютъ, когда тамъ сзади насъ резервы безо всякаго дѣла, когда въ Артурѣ множество офицеровъ кутитъ, жуируетъ, гуляетъ на «музыкѣ», почему не «смѣняютъ?..

Дѣйствительно это было странно.

Тысячи людей въ резервѣ ждали безъ дѣла, въ самомъ городѣ было повсюду множество офицеровъ «отпущенныхъ за покупками», а на передовой линіи, куда слѣдовало посылать людей свѣжихъ, бодрыхъ, сытыхъ, выспавшихся, чтобы они могли дѣйствительно охранять продуктивно передовую линію—бродили въ полуснѣ и засыпали стоя люди измученные въ конецъ.

Естественно, что благодаря этому затѣвались ненужныя перестрѣлки, а малѣйшія демонстраціи японцевъ волновали всю нашу линію, дѣлая ее легко уязвимой.

Городъ не былъ еще тѣсно блокированъ, а люди на позиціяхъ уже начинали заболѣвать отъ изнуренія и нерегулярнаго плохого питанія. Чѣмъ дальше, тѣмъ шло хуже. Когда же эти измученные люди попадали въ городъ и дорывались до водки и ѣды, нѣтъ ничего удивительнаго, что частенько они напивались и дебоширили. Правда, Стессель отдалъ «строжайшій приказъ» не продавать водки нижнимъ чинамъ, подъ страхомъ военнаго суда, но нижніе чины просили покупать водку прохожихъ и отлично устраивались. Стессель и относительно этихъ «штатскихъ измѣнниковъ» выпустилъ грозный манифестъ, обѣщая, кажется, чуть-ли не разстрѣливать ихъ, но это не помогало.

XVIII.

Неравномѣрное распредѣленіе припасовъ

По третьему пункту обвинительнаго акта, предъявленнаго Стесселю, видно, между прочимъ, что онъ обвиняется въ непринятіи своевременно надлежащихъ мѣръ къ увеличенію продовольственныхъ средствъ крѣпости: а) не пополнялъ запасы овощей, несмотря на то, что имѣлъ къ тому возможность, б) не принялъ мѣръ къ правильному производству реквизиціи лошадей, предусмотрѣнному мобилизаціоннымъ расписаніемъ и къ увеличенію въ крѣпости числа головъ скота, в) оставилъ безъ распоряженія представленіе коменданта объ увеличеніи дачи конины, каковое увеличеніе было настоятельно необходимо для поддержанія силъ истомленнаго гарнизона.

Обвиненія важныя и справедливыя, конечно, но что говорить о томъ, что не увеличили припасы, когда не сумѣли распорядиться и тѣми, какіе были, когда при сдачѣ приходилось ихъ жечь, уничтожая, чтобы они не попали въ руки японцевъ-побѣдителей, а во время осады людей морили до цынги?

Вмѣсто того, чтобы назначить особую комиссію для распредѣленія съѣстныхъ припасовъ, комиссію, которая, завладѣвъ всей наличностью провіанта, разумно распредѣлила бы ихъ между гарнизономъ и жителями, на дѣлѣ получилось иное. Еще послѣ первыхъ симптомовъ близкой блокады, но когда уже ввозъ былъ прекращенъ *), лица, имѣвшія деньги: купцы, чиновники покрупнѣй, инженеры, офицеры побогаче, (не говоря уже о флотѣ) стали дѣятельно закупать провіантъ, чувствуя, что цѣны возрастутъ и вообще будетъ недостатокъ. Накупались цѣлыя горы припасовъ, которые такимъ образомъ переходили въ руки отдѣльныхъ обезпеченныхъ лицъ, въ большинствѣ случаевъ, даже имѣвшихъ возможность че-

*) Случайные привозы припасовъ изъ Чифу были столь незначительны, что о нихъ говорить не стоитъ.

резъ Чифу уѣхать изъ Артура. Солдаты должны были довольствоваться запасами «экономовъ» полковъ и ротъ; естественно, что о солдатахъ заботились меньше, чѣмъ о себѣ.

Поэтому происходила такая ненормальность, что лица, дѣйствительно защищавшія Артуръ, жили, питаясь скудно, впроголодь, изрѣдка кониной, а прочіе, обезпеченные провіантомъ, кушали прилично.

Стессель напримѣръ,—что давно извѣстно даже по телеграммамъ военныхъ корреспондентовъ Ножина и Черниховскаго—имѣлъ запасы, могшіе его обезпечить еще на двѣ такія же осады, въ то время, какъ въ крѣпости свирѣпствовали цынга и желудочныя заболѣванія отъ плохого питанія.

Какъ далекъ и какъ обаятеленъ образъ Александра Македонскаго въ пустынѣ во время похода: когда воины его и онъ самъ почти умирали отъ жажды, онъ вылилъ на песокъ изъ шлема воду, принесенную ему солдатомъ.

А Стессель послѣ осады продавалъ молоко отъ своихъ коровъ; коровъ пытался продавать во время осады, да не удалось: малую цѣну давали...

— Герои выродились!—помню въ Индо-Китаѣ сказали мнѣ французы, отмѣнившіе грандіозную встрѣчу «раненому герою Портъ-Артура».

Конечно запасы Стесселя были ничтожны по сравненію съ нуждами гарнизона, но таковые-же приблизительно были у многихъ денежныхъ людей. Зло было слишкомъ очевидно. Поэтому странно обвинять Стесселя въ томъ, что онъ не увеличилъ припасовъ, когда онъ и съ наличнымъ провіантомъ распорядиться-то не сумѣлъ.

Слѣдуетъ однако отдать справедливость, что первое время тѣсной блокады, благодаря Стесселю, цѣны не возрастали уже слишкомъ и только послѣ стали возрастать до невозможныхъ предѣловъ, даже безпредѣльно, а Стессель бросилъ съ этимъ бороться... Это одна изъ очень немногихъ заслугъ Стесселя...

О явномъ отсутствіи толковаго и раціональнаго распредѣленія припасовъ ничего нѣтъ въ обвинительномъ актѣ, а даже военные уставы шестидесятыхъ годовъ предусматривали эти преступленія, видимо считая слишкомъ серьезнымъ вопросъ продовольствія гарнизона, съ каковымъ вопросомъ стоятъ въ тѣсной связи эпидеміи, такъ опасныя въ осажденной крѣпости.

XIX.

Жизнь при штабѣ.

Это была совершенно изолированная жизнь, полная своихъ «штабныхъ» интересовъ, дѣлъ и слуховъ, среди своихъ людей.

Тамъ, приходившіе съ самыхъ позицій, отъ огня и опасностей, отъ лишеній и ужасовъ, чувствовали себя уничтоженными безпечнымъ, сытымъ и довольнымъ видомъ людей, кои, по существу задачи, должны были стоять въ центрѣ жизни, въ курсѣ событій, глубоко животрепещуще интересуясь ими.

Тѣ, которые приходили туда запыленные, съ осунувшимися лицами, полные жажды подѣлиться съ «руководящимъ центромъ» существенными данными, наблюденіями, опасеніями, предположеніями, принесенными прямо оттуда изъ огня и отъ смерти—тѣ содрогались при видѣ безпечныхъ улыбокъ, самодовольныхъ фигуръ въ растегнутыхъ тужуркахъ съ сигарами въ зубахъ; отъ нихъ вѣяло какимъ-то ужасомъ...

Я видалъ на глазахъ офицеровъ, возвращавшихся изъ штаба (послѣ позицій) слезы, молчаливыя, но говорящія такъ много—слезы боли, обиды, протеста и безсильной злобы! Да, злобы на тѣхъ, которые послѣ стали щеголять въ ихъ орденахъ! Довольно весело, интересно и безопасно проведя мучительную тѣмъ осаду, они интересно, весело и безпечно про-

ѣхались на родину Индійскимъ океаномъ подъ громъ всемірныхъ рукоплесканій, тогда какъ тѣ—заточены были послѣ своихъ лишеній, ранъ и истинно-тяжкихъ мѣсяцевъ неравной, неруководимой борьбы—въ японской неволѣ, о которой я писалъ въ свое время.

Поистинѣ жестоко несправедливая расплата!

И если теперь я слышу кругомъ себя возгласы негодующихъ протестовъ, глухихъ въ печати и порою громкихъ въ обществѣ, что я добиваю лежачихъ, что нужно быть хоть великодушнымъ и сдержаннымъ съ тѣми, кто будетъ осужденъ конечно и кто вынесъ все-таки нелегкую марку—я отвѣчаю: «Нѣтъ! Тысячу разъ нѣтъ!»

Я говорю за тѣхъ, которые принуждены молчать, потому что въ количествѣ многихъ тысячъ разбросаны тамъ по окровавленнымъ сопкамъ и фортамъ и не могутъ предстать со своими ранами, молчаливыми свидѣтелями своихъ доблестей и начальническаго беззаконія.

Я говорю за тѣхъ, которыхъ зналъ и видѣлъ самъ. Они передъ моими глазами, безчисленные, протестующіе противъ всѣхъ этихъ господъ Савицкихъ, Фоковъ, Стесселей и прочихъ «начальниковъ», благополучно прятавшихся за ихъ прострѣленныя груди всю долгую осаду и получавшихъ отличія за отличіями... можетъ быть за то, что успѣшно прятались и сохраняли себя родинѣ во всемъ блескѣ своего ничтожества, во всей силѣ своей живучести и бездарности!

Пусть теперь будетъ, пусть свершится эта расплата! Это не мщеніе, это не торжество побѣдителей надъ жалкими фигурами побѣжденныхъ, это не сила, могучая только ихъ безсиліемъ, это необходимая развязка, нужная, насущно желанная для настоящаго пробужденія Россіи и оздоровленія ея силъ.

Гласно и со всей безпощадностью пусть будутъ они судимы, дабы знали всѣ, что ихъ судить должны

бы были тѣ, кто палъ жертвой ихъ бездарности, трусости и скудоумія.

И пусть голоса живыхъ раздадутся вмѣсто тѣхъ, которые уже замолкли навѣки!

XX.

Воздушные шары лейтенанта Лаврова.

Антагонизмъ генерала Стесселя, питаемый къ морякамъ, отразился и въ совершенно непонятномъ безучастіи его къ интересной и крайне важной для осажденнаго Артура попыткѣ лейтенанта Лаврова снарядить воздушные шары. Не говоря уже объ огромной рекогносцировочной услугѣ, которую могъ приносить шаръ нашему дѣлу, даже будучи на привязи,—удачный свободный полетъ на сѣверъ могъ бы облегчить и, главное, ускорить столь трудное и опасное сношеніе со штабомъ Куропаткина.

Много и долго пришлось хлопотать Лаврову (нынѣ убитому), хорошо знакомому съ дѣломъ воздухоплаванія, чтобы ему содѣйствовали въ постройкѣ шаровъ.

Надо замѣтить, что лейтенантъ Лавровъ былъ отправленъ на театръ войны въ качествѣ начальника воздухоплавательнаго парка со всѣми препаратами для постройки шаровъ; пароходъ «Манчжурія», везшій воздухоплавательный паркъ, не добрался до Квантуна, а былъ перехваченъ въ морѣ японцами, которымъ и досталось то, что мы приготовили себѣ для Артура. Можетъ быть среди многихъ поднимавшихся надъ Артуромъ японскихъ шаровъ въ арміи, осаждавшей Артуръ, были и наши шары.

Японцамъ воздушные шары сослужили огромную службу; они пускали ихъ на привязи; оставаясь совершенно неуязвимыми, можно было великолѣпно наблюдать все, что творилось въ крѣпости, и днемъ, и ночью.

Понимая, какъ важно было бы и намъ имѣть шары, покойный Лавровъ, убѣдившись въ полной возможности создать въ крѣпости шары, очень долго безуспѣшно хлопоталъ у разнаго начальства, чтобы ему разрѣшено было воспользоваться всевозможными матеріалами, находившимися въ порту. Разрѣшили ему устроить свою знаменитую воздухоплавательную верфь (у Золотой Горы) только, какъ помнится, въ іюнѣ мѣсяцѣ. Отъ всякой активной помощи начальство наше отказалось, но разрѣшило благосклонно добывать ему необходимое гдѣ и какъ хочетъ онъ самъ.

И вотъ Лавровъ съ нѣсколькими матросами энергично принялся за работу. По всѣмъ магазинамъ города онъ скупилъ оставшійся шелкъ и сталъ сшивать его длинными сигарообразными отрѣзками. Работа закипѣла. Былъ устроенъ небольшой газовый заводъ; не было многаго необходимаго, приходилось выдумывать, чѣмъ замѣнять то, чего нельзя было достать въ крѣпости, несмотря на всѣ попытки. Начальство, проходя мимо верфи Лаврова, саркастически посмѣивалось и называло его замыселъ нелѣпой затѣей, ненужной тратой средствъ и силъ. Въ іюлѣ шары были уже совсѣмъ готовы.

Было приготовлено два шара: одинъ большой, другой поменьше, пробный. При мнѣ одинъ былъ даже надутъ; послѣ онъ пробовалъ подниматься, но для добыванія газа не хватило какихъ-то химическихъ веществъ. Какъ еще тогда мнѣ съ возмущеніемъ говорилъ Лавровъ: «все есть и все можно имѣть, но они не даютъ; мало того что не помогаютъ, когда сами обѣщали, но еще и препятствуютъ всѣми мѣрами! Цѣлые полтора мѣсяца трудился не покладая рукъ, довелъ дѣло почти до конца, въ сущности все готово и все сдѣлано изъ ничего... Теперь нѣтъ керосина, т.-е. не даютъ, но онъ есть, и нѣтъ сѣрной кислоты, которая тоже есть... Не обидно ли это?..»

Такъ, шары, которые при очень небольшихъ уси-

ліяхъ еще могли бы принести намъ серьезнѣйшую пользу, совершенно очевидную каждому, были заброшены, а Лавровъ назначенъ на одинъ изъ фортовъ. Въ одномъ изъ первыхъ же боевъ онъ былъ смертельно раненъ шрапнелью и умеръ. Съ нимъ умерла и идея примѣненія къ оборонѣ Артура воздушныхъ шаровъ.

Исторія поучительная.

XXI.

Подводная лодка М. П. Налетова.

Такая же участь постигла подводную лодку техника путей сообщенія М. П. Налетова. Лодка была выстроена буквально изъ стараго негоднаго хлама, изъ котораго г. Налетовъ сумѣлъ создать то, чего нѣтъ, ни въ Россіи, ни даже заграницей. На типы подводныхъ лодокъ системы г. Налетова уже получены привилегіи и патенты заграницей; мало того, ими сильно заинтересовались теперь и судостроительные заводы; проектъ лодки г. Налетова, какъ я слышалъ, уже купленъ однимъ изъ нихъ. Отсюда ясно, что затѣя была серьезна.

Несмотря опять-таки на всяческія препятствія, ставимыя флотскими «постороннему штатскому человѣку» г. Налетову, тратившему на постройку лодки свои личныя средства, несмотря на то, что ему отказывали въ самыхъ необходимыхъ, несомнѣнно имѣвшихся матеріалахъ,—лодка была все-таки построена и на испытаніи въ осажденномъ Артурѣ была удостоена самаго высшаго одобренія. Изобрѣтатель самъ спускался въ ней подъ воду, пробывъ довольно долго подъ поверхностью воды. Къ сожалѣнію было уже поздно. Вскорѣ Артуръ былъ сданъ и г. Налетову съ обидой и болью пришлось самому взорвать свое дѣтище, стоившее ему столькихъ трудовъ и денегъ.

О подводной лодкѣ М. П. Налетова стоитъ поговорить совершенно отдѣльно, внѣ описанія «бездѣйствія власти» въ осажденномъ Артурѣ, настолько интересно и важно это изобрѣтеніе, могущее вскорѣ, какъ говорятъ знатоки, въ корнѣ измѣнить военно-морское дѣло. Польза, которую могла бы принести лодка М. П. Налетова въ П. Артурѣ—громадна. Оставаясь неуязвимой, она могла минированіемъ причинить значительный вредъ японскому флоту, проводя минныя загражденія въ мѣстахъ, гдѣ крейсировали въ виду Артура японскія суда, не говоря уже о томъ, что лодка г. Налетова могла поддерживать безопасное сообщеніе съ ближайшимъ международнымъ портомъ.

Нельзя обойти безъ упрека то безучастіе, съ какимъ начальство (я уже не говорю о сухопутномъ: Стессель даже не поинтересовался ни разу посмотрѣть лодку Налетова) встрѣтило ходатайство г. Налетова объ отпускѣ ему необходимыхъ матеріаловъ. Приходилось все добывать путемъ безконечныхъ, энергичныхъ и изнурительныхъ хлопотъ, а иногда безъ причинъ отказывали въ насущно необходимомъ, и тогда приходилось замѣнять это необходимое другимъ, тратя и лишнее время, и лишній трудъ, и лишнія средства.

По поводу шара лейтенанта Лаврова и лодки г. Налетова были получены мною отъ морскихъ начальниковъ, въ отвѣтъ на обвиненіе ихъ, письма, гдѣ утверждалось, что начальство дѣлало все, что было въ силахъ.

Я отвѣчу.

Оно было о б я з а н о сдѣлать больше.

XXII.

«Вольныя дружины».

Въ началѣ осады генералъ Стессель издалъ приказъ, въ которомъ говорилъ объ обязанности насе-

ленія принять участіе въ защитѣ крѣпости отъ японцевъ. Съ этой цѣлью было заявлено лицамъ, способнымъ носить оружіе, что они должны участвовать въ ученіяхъ на площадяхъ. Ученія состояли изъ ознакомленія съ основными положеніями военныхъ артикуловъ: учили маршировать, вздваивать ряды, ружейнымъ пріемамъ, поворотамъ, названіямъ частей винтовки, шашки и проч.

Въ часы этихъ ученій толпы любопытныхъ стекались на эти площади, видѣли стоящими во фронтѣ многихъ лицъ, хорошо извѣстныхъ въ Артурѣ: инженеровъ, купцовъ, чиновниковъ, коммерсантовъ, лакеевъ, извозчиковъ, старыхъ и юныхъ. Среди другихъ можно было видѣть егермейстера Балашева, представителя (главноуполномоченнаго) Краснаго Креста, почему-то рѣшившаго «подавать примѣръ» артурскимъ гражданамъ готовностью, сражаясь, погибнуть на твердыняхъ Артура. Нисколько не смущаясь тѣмъ, что повязка съ Краснымъ Крестомъ дѣлала его не комбатантомъ, онъ добросовѣстно отмаршировывалъ ежедневно во дворѣ зданія госпиталя Краснаго Креста, подчиняясь фельдфебелю, котораго просилъ называть себя на «ты», которому самъ говорилъ «вы» и называлъ «господиномъ», что приводило въ большое умиленіе Стесселя.

Въ идеѣ своей вещь вполнѣ раціональная, даже необходимая,—какъ призваніе къ защитѣ крѣпости оставшихся тамъ жителей,—артурцевъ приводила въ негодованіе.

Почему же?

Дѣло въ томъ, что Стессель частенько позволялъ себѣ съ «вольной дружиной» (какъ называли этихъ недобровольныхъ и добровольныхъ защитниковъ) обращаться очень некорректно, рѣзко, иногда употребляя ругательства самыя сильныя и совершенно незаслуженныя: неумѣнію, напримѣръ, дѣлать повороты, отсутствію выправки и «военной сметки».

Не буду повторять тѣхъ крѣпкихъ словъ, кото-

рыя позволялъ себя Стессель произносить передъ фронтомъ этой дружины, потому что трудно теперь установить, гдѣ, при комъ и когда допущены какія слова, но не одни дружинники помнятъ тѣ безчисленные инциденты, которые возникали по этому поводу.

Было много недовольства; многіе находили предлоги и уходили изъ состава «дружинъ». Были недовольные и тѣмъ, что вмѣсто практическихъ познаній, обучали вовсе ненужной шагистикѣ, пріемамъ и тому подобнымъ наукамъ, такъ необходимымъ съ нашей точки зрѣнія молодымъ солдатамъ.

Будь иное отношеніе къ «дружинѣ»—была бы она болѣе полезна и болѣе многочисленна.

Живой примѣръ—организовавшійся самъ по себѣ отрядъ велосипедистовъ-добровольцевъ, несшихъ серьезную службу очень продуктивно. Они развозили бумаги и донесенія, а главное, пользуясь остроумнымъ для того приспособленіемъ—перевозили раненыхъ съ позицій.

XXIII.

Смертный приговоръ.

Чувствуя себя всевластнымъ и безконтрольнымъ господиномъ отрѣзаннаго отъ всего міра Квантуна, Стессель доходилъ порою до геркулесовыхъ столповъ въ дикой маніи своего неограниченнаго царствованія надъ гарнизономъ и населеніемъ.

Стессель требовалъ себѣ особыхъ знаковъ уваженія и почтенія. Отъ военныхъ конечно — отданіе чести, фронтъ и все, какъ полагается, а отъ статскихъ, даже чиновниковъ въ формѣ—снятія шляпы. Если чиновники осмѣливались при встрѣчахъ брать подъ козырекъ вмѣсто того, чтобы обнажать голову, — Стессель останавливалъ лошадь, подзывалъ провинившагося и жестоко ругалъ за непочтеніе,

грозилъ всякими наказаніями вплоть до смертной казни!...

Напримѣръ чертежникъ корабельнаго инженера Свирскаго былъ Стесселемъ отосланъ въ опасное мѣсто на передовыя позиціи за неснятіе шапки передъ проѣзжающимъ Стесселемъ, котораго онъ не видѣлъ.

Контрольный чиновникъ (другой случай), вывозившій изъ крѣпости Портъ-Артуръ дѣла мѣстнаго контроля, разсказывалъ о слѣдующемъ своемъ столкновеніи со Стесселемъ.

Встрѣтивъ на улицѣ генерала Стесселя со свитой верхомъ, онъ, чиновникъ, остановился и отдалъ подъ козырекъ, т. е. приложилъ руку къ головному убору, такъ какъ былъ въ формѣ.

— Ты кто такой, что шапки не снимаешь?—крикнулъ ему Стессель.

— Я чиновникъ мѣстнаго контроля...

— Вотъ завтра велю тебя повѣсить, такъ будешь знать.

Однажды я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ Стессель, проѣзжая по городу, грубо остановилъ даму, жену одного морского офицера, одѣтую въ морскую накидку (черную съ золотой бляхой), требуя снять эту форму, и разъяснилъ въ очень крѣпкихъ выраженіяхъ, что жены офицеровъ вовсе не имѣютъ права носить форму своихъ мужей.

Это произошло при мужѣ дамы, съ которымъ она и шла, повстрѣчавъ Стесселя; мужъ вступился, но, получивъ энергичный отпоръ, умолкъ и покорно выслушалъ при довольно большомъ стеченіи публики (дѣло было у садика «этажерки» во время музыки)—разносъ своей жены.

На другой день появился прекомичный приказъ о великомъ запрещеніи дамамъ подъ разными страхами надѣвать военныя накидки и фуражки мужей, жениховъ, братьевъ и знакомыхъ. Объ этомъ «дамскомъ приказѣ» много говорили и очень смѣялись.

Но эти примѣры, приводимые мною для большей

наглядности стесселевскаго диктаторства, тают и уничтожаются при сравненіи со слѣдующимъ случаемъ, происшедшимъ въ серединѣ мая. (Подробности зарегистрированы, какъ и самый фактъ, въ бумагахъ городского управленія; говорю это во избѣжаніе обвиненій въ голословности).

Случай настолько характеренъ, что его не мѣшало бы совершенно отдѣльно и самостоятельно занести въ обвинительный актъ.

Въ серединѣ мая мѣсяца разнеслась вѣсть, что въ осажденной крѣпости есть японка. Называли даже ея имя: Кавaниси-Хару, это была жена десятника (надсмотрщика надъ партіей китайскихъ рабочихъ). Сергѣя Николаевича Саламатова. Сперва мужъ хотѣлъ ее выселить въ Японію, но она не захотѣла, и онъ спряталъ ее дома, не пуская выходить на улицу.

Когда вѣсть о японкѣ дошла до Стесселя, онъ приказалъ ее разыскать. Она была разыскана и, какъ говорили, будто бы отправлена въ Японію или арестована (точно неизвѣстно).

Саламатовъ же былъ арестованъ и приговоренъ Стесселемъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Вина Саламатова не была вполнѣ установлена, тѣмъ не менѣе всѣ распоряженія для совершенія казни были сдѣланы. Казнь должна была совершиться въ арестномъ домѣ, гдѣ все было уже для этого приготовлено и даже назначенъ день.

Но объ этомъ узналъ комиссаръ по гражданской части Квантунской области и, чтобы воспрепятствовать ненужной казни, поспѣшилъ лично переговорить объ этомъ съ генераломъ Кондратенко, прося его заступничества и указывая на безуміе такого акта.

Кондратенко, прежде ничего не знавшій, отправился къ Стесселю и убѣдилъ его отмѣнить жестокій приказъ. Стессель отмѣнилъ приказъ уже на-

канунѣ назначеннаго дня, замѣнивъ повѣшеніе распоряженіемъ отправить Саламатова на самую передовую линію нашу, гдѣ Саламатовъ вскорѣ и погибъ смертью защитника.

Угрозы смертью Стессель сыпалъ налѣво и направо, и если бы не было нѣсколькихъ человѣкъ, имѣвшихъ на него сильное обуздывающее вліяніе (въ числѣ ихъ генер. Кондратенко), то очень возможно, что вмѣсто «посылки въ опасное мѣсто на передовую позицію», практиковавшейся очень часто и за самыя ничтожныя вины, что ясно изъ вышеизложеннаго,—людей бы по просту вѣшали. Собственно для поддержанія военнаго духа въ крѣпости я не знаю что хуже: вѣшать ли по самодурному произволу за неснятіе шапки или посылать въ бой съ непріятелемъ—въ видѣ особенно строгаго «наказанія!!»

XXIV.

Стессель и городское управленіе въ Портъ-Артурѣ.

Ниже я буду говорить подробнѣе о продовольственномъ вопросѣ въ Артурѣ. Читатель увидитъ, какъ Стессель систематически парализовалъ дѣятельность по продовольствію гражданскихъ властей города.

Ставились препятствія въ выполненіи плановъ, явно желательныхъ и полезныхъ дѣлу обороны, не допускалось вмѣшательство представителей городской власти, заступавшихся не только за интересы русскихъ въ Артурѣ, но и за интересы иностранцевъ, равно и туземцевъ, китайцевъ, особенно сильно страдавшихъ отъ осады.

Объясняли это съ одной стороны мелкимъ самолюбіемъ, нежеланіемъ, чтобы та или иная явно полезная мѣра или распоряженіе—исходили отъ гражданскихъ, а не отъ военныхъ властей; это прикры-

валось словами о дискредитированіи власти штаба укрѣпленнаго раіона и о подрывѣ довѣрія гарнизона. Натяжка такихъ мотивовъ ясна.

Однимъ изъ характерныхъ примѣровъ является исторія съ нѣкіимъ г. Коганомъ, коммерческимъ агентомъ Кит.-Вост. ж. д. Портъ-Артурское городское управленіе обратило вниманіе на то, что г. Коганъ занимается скупкой предметовъ первой необходимости для отправленія ихъ въ Харбинъ съ цѣлью перепродажи по болѣе высокой цѣнѣ, а быть можетъ съ цѣлью поднятія цѣнъ на мѣстѣ.

Дѣло было въ началѣ февраля мѣсяца.

Городское управленіе узнало еще, что г. Коганъ обезпечилъ себя документомъ отъ областного интенданта; благодаря этому документу и при наличіи связей среди служебнаго персонала дороги—предполагалось организовать вывозъ этихъ продуктовъ.

Несомнѣнно это было явное преступленіе передъ жителями города и передъ гарнизономъ крѣпости, въ которой со дня на день ждали осады, и городское управленіе отправило коменданту крѣпости бумагу, въ которой, излагая подробности плановъ Когана, просило принять мѣры къ огражденію интересовъ крѣпости и города.

Бумага была послана 12 февраля (1904 года), подписанная предсѣдателемъ городского совѣта и его секретаремъ.

Въ бумагѣ настоятельно просили воспретить вывозъ изъ города продуктовъ первой необходимости даже и по адресу областного интенданта, такъ какъ онъ конечно можетъ получать необходимое изъ Европейской Россіи, тогда какъ Портъ-Артуръ будетъ скоро лишенъ этой возможности, а отчасти лишенъ и теперь.

Въ бумагѣ еще приводились доводы за то, что необходимо г. Когана, дѣятельность котораго—такъ утверждалъ городской совѣтъ,—вредна городу, вы-

слать, тѣмъ болѣе, что торговыя операціи уже мало-по-малу заканчиваются благодаря войнѣ.

Какъ же отнесся къ этой бумагѣ Стессель, къ которому она попала, хотя и была адресована коменданту крѣпости?

Не разрѣшивъ предсѣдателю городского совѣта осмотрѣть запасы продуктовъ первой необходимости, какъ-то: сахара, муки, крупъ,—въ цѣляхъ оріентировки, мотивируя, что это секретъ военныхъ властей, Стессель не только разрѣшилъ осмотръ запасовъ г. Когану, но даже назначилъ ему своего адъютанта, подъ наблюденіемъ котораго г. Когану показывались интендантскіе склады и продовольственные запасы.

Всѣ стремленія городского управленія обезпечить населеніе продовольствіемъ, что было вполнѣ возможно, всѣ попытки организовать доставку необходимыхъ продуктовъ изъ Чифу моремъ, что тоже было вполнѣ возможно,—читатель убѣдится въ этомъ ниже,—Стессель и его штабъ убивали, иногда въ самомъ зародышѣ, иногда уже при ясно выраженномъ успѣхѣ.

Принимая во вниманіе желаніе первенства и власти исключительной, диктаторской, даже въ явный ущербъ интересамъ крѣпости—это особенно замѣчательно и не можетъ быть пройдено на судѣ молчаніемъ.

XXV.

«Замѣтки» генерала Фока.

Цѣль «замѣтокъ»—представить неумѣлыми и бездарными главныхъ руководителей обороны: генерала Кондратенко, генерала Бѣлаго, инженеровъ и во главѣ ихъ полковника Григоренко.

«Замѣтки» переписывались на пишущей машинѣ въ нѣсколькихъ экземплярахъ и, хотя предназнача-

лись начальникамъ, немедленно становились достояніемъ гарнизона, съ удовольствіемъ развлекавшагося чтеніемъ шуточныхъ и юмористическихъ произведеній генерала Фока, высмѣивавшаго тѣхъ, которые дѣйствительно трудились надъ защитой крѣпости, тогда какъ Фокъ, начиная отъ 8 августа и до 3 декабря — опредѣленнаго назначенія или должности не имѣлъ, находясь не у дѣлъ,—втеченіе около 4 мѣсяцевъ—самыхъ тяжелыхъ для жизни осажденной крѣпости. Въ это время генералъ развлекался «замѣтками». По общимъ отзывамъ ихъ содержаніе было всегда вздорное. Въ октябрѣ, когда непріятельскіе окопы подвинулись къ нашему укрѣпленію № 3 на 60 шаговъ, а форту 2-го на 40 шаговъ, генералъ Фокъ подалъ записку, въ которой объяснялъ успѣхъ непріятельскихъ работъ неспособностью къ дѣйствію нашей крѣпостной артиллеріи въ особенности берегового фронта, изъ орудій коего не стрѣляютъ по вершинамъ возводимыхъ японцами укрѣпленій. Дѣло въ томъ, что наклонъ отлогостей сопокъ, на которыхъ были расположены укрѣпленія, составлялъ 30^0—40^0, высота сопокъ не меньше высоты берегового фронта, на которомъ расположены батареи и, наконецъ, сами береговыя батареи вооружены главнымъ образомъ длинными орудіями и удалены отъ непріятельскихъ ложементовъ на версты 4 — 5; при такихъ условіяхъ артиллерійская стрѣльба ясно безцѣльна, такъ какъ успѣшно стрѣлять по мелкимъ совершенно закрытымъ цѣлямъ при такомъ положеніи дѣла нельзя, даже пользуясь сегментнымъ снарядомъ.

Генералъ Стессель составилъ совѣтъ. Генералъ Бѣлый объяснилъ на совѣтѣ, что стрѣлять нельзя, но когда возможно—и продуктивно—стрѣляютъ и будутъ впредь стрѣлять.

По общимъ отзывамъ на этомъ совѣтѣ обнаружилось полное непониманіе Стесселемъ и Фокомъ артиллерійскаго дѣла.

Однажды генералъ Фокъ по поводу форта II написалъ записку, въ которой предрекалъ, что головы, руки и ноги защитниковъ вскорѣ взлетятъ на воздухъ и покроютъ собой сосѣдній Куропаткинскій люнетъ, если будетъ сдѣланъ взрывъ камуфлета.

Дѣло въ томъ, что японцы подходили къ нашимъ фортамъ, роя траншеи подъ землей. Когда стукъ кирокъ и ломовъ былъ слышенъ уже близко, мы закладывали соотвѣтствующій зарядъ и дѣлали взрывъ, губившій непріятельскія работы и засыпавшій ихъ камнями и землей; это, конечно было очень опасно, и для нашихъ солдатъ требовалась большая рѣшимость и твердость, которую поколебать было очень легко при общемъ утомленіи.

Тогда Стессель распорядился сдать фортъ помимо коменданта крѣпости Смирнова.

Отсюда ясно, что «замѣтки» Фока имѣли большое вліяніе на его товарища-однокашника Стесселя.

XXVI

Отношенія ген. Стесселя съ ген. Смирновымъ

Комендантъ крѣпости Смирновъ прибылъ въ Артуръ 4 марта и началъ ознакомляться съ крѣпостью и съ планами обороны. На первыхъ порахъ его отношенія со Стесселемъ были вполнѣ нормальны и никакихъ крупныхъ разногласій у нихъ не возникало, если не считать принципіальныхъ споровъ о томъ или иномъ способѣ или планѣ предстоящей защиты.

Во время пребыванія намѣстника въ Артурѣ, изъ доклада лицъ гражданскаго управленія адмиралъ Алексѣевъ усмотрѣлъ, что вмѣшательство ген. Стесселя въ гражданскую часть порождаетъ недоразумѣнія и вредитъ жизни и дѣламъ города. Потому Алексѣевъ приказалъ своему начальнику штаба ген. лейт. Жилинскому приготовить приказъ, въ кото-

ромъ указалъ, что высшая гражданская власть въ Артурѣ и въ предѣлахъ его эспланадъ принадлежитъ исключительно коменданту. Жилинскій обратился къ Смирнову съ просьбой поставить таковой приказъ, ибо ему лучше, чѣмъ кому другому, извѣстно положеніе крѣпости, но при этомъ просилъ придать приказу такую редакцію, чтобы самолюбіе Стесселя не было задѣто. Приказъ Смирновымъ былъ составленъ и безъ измѣненій данъ за № 339, 14 апрѣля; но о немъ сообщили Стесселю съ извѣстной окраской и Стессель сталъ недружелюбно относиться къ Смирнову.

Въ апрѣлѣ уже стали происходить инциденты, недомолвки и недоразумѣнія на почвѣ явнаго недовольства другъ другомъ. И было видно, что недовольство это можетъ современемъ только возрасти, а не уничтожиться.

Можетъ быть въ этой непріязни двухъ главныхъ начальниковъ, изъ которыхъ одинъ принужденъ былъ почти совершенно отказаться отъ власти—и кроется главная причина позорнаго конца. И несомнѣнно вина обоихъ, видѣвшихъ ясно, что миръ взаимный невозможенъ,—что оба допустили совмѣстную жизнь и службу въ осажденномъ городѣ явно вразрѣзъ его насущнымъ интересамъ.

Послѣ отрѣзанія Артура, отношенія стали еще болѣе рѣзкими и обостренными. Стессель вмѣшивался въ дѣла Смирнова по укрѣпленію крѣпости, отмѣняя его приказанія, и вообще дѣйствовалъ въ разрѣзъ его распоряженіямъ.

Такъ напримѣръ Смирновъ далъ приказъ, чтобы съ наступленіемъ тьмы въ окнахъ не было огней, которые завѣшивались бы или не зажигались вовсе, чтобы не привлекать вниманія крейсировавшихъ въ виду города японскихъ судовъ. Населеніе конечно охотно исполнило это, всѣмъ понятное, распоряженіе. Но не исполнялъ его одинъ Стессель; по ночамъ его окна блистали вовсю. Однажды жандармы, об-

ходившіе улицы, замѣтили домашнимъ Стесселя, что необходимо завѣсить огни. Стессель вышелъ и сказалъ, что если будетъ еще хоть одно подобное замѣчаніе его домашнимъ, онъ посадитъ кн. Микеладзе, начальника жандармскаго дивизіона, въ тюрьму.

Поводовъ къ столкновеніямъ между Стесселемъ и Смирновымъ рождалось все больше и больше.

Небезынтересна исторія съ полицеймейстеромъ Тауцомъ. Прежде два слова о Тауцѣ: это грубый, почти совершенно необразованный нѣмецъ, плохо говорящій по-русски; окончилъ какую-то фельдшерскую или аптекарскую школу, но почему-то носилъ университетскій значекъ.

Помню, когда привезли къ нему меня, арестованнаго по распоряженію Стесселя, я у него спросилъ о значкѣ, зная, что онъ даже не былъ никогда въ университетѣ; онъ очень сконфузился, что-то возразилъ, но со значкомъ такъ и щеголялъ.

Тауцъ спросилъ Смирнова разрѣшить ему собрать отрядъ «партизанъ» для совершенія развѣдокъ и набѣговъ на японцевъ. Комендантъ Смирновъ считалъ, что полицеймейстеръ нуженъ городу, и сію просьбу отклонилъ.

Тауцъ обратился къ Стесселю; Стессель позволилъ и даже посодѣйствовалъ вооруженію, обмундированію и предоставленію шестидесяти лошадей людямъ Тауца.

Тауцъ набралъ форменныхъ разбойниковъ и головорѣзовъ; какъ они производили «развѣдки»—это очень любопытно и по-моему не мѣшало-бы занести въ обвинительный актъ.

Вскорѣ появился фантастическій приказъ Стесселя о геройскомъ набѣгѣ Тауца на японцевъ, объ отбитіи имъ 240 быковъ и захватѣ въ плѣнъ 50 японцевъ. Это была сущая ложь, хотя Стессель даже о семъ послалъ донесеніе намѣстнику, и Тауца кажется наградили какимъ-то орденомъ...

Въ дѣйствительности Тауцъ награбилъ у китай-

цевъ около 60 коровъ. Что касается плѣнныхъ, то 4 японца были дѣйствительно захвачены, но и не отрядомъ Тауца, а конно-охотничьей командой 5-го полка подъ начальствомъ штабсъ-капитана Андреевскаго. Это конечно не важно, но важно, какъ велъ себя Тауцъ и его люди.

Мы неоднократно встрѣчались въ горахъ на развѣдкахъ. Я ѣздилъ съ конно-охотничьей командой 14 полка почти ежедневно и не разъ натыкался на возмутительные поступки Тауца. Онъ совершенно не стѣснялся съ китайцами. Билъ ихъ въ лицо кулаками и рукояткой шашки съ какимъ-то особымъ сладострастіемъ, стиснувъ зубы, рыча какъ звѣрь. Часто билъ при мнѣ, хотя вообще при мнѣ значительно сдерживался, такъ какъ я говорилъ ему, что не забуду, что видѣлъ, а однажды даже, не стерпѣвъ, видя, какъ онъ лупитъ ножнами шашки связаннаго китайца, крикнулъ ему, подскакавъ на лошади:

— Извольте прекратить немедленно.

Онъ смутился, хотя подчиниться мнѣ конечно не былъ обязанъ.

— Это хунхузъ и я его такъ, потому что онъ хунхузъ.

— Это мирный китаецъ-землевладѣлецъ изъ этой деревни,—стали говорить другіе китайцы.

Бить его онъ пересталъ, но все же велѣлъ отвести за фанзы...

А что творилось за фанзами?.. Тамъ Тауцъ казнилъ «хунхузовъ» и китайцевъ «шпіоновъ».

— Я узнаю по рукамъ,—говорилъ мнѣ Тауцъ, оправдываясь, — если рука чистая — значитъ хунхузъ; у честнаго китайца ладонь въ мозоляхъ отъ работы, и честнаго я не трону...

Люди Тауца, послѣ того, какъ ихъ начальникъ поиздѣвается надъ несчастными туземцами, беззащитно стоящими, какъ овцы, только съ презрѣніемъ и ненавистно глядящими въ лицо мучителя,—отведутъ ихъ и «прикончатъ».

Объ этомъ съ цинизмомъ разсказывали мнѣ эти «люди» въ черкескахъ и папахахъ, съ острыми клинками кинжаловъ и злыми, какъ у звѣрей, глазами.

Мой всегдашній спутникъ, конный охотникъ, однажды не выдержалъ и заплакалъ, видя, какъ истязаютъ китайцевъ люди Тауца. Часто мы видѣли кровь на дорогѣ, иногда трупъ съ отрѣзанной головой въ полѣ и говорили:

— Это дѣло Тауца!..

Такого звѣря Стессель помимо Смирнова пустилъ на передовыя позиціи! Конечно, помимо всего, грабежамъ не было конца!..

И много еще можно было бы привести примѣровъ того, какъ Стессель вмѣшивался въ дѣло и отвѣтственность коменданта.

Полковникъ Рейсъ былъ назначенъ начальникомъ штаба крѣпости помимо Смирнова.

Заразныхъ больныхъ Смирновъ просилъ отдѣлить въ госпиталь № 10, но Стессель отдалъ распоряженіе, благодаря настоянію Фока, этого не дѣлать и заразныхъ оставили въ разныхъ баракахъ заражать другихъ, хирургическихъ.

Послѣ, когда это стало ясно, что люди заражаются, больныхъ въ холодъ перевозили на Тигровый полуостровъ.

Смирнову приходилось избѣгать личныхъ сношеній и переговоровъ со Стесселемъ и пользоваться помощью посредника, каковымъ въ большинствѣ случаевъ являлся генералъ Кондратенко.

Но иногда эти переговоры были совершенно неизбѣжны и почти всегда они были съ «инцидентами».

Однажды Стессель сказалъ Смирнову, что такъ какъ раіонъ, коего онъ, Стессель, состоитъ начальникомъ, почти уже занятъ японцами и остается одинъ Артуръ, то онъ беретъ его на себя, а штабъ крѣпости расформировываетъ, какъ учрежденіе лишнее.

Смирновъ сказалъ, что онъ назначенъ Высочай-

шимъ приказомъ, а штабъ крѣпости есть органъ коменданта, тоже установленный Высочайшей властью, и отъ своихъ правъ онъ не откажется; Стессель можетъ давать общія указанія, но хозяинъ крѣпости—онъ, Смирновъ, пока не отставленъ властью Государя. Если же дѣло не терпитъ отлагательства, то пусть Стессель приказомъ удалитъ его отъ должности.

Генералъ Стессель выслушалъ это и сказалъ, что удалить не намѣренъ, что Смирновъ останется комендантомъ, но онъ, Стессель, будетъ въ крѣпости распоряжаться.

— Законно или незаконно это—отвѣчаю я!—закончилъ Стессель.

Этотъ разговоръ былъ при генералѣ Никитинѣ.

Послѣ этого объясненія Смирновъ, пригласивъ къ себѣ генерала Кондратенко и полк. Рейса, обратился къ нимъ съ пространной рѣчью, въ которой передалъ тяжелое положеніе дѣла въ виду отношеній къ нему Стесселя, явно принимающихъ видъ глумленія надъ его, Смирнова, правомъ, и что для пользы дѣла необходимо сговориться о разграниченіи власти, причемъ Смирновъ готовъ итти для пользы дѣла на всевозможныя уступки...

Эта мягкость и уступчивость Смирнова была большой ошибкой; энергичное настойчивое утвержденіе себя въ своихъ правахъ конечно послужило бы на пользу дѣлу: слишкомъ невыгодно отражался этотъ раздоръ на жизни осажденной крѣпости.

Далѣе отношенія мѣнялись. То они были лучше, то вновь хуже. Причины были разныя.

Когда Стессель пререкался съ Витгефтомъ, настаивая на выходѣ эскадры, онъ временно оставлялъ въ покоѣ Смирнова, свое вниманіе всецѣло сосредоточивая на адмиралѣ.

Когда въ половинѣ іюня Стессель получилъ отъ генерала Куропаткина замѣчаніе, подтвержденное и намѣстникомъ, за дѣла по продовольствію (о ко-

торыхъ буду говорить ниже) и угрозу, что онъ будетъ отозванъ изъ Артура, такъ какъ его поведеніе деморализуетъ войска,—Стессель вдругъ сталъ совершенно иначе относиться къ Смирнову, почти не вмѣшиваясь въ его дѣла; такъ было почти до конца августа, когда Стессель получилъ награду: званіе генералъ-адъютанта и орденъ Георгія 3-й степени.

Началось опять вмѣшательство Стесселя. Это вмѣшательство касалось всѣхъ отдѣловъ по управленію крѣпостью и всегда являлось пристрастнымъ и въ личныхъ цѣляхъ.

Многіе факты такихъ вмѣшательствъ по гражданской части зарегистрированы въ бумагахъ городского (портъ-артурскаго) управленія, гражданскимъ комиссаромъ, а по госпитальной части—крѣпостнымъ военно-санитарнымъ инспекторомъ Субботинымъ.

Стессель вмѣшивался въ дѣла вылазокъ, обороны фортовъ и въ личныя приказанія Смирнова; какъ Смирновъ могъ выносить подобное положеніе и не отказаться отъ своихъ обязанностей окончательно—это загадочно.

Во всякомъ случаѣ исторія этихъ отношеній слишкомъ печально отразилась на судьбѣ дѣла обороны, потому я и позволилъ себѣ говорить о нихъ такъ много.

XXVII.

Генералъ Фокъ на передовыхъ позиціяхъ.

Худощавое загорѣлое лицо, стриженая сѣдая бородка и всегда саркастическая улыбка въ лукавыхъ прищуренныхъ глазахъ.

— Что это?.. это все чушь... вотъ у насъ на Шипкѣ было!... Такое было!.. а это что!—таковы его любимыя слова. Онъ кажется не скажетъ ни одной

фразы безъ слова про Шипку. И когда онъ давалъ указанія оборонявшимъ передовую линію солдатамъ и офицерамъ, всегда старался сдѣлать такъ, какъ было на Шипкѣ, что онъ помнилъ очень хорошо.

Надъ этимъ очень смѣялись офицеры и солдаты. Генералъ Фокъ любилъ смѣшить солдатъ шуточками и прибаутками, но солдаты мало тѣшились его добродушіемъ; они чуяли въ этомъ добродушіи, тамъ въ глубинѣ, за гранью этихъ веселыхъ и смѣшливыхъ словъ, что-то рѣзкое, суровое и недружелюбное.

Офицеры въ большинствѣ не любили генерала Фока. Онъ любилъ ихъ разнести, унизить, выругать крѣпко, не воздерживаясь присутствіемъ солдатъ.

Идетъ, бывало, по линіи передовыхъ окоповъ со своимъ адъютантомъ, чаще съ любимымъ поручикомъ Ясевичемъ (окончившимъ жизнь самоубійствомъ въ плѣну въ Японіи).

— Что это у васъ, капитанъ, за окопъ? Что за ограды изъ камней? Что за огражденія?!. Стыдитесь, а еще старый капитанъ!.. У насъ на Шипкѣ за это бы выругали, побили и вонъ выбросили!.. Солдатъ своихъ стыдитесь, капитанъ... ни ума у васъ, ни сообразительности! Дайте сюда лопату... Вотъ какъ надо дѣлать окопы.

И генералъ Фокъ къ вящему удовольствію солдатъ пытался, неуклюже колупая землю лопатой, поправить окопъ; конечно, ничего не выходило, онъ сердился, кричалъ и ругался еще больше, а старый пожилой капитанъ, дрожащій отъ досады и оскорбленія при своихъ людяхъ, держа руку у козырька, то красный, то блѣдный, лепечетъ передъ сердитымъ генераломъ слова извиненія и оправданія, какъ провинившійся школьникъ. Личное указаніе какъ дѣлать окопы да еще вдобавокъ собственноручныя поправки—конечно очень желанное и рѣдкое явленіе среди нашихъ генераловъ-бѣлоручекъ, но въ та-

кой формѣ это вмѣсто возможной пользы приносило несомнѣнный вредъ. Люди возстановлялись противъ своихъ непосредственныхъ начальниковъ и кромѣ того теряли къ нимъ довѣріе и уваженіе, то довѣріе и то уваженіе, которыя являлись въ тяжкіе дни боевъ и томительныхъ выжиданій залогомъ терпѣнія, выносливости, примиренія съ тяжкими необходимостями.

Я видѣлъ офицеровъ на позиціяхъ, терпѣливо выслушивавшихъ его брань и насмѣшки болѣе получаса передъ солдатами, и изумлялся терпѣнію старыхъ измученныхъ недосыпаніемъ и недоѣданіемъ людей, когда они, стоя передъ нимъ въ изорванныхъ и грязныхъ рубахахъ, не находя словъ оправданія, слушали, слушали, слушали, мучительно оглядывая блестящій на солнцѣ бѣлоснѣжный генеральскій китель. Я смотрѣлъ и все ждалъ, бывало... вотъ сейчасъ, сейчасъ, не выдержитъ онъ, потому что есть же конецъ всякому терпѣнію человѣка. Но генералъ, укоризненно кивая головой и морща лобъ, уходилъ, продвигался дальше къ слѣдующимъ, а приниженные, обезличенные, оскорбленные имъ начальники этихъ солдатъ, съ которыми день и ночь жили тутъ эти люди въ утомленіяхъ, лишеніяхъ и опасности, —оставались стоять, понуривъ головы и въ безсильной злобѣ жгучей обиды дрожа, съ сжатыми кулаками.

И за это его не любили офицеры.

Тутъ было много общаго со Стесселемъ, старымъ товарищемъ и пріятелемъ генерала Фока (они тоже на «ты»).

Какъ и Стессель, онъ тонко умѣлъ кокетничать съ солдатами, играя съ ними въ ту любовь и доброту и участіе, которыя такъ дороги солдатамъ и которыя такъ рѣдко они видятъ.

Генералъ Фокъ, бывшій начальникомъ нашихъ передовыхъ позицій со дня высадки японцевъ, долженъ былъ подготавливать эти передовыя позиціи

для предстоящихъ боевъ, укрѣпляя линію обороны, составлять диспозиціи, пользуясь трудомъ развѣдочныхъ, конныхъ и пѣшихъ, охотничьихъ командъ и о всемъ положеніи дѣлъ непрерывно доносить Стесселю.

Естественно, что вплоть до тѣхъ поръ, пока линія передовыхъ укрѣпленій не дошла до городскихъ крѣпостныхъ фортовъ на насъ лежала насущно необходимая обязанность возможно лучше освѣщать мѣстность развѣдками, дабы отступать разумно и увѣренно, зная твердо положеніе противника.

И только при порядочной рекогносцировкѣ могли бы быть и порядочныя диспозиціи, каковыхъ, къ слову сказать, почти не бывало.

Я уже говорилъ, что въ Киндзоускомъ бою диспозиціи не было, тогда какъ всѣ признаки близкаго наступленія японцевъ были налицо. А на бой 3 мая диспозиція была послѣ боя разослана отдѣльнымъ начальникамъ на третій день, чему я былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ; нѣкоторыя части получили ее и позже.

Какова же была дѣятельность нашихъ развѣдочныхъ командъ въ то время, когда наши передовыя линіи тянулись отъ моря и до моря (верстахъ въ 10—15—20—30) отъ Артура?

Интересенъ еще вопросъ:

Былъ ли у насъ обезпеченъ тылъ, когда мы знали ежедневную возможность поспѣшнаго отступленія къ крѣпости?

Дѣятельность генерала Фока въ этомъ направленіи заслуживаетъ серьезнаго упрека, такъ какъ у насъ почти не бывало вплоть до середины іюля обезпеченныхъ позицій въ тылу.

Слѣдствіемъ этого было и паническое бѣгство въ ночь послѣ Киндзоускаго боя, и неудачныя отступленія праваго фланга съ потерей Куинсана и даже отсутствіе вѣрныхъ резервовъ, такъ какъ въ слу-

чаѣ сильныхъ перестрѣлокъ или наступленій мы, не имѣя тыловыхъ позицій, выдвигали впередъ, нисколько не заботясь о будущемъ, самые глубокіе послѣдніе резервы...

А это прямо предусмотрѣно военнымъ уставомъ. Примѣръ налицо: Куинсанское дѣло! Наши резервы были въ дѣлѣ всѣ, люди были измучены цѣликомъ, и дѣло запечатлѣно крупной серьезной неудачей.

Генералъ Фокъ также любилъ сочинять «суворовскіе» приказы, смѣшные своей напускной строгостью и своимъ заигрываніемъ съ солдатами.

Приказы читались съ любопытствомъ, многіе очень занятные сохранились на память и долго переходили изъ рукъ въ руки, но все же автору ихъ не удалось побить рекордъ, безспорно, побитый Стесселемъ.

Помню одинъ приказъ, о которомъ много говорили. Тамъ цитировался, кажется, и Петръ Великій, и Суворовъ, и еще кто-то и въ концѣ концовъ говорилось приблизительно такъ: «въ виду того, что солдаты такой-то части разстрѣляли всѣ свои патроны, о чемъ доложилъ ихъ начальникъ, гордясь своею доблестью,—объявляю, что впредь буду такихъ начальниковъ разстрѣливать передъ всѣмъ фронтомъ». Эта угроза произвела большую сенсацію.

— Изъ ума выжилъ старикъ,—говорили офицеры и махали руками.

Теперь генерала Фока судятъ за «замѣтки». Въ ближайшихъ очеркахъ постараюсь еще поговорить о нихъ.

XXVIII.

Какимъ образомъ произошло, что генералъ Стессель остался въ Артурѣ.

Въ виду особой важности этого вопроса, поставленнаго первымъ пунктомъ обвиненія Стесселя въ

обвинительномъ актѣ:—Неисполненіе предписанія командовавшаго арміей выѣхать изъ Артура и сдать командованіе ген.-лейт. Смирнову, останавливаюсь еще на этомъ.

Съ выясненіемъ этого вопроса всецѣло связано выясненіе невинности или виновности генерала Смирнова, какъ извѣстно, обвиняемаго въ непротивленіи или точнѣе въ слабомъ противленіи Стесселю. Фактическія данныя, выясняющія нѣкоторымъ образомъ этотъ вопросъ, настолько серіозны, что съ ними генералу Стесселю врядъ ли удастся доказать свою правоту.

Въ 1-ой главѣ своихъ очерковъ я говорилъ объ этомъ самовольномъ начальничествѣ и указывалъ точку зрѣнія самого генерала Стесселя, переданную мнѣ въ личномъ съ нимъ разговорѣ. Въ предшествовавшихъ разсказахъ я неоднократно указывалъ на то зло, которое произошло отъ допущенія Стесселя владычествовать въ Артурѣ, потому теперь я считаю своевременнымъ разсказать, какъ собственно Стессель остался въ Артурѣ.

Приводимыя данныя считаю особенно важными и потому оглашаю ихъ, подвергнувъ тщательной провѣркѣ.

Первый пунктъ обвинительнаго акта Стесселя гласитъ:

«Получивъ 20 іюня 1904 года предписаніе командовавшаго Манчжурской арміей сдать крѣпость Портъ-Артуръ ея коменданту, генералъ-лейтенанту Смирнову, и выѣхать изъ арміи, предписанія этого не исполнилъ и оставшись въ крѣпости удержалъ за собой командованіе, каковыя дѣйствія предусмотрѣны 255 ст. XXII кн. свода военныхъ постанов. 1869 г. изд. 3-е».

Мнѣ извѣстно, что Стесселю посылался Куропаткинымъ приказъ самый офиціальный, совершенно категорически выражавшій требованіе удалиться изъ крѣпости, передавъ дѣло обороны Смирнову. Въ на-

кетахъ съ этими приказами, посланными на имя Стесселя, находились и приказы къ генералу Смирнову съ требованіемъ, тоже совершенно категорическимъ: вступить въ отправленіе своихъ обязанностей, принявъ отъ Стесселя все дѣло обороны; при приказѣ къ Смирнову находились и копіи приказовъ Стесселю.

Первый изъ этихъ приказовъ былъ посланъ 5 іюня и я имѣю предположеніе, что его везъ князь Гантимуровъ, пріѣхавшій въ Артуръ съ сѣвера (или капитанъ Гурко).

Стессель содержимое пакета утаилъ, Смирнову ничего не передалъ, и о своемъ отозваніи не упоминалъ ни въ своихъ приказахъ, ни самому Смирнову.

Второй пакетъ былъ посланъ 17 іюня изъ арміи, повидимому съ миноносцемъ «Лейтенантъ Бураковъ», прибывшимъ въ Артуръ, кажется, 19-20 іюня Стессель вновь скрылъ содержаніе присланныхъ ему пакетовъ, говоря, что получилъ лишь письмо отъ Куропаткина, а Смирнову опять ничего не передалъ.

Помимо этихъ двухъ приказовъ еще 19 іюня было послано Куропаткинымъ Стесселю письмо, подтверждающее содержаніе приказовъ; на это письмо Стессель и отвѣчалъ, прося оставить его въ Артурѣ, мотивируя приведенными мною аргументами.

Генералъ Рейсъ утверждаетъ, что не только, что онъ дешифрировалъ депешу отъ 5 іюня, но что и передалъ ее генералу Стесселю.

Такимъ образомъ Смирновъ, узнавшій о своемъ категорическомъ назначеніи стоять во главѣ обороны лишь по возвращеніи изъ японскаго плѣна уже здѣсь, въ Россіи, считалъ себя не вправѣ энергично настоять на удаленіи Стесселя, не имѣя для этого никакой твердой почвы.

Въ своихъ оправданіяхъ иностраннымъ корреспондентамъ, на вопросы о Смирновѣ Стессель го-

ворилъ, что никакихъ приказовъ для Смирнова онъ не получалъ, а на полученное письмо отвѣчалъ лично Куропаткину частно.

Какъ мнѣ извѣстно, дѣйствительно, имѣется частное письмо Стесселя къ Куропаткину, гдѣ говорится о томъ, что на предложеніе сложить съ себя званіе начальника укрѣпленнаго района и выѣхать въ армію, онъ отвѣчаетъ, что гарнизонъ его любитъ, генералы не могутъ безъ него работать, что онъ увѣренъ въ успѣшности обороны и дѣлаетъ все что въ силахъ и наконецъ, что онъ не выѣдетъ изъ крѣпости до новаго приказа, когда будетъ принужденъ уже выѣхать.

До сихъ поръ Стессель и официально и частнымъ образомъ вовсе отрицалъ полученіе имъ два раза приказа о смѣщеніи его и назначеніи Смирнова.

Между прочимъ, генералъ Рейсъ, начальникъ штаба крѣпости, въ полной мѣрѣ сторонникъ Стесселя, его сподвижникъ, другъ и защитникъ, обрушившійся въ свое время съ печатнымъ утвержденіемъ въ лживости показаній о дѣятельности Стесселя военныхъ корреспондентовъ Черниховскаго, Ножина и Купчинскаго, этотъ самый Рейсъ, до того, какъ успѣлъ снестись и договориться со Стесселемъ, уже указалъ, что онъ 5 іюня самъ дешифрировалъ приказъ о смѣнѣ Стесселя, о пакетѣ-же на имя Смирнова ничего не знаетъ.

Такимъ образомъ Стессель уличается во лжи, каковою онъ воспользовался для оставленія за собою того права владычества, котораго онъ не имѣлъ.

Знай генералъ Смирновъ о присланномъ на его имя приказѣ съ приложеніемъ копіи приказа генерала Стесселя—Смирновъ, конечно, могъ-бы поступить совершенно просто: явиться къ Стесселю и заявить, что онъ вступаетъ въ отправленіе своихъ обязанностей, о чемъ ему докладываетъ и его проситъ доложить о днѣ его выѣзда; на другой день выпу-

стить приказъ гарнизону о своемъ начальствованіи и о смѣщеніи Стесселя и приказъ о выѣздѣ Стесселя.

И вопросъ былъ-бы разрѣшенъ.

Но Смирновъ сдѣлать этого не могъ, что важно для его оправданія именно потому, что не видалъ въ глаза приказа, о смѣщеніи или объ отозваніи Стесселя не зналъ.

Какъ извѣстно, Смирновъ со Стесселемъ встрѣчались слишкомъ рѣдко. Послѣ этихъ-то именно приказовъ и наступила временная «свобода» Смирнову, такъ какъ Стессель сравнительно меньше вмѣшивался въ его дѣла.

Получивъ-же награды, благодаря своимъ лживымъ письмамъ и донесеніямъ—онъ уже вновь почувствовалъ подъ собой почву, опять сталъ узурпировать власть коменданта.

XXIX.

Генералъ Стессель и храбрость.

Если существуетъ вообще храбрость, то-есть—полное разумное владѣніе собою въ минуту опасности, то понятіе объ этой храбрости менѣе всего вяжется съ понятіемъ о личности Стесселя.

Его робость, его «преувеличеніе опасности»—это неизбѣжное слѣдствіе малодушнаго характера—порою было такъ и всѣмъ очевидно, что объ этомъ вопросѣ совершенно не могло быть двухъ мнѣній.

Его «рана» по утвержденію многихъ и многихъ была безстыднѣйшей симуляціей и повязка, въ которой онъ ѣхалъ героемъ по Индійскому океану, была одѣта на совершенно здоровую голову.

Фельдшеръ, по приказанію Стесселя перевязавшій его у того форта, гдѣ онъ былъ царапнутъ (?) осколкомъ, фельдшеръ, получившій награду послѣ отъ Стесселя за перевязку подъ огнемъ его ранъ, о чемъ очень ярко было обнародовано въ приказѣ—

фельдшеръ этотъ послѣ говорилъ товарищамъ, что онъ стыдится вспомнить исторію своей награды.

Стессель нѣсколько разъ мѣнялъ свое мѣстожительство въ поискахъ безопасности, тогда какъ жителей прямо таки ругалъ въ приказахъ блиндажниками и трусами.

Въ сентябрѣ, когда у дома Стесселя порвалось нѣсколько снарядовъ и онъ увидѣлъ осыпанную часть забора и осколки снаружи ближайшихъ строеній, онъ сталъ переселяться въ другую часть города.

Онъ сталъ переѣзжать въ домъ генерала Волкова. Артурцы видѣли, какъ тащились цвѣты, мебель, вазы, кастрюли, курятники—когда вдругъ Стессель узналъ, что въ избранный домъ попалъ снарядъ.

Онъ тотчасъ-же приказалъ ѣхать назадъ и весь поѣздъ вернулся. Цвѣты, мебель, вазы, курятники, кастрюли—поѣхали на старую квартиру.

Въ концѣ ноября состоялось наконецъ великое переселеніе Стесселя къ казармамъ 10 полка въ домъ полковника Селлинена; домъ былъ дѣйствительно выбранъ удачно, такъ-какъ оказался совершенно укрытымъ отъ вниманія японцевъ; снаряды туда долетавшіе не могли бы быть особенно губительны, такъ-какъ мѣсто было хорошо защищено. И дѣйствительно ни разу не попалъ туда ни одинъ снарядъ и Стессель прожилъ безопасно вполнѣ до тѣхъ поръ, пока не пришелъ къ заключенію, что далѣе и это мѣсто опасно, такъ какъ обстрѣлъ и его дома сталъ возможенъ; тогда онъ и сдалъ крѣпость.

Это все конечно вызывало частыя насмѣшки. Случаи эти были извѣстны и гарнизону, и жителямъ и потомъ насмѣшки доходили до свѣдѣнія Стесселя; тогда онъ очень сердился и вымѣщалъ злобу на подозрѣваемыхъ во враждебныхъ къ нему чувствахъ.

Характеренъ и случай бывшій со Стесселемъ у бухты Инчензы, куда онъ (еще въ маѣ) попалъ, проѣзжая поѣздомъ съ позиціи въ дни полнаго затишья.

Къ бухтѣ подошли японскія канонерки и стали

стрѣлять по поѣзду. Разстояніе было очень значительное и конечно вѣроятность попаданія была прямо ничтожна, тѣмъ болѣе по движущейся и скрывающейся цѣли, такъ какъ поѣздъ, то уходилъ за горы, то появлялся вновь.

Но Стессель испугался не на шутку. Приказалъ остановить поѣздъ. Приказалъ вывести скорѣе лошадей. Поѣхалъ со свитой скрываться въ горы. Ѣхали долго по тропинкамъ, медленно, чтобы удалиться отъ поѣзда, но вдругъ неудачно выѣхали въ долину откуда совершенно ясно открывался видъ на море и японскія канонерки! Назадъ!—да не тутъ то было! Японцы, замѣтивъ группу всадниковъ, стали стрѣлять приблизительно, поднявъ немного прицѣлъ. Снарядъ упалъ гдѣ то близко. Стессель слѣзъ съ лошади и безпомощно прижался къ очень отвѣсному склону горы, пробывъ болѣе $^1/_2$ часа въ такомъ положеніи со своей свитой. Бывшій тутъ капитанъ Гурко, не выдержалъ и вышелъ поискать для генераловъ безопаснаго пути. Онъ вернулся лишь часа черезъ полтора, и только тогда свита потянулась дальше мѣстами безопаснѣйшими.

На утро былъ приказъ. Говорилось, что начальникъ укрѣпленнаго района счастливо избѣгнулъ смертельной опасности и чуть не былъ задѣтъ осколкомъ снаряда.

А въ газетѣ «Новый Край» тоже было объ этомъ инцидентѣ, только немного не въ томъ видѣ, поближе къ правдѣ, хотя далеко не въ полной мѣрѣ истины, Боже упаси!

Тѣмъ не менѣе Стессель счелъ себя обиженнымъ и редактору—издателю сдѣлалъ замѣчаніе: ;

— Что вы про меня лживыя свѣдѣнія распространяете опять; лжетъ ваша газета.

— Эти свѣдѣнія отъ морского вѣдомства,—сказалъ редакторъ и предложилъ официально опровергнуть, на что Стессель, конечно, не рѣшился. Въ такихъ отношеніяхъ съ храбростью стоялъ генералъ Стес-

сель, такъ долго обманывавшій легковѣрныхъ своимъ геройствомъ. Думаю, что другіе примѣры излишни.

XXX.

Что побудило Куропаткина отозвать Стесселя.

Когда послѣ Киндзоускаго боя, пораженія, отступленія и паники Стессель написалъ Куропаткину, что мы чуть-ли не разбили японцевъ и Куропаткинъ, обрадованный первой нашей «побѣдой», не справившись, огласилъ ложныя донесенія, въ Ляоянъ пріѣхалъ изъ Артура капитанъ генеральнаго штаба Одинцовъ.

Въ Портъ-Артурѣ онъ былъ оберъ-офицеромъ для порученій при штабѣ 3-го Сибир. корпуса. Капитанъ Одинцовъ былъ свидѣтелемъ боя отъ начала до конца. Онъ видѣлъ нашу неподготовленность принять бой, плохо оборудованныя позиціи, отсутствіе диспозиціи, отсутствіе руководителя боемъ, полную дезорганизацію и, наконецъ, онъ былъ свидѣтелемъ посылки генераломъ Надѣинымъ Стесселю телеграммы: «Ура, японцы отступили» и зналъ всѣ подробности паники на разъѣздѣ.

Посылка на сѣверъ капитана Одинцова была большой ошибкой Стесселя, не сообразившаго простой вещи: непосредственный свидѣтель боя конечно своими показаніями обнаружитъ ложь письменныхъ стесселевскихъ донесеній. Такъ и случилось. Ложь стала очевидна.

Выѣзжая изъ Артура, Одинцовъ спросилъ генерала Смирнова, не будетъ-ли пакета отъ него главнокомандующему и что онъ хочетъ передать на сѣверъ о ходѣ дѣлъ? Смирновъ, считая, что пока не наступила тѣсная блокада съ суши, онъ не причастенъ къ дѣламъ на передовой линіи, просилъ передать, что занятъ оборудованіемъ верковъ, крѣпостныхъ фортовъ и земляныхъ сооруженій въ предѣ-

лахъ крѣпостной эспланады. Кинджоускій бой онъ считаетъ позорнѣйшимъ, а Стесселя и Фока въ полной мѣрѣ виновными въ исходѣ этого боя. Эти слова Смирнова Одинцовъ и передалъ командующему арміей, на что послѣдній и послалъ два раза Стесселю приказанія—оставить Артуръ, сдавъ дѣло защиты и обороны Смирнову, а кромѣ того еще третій разъ было послано письмо Стесселю о томъ-же.

Какимъ образомъ послѣ этого Стесселю могли послѣдовать такія награды, какъ Георгій 3-ей степени и чинъ генералъ-адъютанта?—совершенно непонятно. Пріѣзжавшій къ Куропаткину изъ Артура подполковникъ Гурко въ томъ же смыслѣ передалъ о Стесселѣ.

Подполковникъ Гурко и капитанъ Одинцовъ говорили командующему о тѣхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ между Стесселемъ и Смирновымъ, о томъ, что генералъ Стессель вмѣшивается въ дѣла коменданта и вообще не способенъ по личнымъ свойствамъ характера вести дѣло обороны.

Гурко былъ у Куропаткина 17 мая. Одинцовъ 4 іюня. Генералъ Куропаткинъ послалъ первую депешу объ отозваніи 5 іюня, когда еще портъ Инкоу былъ въ нашихъ рукахъ и наши миноносцы ходили изъ Портъ-Артура въ Инкоу и обратно.

Далѣе сообщенія болѣе или менѣе правильныя уже прекратились и Куропаткину, который не зналъ, полученъ ли приказъ объ устраненіи Стесселя, Куропаткину, прочитавшему письмо Стесселя, въ которомъ послѣдній упрашивалъ его оставить, завѣряя, что онъ и пользуется необходимымъ авторитетомъ, и любимъ войсками, и т. д.—не оставалось (такъ онъ повидимому заключилъ) ничего, какъ помириться съ существующимъ. Куропаткинъ рѣшилъ сговориться съ намѣстникомъ и показалъ ему стесселевское письмо. Дальнѣйшія донесенія Стесселя сказали Куропаткину, что Стессель вполнѣ у мѣста, разъ все идетъ такъ хорошо.

Тогда оставленіе Стесселя было одобрено и намѣстникомъ, который прямо заявилъ, что прибытіе генерала Стесселя къ арміи послѣ потери Инкоу невозможно.

Намѣстникъ всегда настаивалъ на оставленіи Стесселя; отозваніе было дѣломъ Куропаткина; послѣ Куропаткинъ согласился съ намѣстникомъ и Стессель былъ оставленъ... безмолвно.

А между тѣмъ полученныя имъ награды сильно подѣйствовали на него.

Сознаніе безнаказанности его обманнаго захвата власти, тревожныя опасенія результатовъ его самозванства—благодаря офиціальнымъ наградамъ и поощреніямъ—смѣнились вновь спокойнымъ самоувѣреннымъ владычествомъ, такъ дорого стоившимъ и русской арміи и русскому народу.

Не могу не привести слѣдующаго приказа намѣстника еще отъ 14 апрѣля, въ которомъ совершенно ясно опредѣлялась роль Смирнова:

«1) Такъ какъ внутренній порядокъ въ крѣпости и ея раіонѣ (отъ Сяо-Биндао до бухты 10 Кораблей) устанавливается и поддерживается властью коменданта крѣпости и находится на его отвѣтственности, то мѣстная администрація, городская полиція и чины надзора пограничной стражи на основаніи ст. 77 объ управленіи крѣпостями поступаютъ въ полное его подчиненіе и исполняютъ всѣ его распоряженія.

«2) Въ видахъ устраненія изъ крѣпости неблагонадежныхъ жителей и прекращенія сношеній съ внѣшнимъ міромъ на основаніи статей 79—80, коменданту принадлежитъ исключительное право разрѣшенія проживанія въ городѣ, а равно и удаленія изъ него тѣхъ, кои признаются нежелательными для пребыванія въ предѣлахъ крѣпостного раіона, равно и задержаніе лицъ, неблагонадежность коихъ будетъ признана.

«3) Ему же принадлежитъ право разрѣшенія въѣз-

да въ городъ лицамъ не военнаго званія, а также запрещеніе покидать городъ лицамъ, проживаніе которыхъ въ крѣпости признается необходимымъ или полезнымъ (ремесленники, мастера и т. д.).

«4) Вывозъ изъ города и крѣпости раіона тѣхъ или другихъ продуктовъ, фабрикатовъ и вообще предметовъ потребленія можетъ быть дѣлаемъ только съ разрѣшенія коменданта крѣпости.

«5) Общій санитарный надзоръ въ предѣлахъ города и верковъ крѣпости ввѣряется коменданту крѣпости и

«6) установленіе цѣнъ на съѣстные припасы и вообще на предметы первой необходимости (фуражъ, дрова, уголь и проч.)».

Нарочно привожу цѣликомъ этотъ приказъ; документъ этотъ имѣетъ огромное значеніе. Изъ него ясно, какія права были предоставлены офиціально Смирнову, какъ коменданту. Стессель же не только нарушалъ этотъ приказъ, но вовсе его игнорировалъ, какъ игнорировалъ приказы, полученные для себя и для Смирнова. Это послужило основой тѣхъ взаимныхъ недовольствъ, которыя установились между Стесселемъ и Смирновымъ явно во вредъ дѣлу.

Стессель даже громогласно говорилъ, что онъ «упразднилъ коменданта».—Чего-же лучше!

Передавая детали Артурской трагедіи, такой поучительной для насъ, я хочу остановиться подробно на вопросѣ о продовольствіи осажденнаго Квантуна и обложенной тѣсной блокадой крѣпости, принимая во вниманіе не только нужды одного гарнизона и русскаго населенія, но и туземнаго населенія—китайцевъ, бѣдствій которыхъ на Квантунѣ въ дни осады еще не касалась ни русская, ни иностранная печать.

Вина въ тѣхъ бѣдствіяхъ, что покорно несли китайцы, безропотно повинуясь, какъ гнету войны—самоуправству, жестокости и нераспорядительности

начальниковъ—вина эта, конечно, вся на этихъ начальникахъ.

Какъ распорядился благосостояніемъ Квантуна, предоставленнаго самому себѣ, тотъ, который захватилъ въ свои руки неограниченное господство надъ населеніемъ Квантуна?

Было ли сдѣлано все, чтобы обезпечить для осады по крайней мѣрѣ то, что могла дать ежегодная разнообразная производительность Квантуна? -

И вообще, какова была участь того населенія, котораго по донесеніямъ, извѣстіямъ, телеграммамъ и безчисленнымъ статьямъ объ осадѣ въ міровой прессѣ—почти не существовало, потому что о немъ говорить никто какъ-то не считалъ интереснымъ?

На эти вопросы я и постараюсь отвѣтить, будучи по возможности кратокъ.

XXXI.

Состояніе населенія Квантуна во время войны.

Пространство Квантунской области опредѣлилось въ 3,000 кв. верстъ. Конечно, подавляющее количество населенія—китайцы, больше земледѣльцы и купцы. По подсчету 1904 г. количество китайцевъ доходило до 300,000 душъ. Главные промыслы: земледѣліе, рыболовство, горные, соляные, огородничество, садоводство и скотоводство.

Остановлюсь нарочно на вопросѣ благосостоянія туземнаго населенія, чтобы возможно было далѣе яснѣе представить себѣ картину того жестокаго разоренія, до котораго довела китайцевъ на Квантунѣ война и начальники.

Земледѣліе давало населенію приблизительно такую наличность въ годъ:

Кукурузы	1½ милл.	пуд.
Гаоляна	½ »	»
Чумизы	300,000	»

Бобовъ	150,000	»
Пшеницы	50,000	»
Проса	32,000	»
Гречихи	13,000	»
Риса	11,000	»
Гороха	4,000	»

Соломы болѣе 3 мил. пудовъ.

Сѣна съ горъ и долинъ до 20,000 пуд.

Огородничество мало было приведено въ извѣстность.

Прошу читателя обратить особое вниманіе на эти нижеслѣдующія цифры; можетъ быть выводы созрѣютъ у читателя ранѣе, чѣмъ онъ, читая, дойдетъ до моихъ заключеній.

Скотоводство (по даннымъ 1904 г.) было въ слѣдующемъ состояніи:

Рогатый скотъ	23,000
Свиней	30,000
Козъ	15,000
Лошадей	3,000
Муловъ	7 000
Ословъ	16,000

Рыболовство:

майскій уловъ	500,000 п.
апрѣльскій и март.	500,000 »

И такъ болѣе милліона пудовъ годового улова.

Соли добывалось до 1 милліона пудовъ въ годъ.

Солеварни были великолѣпно оборудованы, разработка поставлена научно, и соль шла въ Корею, Японію, и считалась лучшей квантунская соль на востокѣ; это былъ даже солидный источникъ дохода. Солеварни эти находились въ Бидзыво.

Доходы въ Квантунской области сильно увеличивались, потому что быстро возрастало экономическое благосостояніе китайскаго населенія.

Это видно даже по налогамъ: за 1903 г. отъ туземнаго населенія:

поземел. налог. было	39,000
обществен. надобн.	73,000

А въ 1904 г., передъ войной, на общественныя надобности доходъ возросъ уже до 150,000.

XXXII.

Была ли обезпечена заготовка рыбы?

Сначала о рыбѣ. Въ виду явнаго недостатка въ мясѣ, явилась очевидная необходимость принять всѣ мѣры для добычи возможно большаго количества рыбы для предстоящей осады.

Еще въ самомъ началѣ объявленія войны туземцамъ на Квантунѣ была запрещена рыбная ловля подъ страхомъ смертной казни изъ опасеній, что китайцы будутъ сообщаться съ японскими судами и шпіонить. Это очень быстро отразилось на населеніи; рыбаки стали бѣдствовать. Безпомощно бродили они голодные и сумрачные вокругъ своихъ лодокъ и джонокъ, вытащенныхъ на берегъ, далеко за черту прилива, подъ страхомъ порчи. О будущемъ они думали съ ужасомъ:

— Что же дальше, если теперь, въ февралѣ, мартѣ, уже плохо?—Грозила голодовка со всѣми ея ужасами, и китайцы стали переселяться массами. Все же, когда отрѣзали Квантунъ, далеко не всѣ желавшіе уѣхать и бросить на произволъ судьбы свои хозяйства сдѣлали это. Поѣзда уходили, наполненные китайцами. Тянулись длинныя вереницы арбъ.

Закрытіе сообщенія съ сѣверомъ застигнуло множество китайцевъ на Квантунѣ; имъ грозила голодовка или гибель отъ японцевъ при попыткахъ пробраться черезъ осаждающую армію. Населеніе стало просить комитетъ по гражданскимъ дѣламъ Артура о разрѣшеніи выѣхать на джонкахъ и шаландахъ, чтобы не умереть съ голоду. Съ большими трудностями для отдѣльныхъ лицъ это разрѣшеніе было дано, но мало успѣло выѣхать, такъ какъ вскорѣ проѣздъ сталъ дѣлаться опаснѣе и опаснѣе.

Населеніе стало ходатайствовать о разрѣшеніи ловить рыбу. Ежегодный мартовскій уловъ былъ упущенъ, хотя отъ намѣстника разрѣшеніе было, но Стессель ничего не сдѣлалъ для проведенія разрѣшенія въ жизнь, гражданскимъ властямъ чинились препятствія и результатомъ было то, что упустили и огромный «майскій» уловъ (въ 500,000 пуд.), который одинъ надолго могъ бы обезпечить осажденный городъ и окрестности... Населеніе и гарнизонъ остались безъ рыбы. Разрѣшеніе ловли рыбы послѣдовало лишь 17 іюня: это было поздно; сезонъ кончился.

Привести разрѣшеніе въ жизнь, т. е. объявить, успѣли только 26 іюня, когда помимо поздняго времени, и тѣсная блокада уже не давала возможности ловить рыбу... Это была точно насмѣшка! Между тѣмъ, если бы сдѣлали это раньше (когда и опасенія въ шпіонствѣ могли быть менѣе основательны)—запасы рыбы могли бы предотвратить и заболѣванія, и голодъ населенія, который при блокадѣ былъ лишенъ обычнаго заработка.

Населеніе обратилось съ прошеніемъ къ русскимъ властямъ въ Артурѣ. Населеніе говорило, что оно обездолено, что грозятъ ужасы голода, такъ какъ нужда растетъ. Населеніе просило помощи и, предвидя будущее, говорило, что впереди его ждетъ зимняя стужа безъ топлива и теплой одежды подъ выстрѣлами въ разоренныхъ фанзахъ...

Эти заявленія будто игнорировались. Можно было бы сдѣлать многое, вплоть до парламентскихъ переговоровъ съ Японіей о разрѣшеніи выѣзда китайцамъ легальнымъ путемъ съ уплатой имъ убытковъ русскими.

Но Стесселю, забравшему въ свои руки управленіе отрѣзаннымъ Квантуномъ, не казалось значительнымъ и важнымъ бѣдствіе китайцевъ, которыхъ было принято вообще «европейцами» на Востокѣ такъ мало считать за людей.

XXXIII.

Была ли обезпечена доставка мяса и другихъ продуктовъ.

Помимо общаго количества скота, бывшаго на Квантунѣ, была полная возможность привоза его какъ сушей, такъ и моремъ.

Кромѣ того разумная и честная, съ аккуратной расплатой реквизиція, конечно, въ большей мѣрѣ оградила бы городъ и крѣпость отъ всѣхъ послѣдствій недостатка въ продуктахъ первой необходимости. Туземцы, напримѣръ, сами ходатайствовали о подвозѣ сѣна на нужды войскъ въ Квантунъ въ цѣляхъ обезпеченія своихъ посѣвовъ. Наивные китайцы думали, что еще сумѣютъ сохранить свои посѣвы!..

Разрѣшеніе было даже дано, но оказалось фикціей.

Желѣзнодорожная полиція чинила всѣ препятствія, какія только у нея были во власти, купцамъ, ѣздившимъ въ Бидзыво, Инкоу и Чинджоу для закупки скота и злаковъ.

Полиція не понимала, что ввозъ разрѣшенъ, а запрещенъ вывозъ и не допускала ни того, ни другого.

Китайцы бились, бились, но вскорѣ, когда начали даже арестовывать (такъ, 7 апрѣля были задержаны купцы и освобождены только послѣ хлопотъ городского управленія)—они бросили.

И часто съ сѣвера передъ самой осадой шли къ намъ пустые вагоны, что было прямо преступно со стороны штаба укрѣпленнаго раіона, когда жители готовы были охотно поставлять необходимое по установленнымъ цѣнамъ.

Всѣ усилія комиссара по гражданской части разбивались, какъ о каменную скалу, о преступное равнодушіе штаба укрѣпленнаго раіона къ дѣлу первѣйшей важности.

Такъ была досадно не использована очевидная возможность доставки припасовъ сушей.

Посмотримъ, что вышло съ доставкой моремъ. Изъ Чифу мы могли бы вплоть до тѣсной блокады и даже во время ея имѣть огромное количество продовольствія.

Это утвержденіе кажется страннымъ въ виду общаго голоса, что подвозъ былъ невозможенъ. Я укажу сейчасъ размѣры этой возможности.

Интендантскіе запасы были расчитаны на гарнизонъ, какъ положено по штабу, и опредѣлены временемъ; были ли они полностью—это являлось тогда секретомъ.

Помню, когда до закрытія сообщеній я объ этомъ спросилъ Стесселя, онъ махнулъ рукой:

— Ну, полно вамъ безпокоиться о припасахъ! У насъ тутъ такое количество продовольствія, что смѣло хватитъ на годы осады... и при томъ сдѣлано все для увеличенія на случай...

Какъ извѣстно, Стессель сдалъ японцамъ только городскихъ припасовъ болѣе чѣмъ на 30,000 рублей... А о прочихъ припасахъ читатель узнаетъ ниже.

Когда началась осада, безпомощное положеніе населенія встревожило гражданскія власти города; жители оставались безъ заработка и почти явно обрекались на голодъ.

Необходимо было подумать и объ ихъ заработкѣ, и объ ихъ кормленіи. То-есть нужно было за плату устроить доставку...

По этому поводу было совѣщаніе съ купцами, которые соглашались доставлять, если обезпечить рискъ—рисъ, мясо и другіе припасы. Съ ними сговорились.

Городское управленіе установило на рисъ I, II, III сорта нормальную плату и процентъ за рискъ. На берегу должны были дежурить нанятые городскимъ управленіемъ пріемщики, разгруженіе долж-

но было происходить быстро; привезшіе припасы китайцы получали бы немедленно полностью всю плату и % за рискованность предпріятія и кромѣ того призъ за каждую доставленную шаланду въ размѣрѣ 100 руб. (за прорывъ блокады). Эти сто рублей должны были оставаться залогомъ въ городскомъ управленіи и въ случаѣ новаго прорыва эти сто рублей уже выдавались полностью, а новый призъ былъ 200 р. Это должно было привлекать китайцевъ рисковать и везти; китайцы, какъ люди вообще, очень склонные ко всякой игрѣ, совершенно искренно любятъ рискъ.

Желающихъ была масса и дѣло можно было бы организовать великолѣпно. Обѣщались доставлять картофель, рисъ, яйца, муку, и приступили уже къ этой доставкѣ.

Тутъ Стессель издалъ странное распоряженіе испортившее все дѣло. Онъ назначилъ интендантскаго чиновника, а общественную администрацію устранилъ.

Рисъ стали брать для войска непосредственно пріемщики-солдаты. Всякія условія были грубо нарушены и такимъ образомъ разрушилась установившаяся выгода обоюдныхъ соглашеній.

Прежде было такъ, что доставляютъ на подготовленныхъ подводахъ сами китайцы, сидятъ пріемщики и все дѣлается быстро, по возможности аккуратно. Но послѣ распоряженія Стесселя принимать джонки стали солдаты. Надо торопиться, а китаецъ не можетъ добиться офицера, завѣдующаго пріемкой.

— Цуба, манза! Спитъ капитанъ! Цуба!—прогоняли солдаты пріѣзжавшихъ китайцевъ и тѣ должны были терять массу драгоцѣннаго времени. Часто солдаты понемногу брали себѣ рису, каждый понемногу, а солдатъ много, и это раздражало китайцевъ. Стали убывать продукты; пока дойдутъ до офицера—количество станетъ меньше; уплата ста-

ла неаккуратной; свѣдущихъ пріемщиковъ не было и рисъ I сорта принимали за II и III и т. д.

Смыслъ риска пропалъ. Шаланда стоитъ 2—3 сутокъ у берега, владѣльцы товаровъ несутъ убытки, такъ какъ за нанятыя на срокъ джонки плата возрастаетъ—перестали доставлять провизію...

Говорятъ, что Стессель не могъ допустить, чтобы эта заслуга, успѣшное доставленіе припасовъ, приписана была всецѣло гражданскимъ властямъ и, вмѣшавшись, убилъ возможность доставки припасовъ въ стремленіи лишній лавръ вплести въ вѣнокъ своей будущей славы.

Такимъ образомъ планъ городского управленія, составленный комиссаромъ по гражданской части, не удался. Возможность доставки продуктовъ въ бухты: Сяобиндао, Тахе, Голубиная и Десяти-Кораблей—пала, осталась одна надежда: доставлять помимо Стесселя и интендантства помощью морского штаба и порта черезъ портъ, это тоже было вполнѣ возможно. Но начальникъ порта не разрѣшалъ, мотивируя невозможностью пускать въ портъ китайцевъ, хотя этого и не требовалось; можно было бы встрѣтить прибывшую джонку во внѣшнемъ рейдѣ, ссадить китайцевъ въ трюмъ, или завязать глаза и, пробуксировавъ въ портъ, выгрузить и отправить также назадъ.

А во внутреннихъ водахъ были и краны, и прочія приспособленія.

Объ этомъ говорили Григоровичу, командиру порта, но тотъ протестовалъ:

— Наши моряки не умѣютъ управлять шаландами; кромѣ того, они и не свободны и, потомъ, это все одна мечта! Наканунѣ тѣсной блокады съ моря и съ берега японцы все равно не пропустятъ!..

Такъ былъ не использованъ и этотъ путь.

Доставка стала рѣдкой, ничтожной и совершенно случайной.

Нарочно я описывалъ во всѣхъ подробностяхъ

эти перипетіи. Сама жизнь показала на слишкомъ яркомъ этомъ примѣрѣ, что бываетъ, когда пироги начнетъ печь сапожникъ: всѣ останутся и безъ пироговъ и безъ сапогъ!..

Далѣе я разскажу о посѣвахъ и скотѣ въ осажденномъ Квантунѣ; тутъ тоже будетъ не мало поучительныхъ выводовъ...

А пока нѣсколько словъ о генералѣ Никитинѣ.

XXXIV.

Генералъ Никитинъ.

Ближайшій другъ и товарищъ по корпусу генерала Стесселя, генералъ Никитинъ, чувствовалъ себя безъ всякихъ стѣсненій съ начальникомъ укрѣпленнаго раіона, съ которымъ былъ на «ты».

Сильно ненавидящій флотъ, Никитинъ много вліялъ на Стесселя своими рѣзкими выходками противъ моряковъ.

Стессель въ своихъ донесеніяхъ говорилъ о Никитинѣ, какъ объ истинномъ героѣ и помощникѣ, тѣмъ не менѣе, по утвержденію близкихъ къ настоящему дѣлу обороны лицъ, Никитинъ «ничѣмъ не проявилъ себя во время осады; никакого отношенія къ крѣпости не имѣлъ».

Будучи по должности начальникомъ артиллеріи 3-го Сибирскаго армейскаго корпуса, онъ попалъ въ Артуръ совершенно случайно, чтобы явиться къ своему командиру корпуса—Стесселю; но тутъ отрѣзали Артуръ и онъ остался. Въ своихъ сужденіяхъ и взглядахъ на дѣло обороны—это былъ alter ego Стесселя.

Единственное, кажется, въ чемъ они не сошлись —это въ вопросѣ о сдачѣ; Никитинъ высказался противъ сдачи на историческомъ совѣтѣ 15-го декабря.

Никитинъ не имѣлъ опредѣленной должности; Стессель ему придумывалъ, и это не преувеличеніе.

Сначала Стессель было сдѣлалъ его начальникомъ всей полевой артиллеріи, когда она была еще отдѣлена отъ крѣпостныхъ фортовъ и занимала передовыя позиціи. Здѣсь можно было много сдѣлать, но онъ ничего не сдѣлалъ, потому что былъ безличенъ, инертенъ и бездаренъ; по утвержденію артиллеристовъ, никто никогда не слышалъ отъ него ни одного распоряженія по части артиллеріи. Когда артиллерія перешла въ веденіе генерала Бѣлаго (генералъ Бѣлый близкій родственникъ Стесселя; тоже на «ты»!) Никитинъ уже остался абсолютно безъ дѣла, отчасти по своей болѣзненности. Изрѣдка онъ навѣщалъ позиціи, какъ «туристъ» и «гастролеръ» по собственному его выраженію, навѣщалъ и своего пріятеля Стесселя, а больше сидѣлъ дома въ безопасности за стаканомъ добраго вина; таковъ почти общій о немъ голосъ.

Въ концѣ-концовъ Стессель придумалъ ему занятіе.

Его назначили провѣрять и слѣдить, не спитъ ли кто на позиціяхъ...

Никитинъ часто ругательски ругалъ флотъ при нижнихъ чинахъ, вторя Стесселю; этимъ усиливалась губительная рознь между сухопутными и моряками.

Въ довершеніе всего за свои боевыя заслуги Никитинъ съ помощью Стесселя наполучалъ не мало наградъ (Георгій 3-й степени, Бѣлаго орла, золотое оружіе и чинъ), чѣмъ выступилъ въ глазахъ общества какъ активный дѣятель осады и герой не менѣе самого Стесселя; тѣмъ не менѣе Никитинъ удачно избѣгъ привлеченія къ суду и, помимо свидѣтельскихъ показаній, очень незначительныхъ, въ дѣлѣ не фигурируетъ.

XXXV.

Какъ распорядились съ посѣвами Квантуна.

Прежде укажу на размѣры посѣвовъ въ Квантунской области, которая опредѣляется въ 3,000 квадратныхъ верстъ.

На Квантунѣ китайцы сѣяли всевозможные злаки, главнымъ образомъ: кукурузу, гаолянъ, бобы, рисъ, пшено, гречиху, чумизу, горохъ.

Въ общемъ соломы въ годъ можно было имѣть болѣе трехъ милліоновъ пудовъ, а сѣна до 20,000 пудовъ.

Въ общемъ зерна можно было имѣть болѣе двухъ съ половиной милліоновъ пудовъ, что вполнѣ съ избыткомъ могло бы обезпечить Квантунъ въ дни осады, населеніе и гарнизонъ крѣпости.

Что же было сдѣлано, чтобы по возможности имѣть то, что ежегодно имѣлъ Квантунъ? Какъ мы относились къ китайскимъ посѣвамъ? Какъ мы считались съ нуждами китайцевъ, неразрывно связанными съ нашими интересами?

14 марта штабъ крѣпости увѣдомляетъ комиссара по гражданской части, что невозможно сѣять гаолянъ ближе 7 верстъ крѣпости.

24 апрѣля китайцы, обитающіе на 7-ми-верстной полосѣ, ходатайствуютъ о разрѣшеніи производить посѣвы кукурузы, такъ какъ она сѣется рѣдко и несравненно ниже гаоляна, и убирается черезъ мѣсяцъ послѣ сѣва,—они просятъ разрѣшить посѣвъ, указывая, что въ противномъ случаѣ ихъ ждутъ тяжкія бѣдствія.

— Мы скосимъ ее по первому требованію вашихъ начальниковъ,—говорили китайцы,—а колосья и стволы отдадимъ лошадямъ вашихъ войскъ, что же дѣлать, но позвольте сѣять, дайте намъ хоть надежду не умереть съ голоду.

Какъ бы то ни было, подобное предложеніе было слишкомъ выгодно намъ; по необходимости они предложили уже такія печальныя для себя условія.

На эти условія согласились. Сѣять позволили. Но со всходами не церемонились, топтали, травили, даже тогда, когда не было никакой надобности, а послѣ боя 13 мая все было приказано скосить на корню. Населеніе слезно протестовало; оно оставалось брошеннымъ на произволъ судьбы.

Тогда по ходатайству городского управленія было дозволено не трогать посѣвы болѣе безпріютныхъ владѣльцевъ. Солдатамъ строго запретили сборы и косьбу, самъ Стессель приказалъ не косить безъ уплаты, надо отдать ему въ этомъ справедливость, но въ дѣйствительности, косили, собирали, топтали, травили сколько угодно безъ уплаты, что было засвидѣтельствовано въ бумагахъ городского управленія и видно изъ приказа коменданта крѣпости за № 594.

Съ занятіемъ Волчьихъ горъ было установлено, что необходимо скосить всѣ высокорослые злаки за плату подъ наблюденіемъ военныхъ чиновниковъ и офицеровъ.

Вслѣдствіе этого постановленія тогда былъ срѣзанъ драгоцѣнный городской питомникъ, стоившій нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Лучшій питомникъ на Дальнемъ Востокѣ по разнообразію саженцевъ, между тѣмъ какъ срѣзывать его необходимости тогда не было и населеніе могло бы еще сумѣть хотя разсадить его къ тому времени, когда подойдутъ японцы. Были погублены всевозможные сорта фруктовыхъ деревьевъ, винограда и проч.; все это приносило большой доходъ населенію и было ему тяжелымъ ударомъ, котораго вполнѣ возможно было избѣжать, во всякомъ случаѣ ослабить

Съ китайцами хотя велись переговоры, составлялись условія, которымъ эти простые, легковѣрные, наивные люди—вѣрили свято, какъ дѣти—на

дѣлѣ же съ ними почти не считались и часто офицеры сквозь пальцы смотрѣли на косьбу и потраву, не уплачивая владѣльцамъ денегъ.

И вышло то, что мы сами не имѣли достаточно фуража и обездолили окончательно несчастныхъ китайцевъ; и это—на совѣсти военачальниковъ.

XXXVI.

Какъ производилась реквизиція скота.

Вопросъ о мясѣ былъ очень серьезенъ.

Съ объявленіемъ войны стало сразу ясно, что Квантунъ будетъ отрѣзанъ и предоставленъ самому себѣ, потому о скотѣ надо было позаботиться на первыхъ же порахъ. Скотъ былъ нуженъ и на сѣверѣ и китайцы въ цѣляхъ наживы конечно могли бы угонять его на сѣверъ въ армію, гдѣ обѣщало платить наше интендантство (какъ оно платило—вопросъ иной).

Гражданскія власти города запретили угонъ скота изъ Квантуна тотчасъ же по объявленіи войны; но это запрещеніе могло быть реально проведено, такъ сказать въ жизнь, только съ утвержденія военныхъ властей, такъ какъ нужно было и слѣдить за неугономъ скота.

Къ сожалѣнію военныя власти запретили угонъ скота только въ серединѣ февраля.

Китайцы всѣми мѣрами скрывали скотъ и старались по возможности угонять его на сѣверъ. Это было ясно невыгодно Квантуну, но были серьезныя причины такого упорнаго нежеланія китайцевъ подчиниться рѣшенію властей.

Главная причина—конечно неаккуратная уплата денегъ или же вовсе неплатежъ подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ; напримѣръ конфискаціи за попытку утаить и прогнать на сѣверъ или скрыть при подсчетѣ.

Часто скотъ забирали безъ установленныхъ квитанцій и китайцы много хлопотали, плакались, жаловались, много даже бывали биты (а когда и убиты за «шпіонство», но объ этомъ послѣ!), но не всегда получали вознагражденіе.

Подобные случаи начались еще въ февралѣ на Цзинжоускомъ участкѣ. Китайцевъ старались убѣдить не скрывать и не угонять скотъ обѣщаніями слѣдить за нижними чинами. Дѣйствительно кое-гдѣ, кое-кто слѣдилъ, а въ общемъ нарушали каждодневно право собственности китайцевъ и это конечно ихъ заставляло скрывать и тайно перевозить скотъ даже моремъ на джонкахъ.

Но въ бухтахъ слѣдили, и пойманныхъ виновниковъ карали такимъ образомъ, что кара такая была только выгодна нашимъ карателямъ.

Ближе къ городу на портъ-артурскомъ участкѣ почти весь скотъ былъ скупленъ.

Въ участкѣ Бидзыво былъ особенно замѣтенъ угонъ, потому что забрали много лошадей, но денегъ не платили недѣлями, что видно по донесеніямъ начальству.

Хунхузы убѣждали своихъ китайцевъ-поселянъ уводить скотъ, такъ какъ русскіе-де все-равно уведутъ даромъ или за ничего не стоющія бумажки.

Начальникъ Бидзывоскаго участка увѣдомилъ властей, что, несмотря на всѣ увѣщеванія, доводы, просьбы и угрозы жителямъ—помѣшать не удается, скотъ угоняется въ большомъ количествѣ.

На станціи Полундянъ былъ устроенъ сторожевой пикетъ, но это мало помогало: границы были легко проходимы.

Надо было бороться иными путями.

И конечно самый честный прямой и легкій путь —была бы своевременная аккуратная расплата, которая только обѣщалась.

Въ этомъ серіозно виновно военное начальство.

Надо замѣтить, что спросъ на мясо въ войскахъ

возникъ съ начала войны. 28 января военныя власти уже отобрали себѣ скотъ, заготовленный городской администраціей на нужды мирнаго населенія.

6 февраля штабъ крѣпости уже просилъ до 500 головъ дать въ распоряженіе коменданта, — такъ какъ необходимость была уже сильна.

И тогда даже моремъ можно было бы доставлять скотъ, но объ этомъ уже я говорилъ, какъ позаботилось наше военное начальство.

Гражданскія власти (о чемъ необходимо упомянуть) удачно скупили тотчасъ же по объявленіи войны до 4,000 головъ рогатаго скота, пославъ скупщиковъ-китайцевъ партіями и давъ имъ соотвѣтствующіе авансы.

Нельзя не сказать, что кромѣ вышеприводимыхъ причинъ угона скота китайцами была еще не маленькая причина: китайцы не были довольны расцѣнкой военной власти, напримѣръ: въ апрѣлѣ мѣсяцѣ по 4 р. пудъ (на общій вѣсъ).

Населеніе говорило, просило, убѣждая, что цѣна слишкомъ низка и владѣльцы будутъ нищими, —это было напрасно.

То же самое насчетъ свинины, которую покупали за 6 руб. пудъ на обвѣсъ, что было очень невыгодно китайцамъ.

Относительно лошадей, муловъ,ословъ китайцы много просили не отбирать вплоть до окончанія сѣва, указывая, что отобраніе—разоритъ населеніе; ихъ не слушали и помимо легальной скупки военное начальство хотя строго приказывало уплачивать, но плохо сумѣло настоять, чтобы не было мародерства.

Характерный примѣръ напомню читателю изъ главъ, гдѣ я говорю о «партизанскомъ» отрядѣ полицеймейстера Тауца, получившаго похвалу отъ Стесселя за ограбленіе у китайцевъ около 60 коровъ, якобы отобранныхъ у японцевъ.

XXXVII.

Мародерство.

Кого винить въ мародерствѣ — солдатъ ли или ихъ начальниковъ? Думаю, что могли не допускать тѣхъ возмутительныхъ безстыдныхъ грабежей въ деревняхъ, которыми цинично хвастались порою солдаты, совершенно не понимавшіе, что китайцы имѣли собственность, которую мы могли только покупать за деньги, такъ какъ мы воевали съ Японіей, а не съ китайцами.

Несомнѣнно въ этомъ грубомъ непризнаніи солдатами у китайцевъ правъ на собственность— виновны тяжко тѣ офицеры, которые позволяли себѣ бить, унижать, ругать и таскать за косы на глазахъ солдатъ безотвѣтныхъ китайцевъ.

Начальники задавали тонъ, и послѣ даже запрещенія этихъ начальниковъ грабить были просто смѣшны и конечно мало дѣйствительны.

Я помню, какъ, проѣзжая деревнями, натыкался на картины, которыя долго не забуду.

Крики, стоны, плачъ, бѣготня, кричаніе куръ и поросятъ, русская крѣпкая ругань,—китайцы, валяющіеся у ногъ моей лошади съ мольбами заступиться...—И это не одинъ, не два, не три раза.

А сколько разсказовъ и жалобъ приходилось выслушивать! Деревни китайцевъ и такъ были почти пусты, полузаброшены. Женщины и дѣти спрятаны въ горахъ; въ опасеніяхъ частыхъ насилій даже надъ дѣтьми и старухами, женщины тщательно укрывались отъ нашихъ развѣдочныхъ разъѣздовъ и охотничьихъ командъ.

Надо было видѣть, какой ужасъ былъ написанъ на лицахъ дѣвушекъ и женщинъ, когда, случайно проѣзжая горными тропинками на развѣдкахъ, мы

натыкались на кучки безпомощно столпившихся фигуръ.

Какъ загнанное стадо жались они другъ къ другу, озираясь испуганно, дрожа и глядя съ мольбою и ужасомъ молчаливо и неподвижно, притаясь, на проѣзжающихъ охотниковъ. Было что-то позорное для насъ, оскорбляющее, стыдное намъ въ томъ страхѣ къ намъ, что мы читали на поблѣднѣвшихъ лицахъ; хотѣлось ѣхать скорѣе мимо.

Солдатамъ достаточно было задать одинъ вопросъ, чтобы посыпались безчисленные разсказы о ловлѣ женщинъ въ горахъ. Начальники это и знали, и не знали. Офиціально за оскорбленіе женщинъ полагалась сильная кара, а не офиціально—улыбка зависти или снисхожденія и вопросъ любопытства!

И это было преступленіе начальниковъ.

XXXVIII.

Немного разъясняющихъ цифръ.

Въ виду возбуждающаго у иныхъ сомнѣніе числа людей, сданныхъ японцамъ въ портъ-артурской крѣпости Стесселемъ—61,532 ч., добавляемъ, что это число зарегистрировано въ спискахъ по условіямъ капитуляціи.

Привожу составныя числа этого общаго колоссальнаго итога сданныхъ японцамъ людей единоличнымъ желаніемъ диктатора-самозванца Стесселя.

По военно-сухопутному вѣдомству:

		Изъ нихъ пошло въ плѣнъ.
Генераловъ	9	7
Штабъ-офицеровъ	61	20
Оберъ-офицеровъ	689	272
Чиновниковъ	101	
Врачей	112	

Священниковъ	13	
Сестеръ милосердія	101	
Строевыхъ нижнихъ чиновъ	28,715	
Нестроевыхъ	3,645	
Всего . . .	33,446	
По военно-морскому вѣдомству:		
Адмираловъ	4	1
Штабъ-офицеровъ	71	23
Оберъ-офицеровъ	215	117
Матросовъ	8,500	
Всего . . .	8,790	
И кромѣ того больныхъ еще	17,110	
Санитарнаго персонала .	19,296	

И всего 61,532 чел., не считая мирнаго населенія.

И кромѣ того мирнаго населенія:	
Русско-подданныхъ . . .	14,500
Иностранцевъ	500
Всего . . .	15,000
Считая съ гарнизономъ	76,532

XXXIX.

Георгіи и другія награды, раздававшіяся по усмотрѣнію Стесселя.

Окруженныя съ давнихъ поръ ореоломъ особаго почета, боевыя награды являлись на войнѣ офицерамъ и солдатамъ тѣми заманчивыми воздаянія-

ми за рискъ и лишенія, которыми люди, официально отмѣченные храбростью, будутъ гордиться всю свою жизнь.

Мы знаемъ, какъ пала даже въ глазахъ самихъ солдатъ за эту войну цѣнность и обаяніе Военнаго Ордена.

И мы знаемъ, какъ въ глазахъ офицеровъ пала цѣнность и благоговѣніе къ офицерскимъ Георгіямъ, дающимъ такія большія преимущества на службѣ и къ прочимъ военнымъ наградамъ. Ибо въ раздачѣ наградъ главную роль играло: знакомство, умѣніе понравиться ближайшему представляющему начальнику, наконецъ личныя хлопоты, а не личныя заслуги.

Это въ особенности ярко было въ осажденномъ Артурѣ, гдѣ Стессель, самъ отмѣченный Георгіями 4-й и 3-й степени и другими наградами за храбрость, которой у него никогда не было, раздавалъ награды по капризу, по просьбамъ, по личнымъ симпатіямъ, наконецъ по личнымъ расчетамъ, то-есть людямъ, могущимъ быть ему въ чемъ нибудь полезными, или же наконецъ вознаграждалъ за личныя услуги ему, Стесселю, а не родинѣ и народу. Стессель въ своемъ упоеніи неограниченнаго самовластія полагалъ наивно, но искренно, какъ ограниченный и ничтожный человѣкъ, что любить его, Стесселя, значило любить родину, что служить ему, Стесселю, значитъ служить государству, что угодить ему, Стесселю, значитъ выслужиться передъ народомъ, а оказать ему, Стесселю, услугу, то же самое, что вѣрно послужить отечеству.

Словомъ девизомъ Стесселя было знаменитое изреченіе Людовика: — «L'Etat c'est moi!»

И дѣлается яснымъ, во что обратились тѣ награды, которыя нѣкогда давались достойнѣйшимъ, храбрѣйшимъ, за самоотверженные подвиги нужные дѣлу, за истинное геройство, давались съ большимъ выборомъ, изрѣдка.

Въ Артурѣ представленія къ Георгію (въ виду затруднительности представлять наградные листы), дѣлались телеграммами. Конечно, въ короткихъ передачахъ по телеграфу трудно было описывать подвиги и потому писались только фамиліи. Представленія къ Георгіямъ офицерскимъ въ Артурѣ предрѣшались думой, по непосредственнымъ воздѣйствіямъ самого Стесселя; въ сущности дѣло сводилось къ тому-же. Телеграммы эти составлялись лично генераломъ Стесселемъ, и чѣмъ онъ руководствовался при каждомъ данномъ представленіи, рѣшить не трудно, если вспомнить все, что тутъ уже говорилось объ этомъ генералѣ и вообразить себѣ ясно его личность.

Награды раздавались друзьямъ и близкимъ или по просьбѣ друзей и близкихъ.

Потому ничего не дѣлавшій генералъ Никитинъ, слонявшійся въ осажденной крѣпости «безъ опредѣленныхъ занятій» — увѣшанъ отличіями, могущими ложно свидѣтельствовать о его выдающейся дѣятельности.

Когда Никитина спросили уже здѣсь въ Петербургѣ:

— За что собственно васъ представлялъ Стессель къ наградамъ?

Онъ отвѣтилъ, смутившись:

— Не знаю...

Не за то ли, что въ запальчивой ненависти ко флоту онъ говорилъ въ Артурѣ: «Выпью бутылку шампанскаго, когда узнаю, что потопленъ послѣдній нашъ броненосецъ!»?

А генералъ Рейсъ, какъ уже я упоминалъ, самъ говорилъ, что кажется онъ не сдѣлалъ ничего такого, за что по статуту полагается Георгій...

Теперь Никитинъ засѣдаетъ какъ кавалеръ II степени въ Георгіевской думѣ, вліяя на раздачу другимъ Георгіевъ!.. Развѣ это не любопытно!

Каково же тѣмъ, кто получилъ награды можетъ быть за истинные подвиги? Поистинѣ тѣмъ, кто по

статуту достоинъ георгіевскихъ крестовъ, слѣдовало бы отказаться отъ этихъ наградъ, которыя у Стесселя получили смыслъ подачки за холопство, угодливость, раболѣпіе или еще хуже: прямой взятки полезному человѣку.

Развѣ не странна безотвѣтственность теперь тѣхъ, кто volens-nolens давъ carte blanche Стесселю диктаторствовать въ осажденной крѣпости, какъ ему то заблагоразсудится—такъ унизили смыслъ высокой военной награды на ряду съ униженіемъ смысла даже самой службы, обязанностей, подвиговъ?

Куропаткинъ, давшій въ руки Стесселя, котораго зналъ слишкомъ хорошо, право представленія къ Георгіямъ и личной раздачи вплоть до Станислава съ мечами, долженъ отвѣтить.

Грубо несправедливая раздача наградъ возмущала буквально всѣхъ офицеровъ въ Артурѣ и противъ этого возражать, я думаю, не станетъ никто, если я скажу, что настоящихъ героевъ мы къ стыду нашему и именъ то не знаемъ! Кто погибъ, а кто рисковалъ и сражался, и выздоравливалъ отъ ранъ и вновь лечился, и вновь выздоравливалъ—тихо, молча, не крича о себѣ, съ улыбкой спокойнаго и великаго сознанія своего превосходства надъ тѣми безчисленными крикунами, сумѣвшими подладиться къ Стесселю и получить ленточки... красненькую или желтенькую съ чернымъ...

Когда Стессель получилъ извѣстіе о своихъ наградахъ и о зачисленіи одного мѣсяца за годъ, онъ послалъ Государю слѣдующую телеграмму (24 августа).

Нарочно приведу ее цѣликомъ:

«Ваше Императорское Величество, милость Ваша о повелѣніи зачесть намъ службу мѣсяцъ за годъ объявлена мною сегодня на позиціяхъ. Восторгъ, слезы умиленія и громовое «ура» были отвѣтомъ на великую царскую милость.

«Пожалованіе мнѣ Георгія 3-ей степени превыше

всѣхъ моихъ дарованій и заслугъ. Молю Бога, чтобы подкрѣпилъ и далъ мнѣ силы оказаться достойнымъ великихъ милостей и наградъ, мнѣ пожалованныхъ за геройскія войска и ихъ начальниковъ. Съ представленіемъ объ особо отличившихся тотчасъ вхожу».

Въ дѣйствительности эта телеграмма объявлена была въ приказѣ по укрѣпленному раіону (за № 572), а послѣ 26 августа былъ назначенъ парадъ, на которомъ собрались нѣкоторыя сводныя роты 4 и 7 дивизія и незанятые роты Квантунскаго экипажа. Тутъ Стессель и объявилъ приказъ, а на позиціяхъ не видалъ «восторга, слезъ и умиленія» и не слышалъ «громовое ура», потому что туда не ѣздилъ объявлять.

Награды и телеграммы Куропаткина еще болѣе поощряли Стесселя къ дальнѣйшей лжи, убѣждая въ полной безнаказанности всякаго произвола.

XL.

Интересная страничка изъ исторіи раздачи наградъ.

Яркой иллюстраціей произвола въ наградахъ, равно какъ и нарушеній своихъ же приказовъ и постановленій самимъ Стесселемъ можетъ служить не лишенный историческаго интереса случай съ г-жей Руцкой и ея коровами. Попрошу немного вниманія.

Г-жа Н. Н. Руцкая имѣла въ Артурѣ 3-хъ коровъ очень дорогихъ и молочныхъ.

Когда настала тѣсная блокада, она рѣшила выѣхать изъ города, а коровъ своихъ оставила въ сводномъ госпиталѣ, смотрителю госпиталя капитану Бондыреву съ годовымъ запасомъ фуража, разрѣшивъ пользоваться молокомъ отъ коровъ больнымъ госпиталя. Это было цѣнное пожертвованіе для госпиталя осажденнаго города; госпиталю та-

кимъ образомъ обезпечивалось молоко на годъ отъ трехъ коровъ безъ всякихъ затратъ.

Коровы остались при госпиталѣ. Г-жа Руцкая уѣхала.

Но чрезъ нѣкоторое время Стессель выпускаетъ слѣдующій приказъ, идея котораго, конечно, вполнѣ ясна и разумна, въ чемъ убѣдится читатель, если я приведу цѣликомъ этотъ приказъ (за № 539):

«Всѣхъ во фронтъ, исключая полковниковъ, адъютантовъ и командировъ нестроевыхъ ротъ, такъ что казначеевъ, квартирмейстеровъ, завѣдующихъ хлѣбопеченіемъ, завѣдующихъ оружіемъ, госпиталемъ и т. п. тотчасъ замѣнить заурядъ-чиновниками.

«Все это необходимо за крайне большой убылью офицеровъ».

Послѣ этого приказа стали посылать во фронтъ и начальниковъ госпиталей, офицеровъ, здоровыхъ, способныхъ быть въ строю.

Дошла рѣчь до капитана Бондырева.

Онъ сталъ просить Стесселя ему разрѣшить остаться при госпиталѣ и для большей увѣренности въ успѣхѣ просьбъ—преподнесъ въ даръ трехъ коровъ г-жи Руцкой—г-жѣ Стессель, въ увѣренности, что всегда будетъ возможно передъ владѣлицей оправдаться.

Такимъ образомъ молоко, пожертвованное больнымъ своднаго госпиталя, поступило на нужды семейства Стесселя.

Въ результатѣ капитанъ Бондыревъ не только былъ оставленъ смотрителемъ госпиталя, но еще и получилъ боевую награду, Анну или Станислава съ мечами; къ сожалѣнію я не могъ отыскать соотвѣтствующій приказъ о пожалованіи ордена, но фактъ полученія начальникомъ своднаго госпиталя Бондыревымъ боевого ордена (съ мечами), равно какъ и весь случай съ коровами г-жи Руцкой, преподнесенными г-жѣ Стессель—удостовѣряетъ предсѣдатель городского управленія въ Портъ-Артурѣ.

Интересно, что этотъ случай тѣмъ еще не закончился. Г-жа Руцкая уже по пріѣздѣ четы Стессель въ Петербургъ была у г-жи Стессель и просила ее вернуть ей коровъ или хотя бы ихъ стоимость, такъ какъ она, Руцкая, узнала, что коровы послѣ перешли къ Стессель...

— Ахъ, душечка, въ Артурѣ у японцевъ остались, отобрали они,—отвѣтила В. А. Стессель на просьбу г-жи Руцкой.

По утвержденіямъ компетентныхъ лицъ это была неправда, потому что коровы были проданы, а до ихъ продажи отъ нихъ продавалось молоко, о чемъ денщикъ гг. Стесселей сообщилъ г-жѣ Руцкой.

Надежда Николаевна Руцкая здѣсь подала въ судъ, возбудивъ противъ г-жи Стессель дѣло о взысканія съ нея трехъ коровъ или стоимости ихъ.

Разборъ дѣла несомнѣнно выяснить еще болѣе интересныя детали, но пока характерны и приводимыя мною данныя, какъ яркая иллюстрація необычайнаго режима, царившаго въ осажденномъ Артурѣ.

Подобныхъ этому случаевъ разсказываютъ много, но нужно ли еще и недостаточно ли сказаннаго?

XLI.

Злоупотребленія.

Ихъ было множество въ осажденной крѣпости. Тамъ говорить о нихъ не смѣли даже шопотомъ. Были и маленькія злоупотребленія «такъ, пустяки», которыхъ почти не стѣснялись, а были и крупныя, о которыхъ, если можно выразиться, много молчали.

Теперь, думаю, настало время о нихъ поговорить, тѣмъ болѣе, что къ удивленію моему я не вижу въ официальномъ обвинительномъ актѣ ни одного намека на преступленія, очень значительныя.

Но прежде чѣмъ остановиться на одномъ серьезномъ и большомъ злоупотребленіи, имѣющемъ особенно важное значеніе, я коснусь нѣкоторыхъ «мелкихъ» сравнительно инцидентовъ, чтобы, такъ сказать, подготовить читателямъ почву для предстоящаго разсказа.

Вотъ случай изъ мелкихъ; можетъ быть покажется онъ даже смѣшнымъ по сравненію съ крупными; онъ главнымъ образомъ очень краснорѣчиво подтверждаетъ мои разсказы о томъ, что Стессель часто не исполнялъ самыхъ строгихъ собственныхъ же приказовъ.

За мародерство, о которомъ я уже говорилъ, полагалась строгая кара, тѣмъ не менѣе порою мародерствовалъ и самъ Стессель, о чемъ свидѣтельствуетъ интересная переписка, имѣющаяся въ дѣлахъ гражданскаго управленія.

Это кстати и маленькое дополненіе къ моимъ статьямъ о посѣвахъ и продовольствіи.

Въ гражданскомъ управленіи было получено отъ начальника одного изъ участковъ письмо, адресованное чиновнику управленія съ просьбою передать предсѣдателю по возможности осторожно о слѣдующемъ.

Какъ разъ послѣ запрещенія подъ наказаніемъ косьбы всходовъ (о чемъ я говорилъ) былъ обнаруженъ большой покосъ ячменя и пшеницы и въ письмѣ указывалось, что это грозитъ пострадавшимъ китайцамъ голодомъ въ будущемъ же мѣсяцѣ.

Далѣе въ письмѣ говорилось:

«Передайте, что въ этомъ дѣлѣ не безвиненъ и самъ Стессель; не далѣе, какъ вчера къ нему были перевезены на одиннадцати арбахъ свѣже-скошенный ячмень и пшеница. Сообщаю объ этомъ на тотъ случай, если, можетъ быть, признаютъ неудобнымъ упоминать про этотъ злосчастный покосъ».

Конечно «признали неудобнымъ»!...

О серіозныхъ злоупотребленіяхъ въ порту даже

въ Артурѣ производилось дознаніе и было наряжено слѣдствіе съ приказаніемъ намѣстника Алексѣева:

«Судить безъ снисхожденія».

Но... въ Артурѣ бумаги были предусмотрительно уничтожены: ихъ сожгли повидимому при участіи обвиняемыхъ. Послѣ въ Петербургѣ было вновь возбуждено это дѣло и наряжено новое слѣдствіе; бумаги по возможности возобновили и дѣло ведется, какъ мнѣ передавали изъ достовѣрныхъ источниковъ, сейчасъ, но о немъ что то не слышно. Лица, обвиняемыя въ совершеніи преступленія, не только находятся и по сіе время на службѣ, какъ мнѣ сообщилъ комиссаръ по гражданской части г. Портъ-Артура, но и являются вѣрными кандидатами на высокія и отвѣтственныя должности.

XLII.

Взятки.

Конечно, взятки берутъ повсюду и, можетъ быть, немногихъ удивятъ данныя, которыя я приведу для характеристики нѣкоторыхъ видовъ взяточничества. Эти данныя явятся небольшимъ вступленіемъ къ дальнѣйшему.

Одинъ довѣренный торговаго дома, передавая свою должность новому, далъ ему слѣдующія данныя въ видѣ руководства относительно нѣкоторыхъ лицъ, съ которыми придется часто сталкиваться по дѣламъ фирмы.

Пока я не называю фамиліи чиновниковъ, о которыхъ говорится, но предполагаю, что нѣкоторые поймутъ и безъ этихъ подробностей.

Уже Господь съ ними, съ отдѣльными виноватыми: возмутительна принципіально откровенная легальность самаго существованія такихъ условій.

Цитирую подлинно съ копіи эти «условія» или «руководства»; читатель пойметъ въ чемъ тутъ дѣло.

NN... (беретъ 5%). (Въ чистомъ конвертѣ; завернуть деньги въ чистый бланкъ фирмы). — Главный минеръ; свидѣтельствуетъ электрическія принадлежности по ихъ качествамъ.

NN... (около $2^1/_2$%). Его главный помощникъ; получаетъ отъ времени до времени нѣсколько десятковъ, а при большихъ партіяхъ и сотенъ.

NN... (беретъ 5% + $^1/_2$% надбавки). Дѣлопроизводитель управленія по техническимъ поставкамъ. Даетъ всѣ справки и насчетъ другихъ нашихъ дѣлъ.

NN... (отъ 2%). Дѣлопроизводитель пріемной комиссіи.

Ускоряетъ пріемку, получку и квитанціи.

Необходимо съ него энергично требовать, не давая заранѣе.

NN... (около 1%). Смотритель одного изъ магазиновъ. Очень услужливъ. Главнымъ образомъ ускоряетъ пріемку товара и получку денегъ.

NN... (5%). Дѣлопроизводитель управленія по съѣстнымъ припасамъ и т. д.

На домъ въ конвертѣ.

Надо подталкивать для усиленія получки ассигновки.

Замѣчаніе. Старшій помощникъ командира порта и главный смотритель магазиновъ (NN... и NN...) оба помогаютъ мнѣ. Первый иногда даетъ отзывы насчетъ того — нуженъ ли товаръ; другой выдаетъ окончательныя квитанціи.

Комментаріи излишни!

XLIII.

Еще о боѣ за Куинсанъ.

Получая много писемъ по поводу моихъ статей объ артурскихъ «герояхъ», не могу умолчать о тѣхъ, авторы коихъ, будучи сами участниками Куинсанскаго боя и отступленія подполковника Киленина выражаютъ довольно опредѣленное свое отношеніе къ этому дѣлу. Помимо писемъ, ко мнѣ обращались многіе офицеры лично, говоря, что Куинсанское дѣло невозможно оставлять безъ разслѣдованія; оно непремѣнно должно быть включено въ обвинительный актъ. Имѣя именно эту мысль, я началъ говорить объ этомъ дѣлѣ, совершенно опредѣленно выражая свои симпатіи умершему капитану Лопатину. Мнѣ подтверждаютъ теперь, что подполковникъ Киленинъ очень и очень неправъ въ своихъ оправданіяхъ.

Приведу выдержку одного изъ этихъ писемъ (фамилію автора, поручика одного изъ Вост. Сиб. стр. полковъ здѣсь не приведу: она остается у меня).

«... Все что вы пишете въ «Руси»—сущая правда; я перенесъ всю осаду, былъ два раза раненъ 1) 13 іюня въ отрядѣ Киленина 2) на водопроводномъ редутѣ 6 сентября, былъ свидѣтелемъ массы несправедливости, бездарности и трусости, какъ Киленина, такъ и многихъ начальниковъ.

«Бой за гору Куинсанъ вами описанъ почти правильно, Киленина же описаніе имѣетъ много фальши.

«Будучи участникомъ этого, перваго для меня боя, я очень внимательно слѣдилъ за всѣмъ происходящимъ и, несмотря на то, что очень серіозно былъ раненъ въ 2 часа дня, на позиціи оставался до самаго окончанія боя, а изъ роты выбылъ лишь въ 9 ч. вечера, когда прибылъ незабвенный генералъ Кондратенко.

«Ужасно возмущенный безтолковостью начальства, я въ госпиталѣ написалъ реляцію боя и подробный рапортъ отправилъ своему командиру полка, нынѣ генералъ-маіору Семенову, но несмотря на то что я былъ участникомъ этого боя и видѣлъ отступленіе капитана Лопатина, меня не вызывали въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу Лопатина, боясь, конечно, что на судѣ я позволю себѣ обвинять не его, а другихъ начальниковъ...»

Послѣднія слова особенно интересны.

И многіе участники боя говорятъ такъ:

— Меня не вызвали свидѣтелемъ, между тѣмъ я хотѣлъ бы показать въ пользу Лопатина.

— Лопатинъ—на совѣсти нашихъ товарищей; за него надо было заступиться всѣмъ, но опасались «нарушить дисциплину», побоялись отвѣтственности, непріятности и молчали.

— Лопатинъ былъ слишкомъ безотвѣтенъ и скроменъ, онъ и остался виновенъ за тѣхъ, кто «выпутался невредимымъ» благодаря личнымъ счастливымъ свойствамъ характера, когда былъ кругомъ виноватъ куда больше Лопатина.

— Лопатинъ — это козелъ отпущенія, несчастный стрѣлочникъ и какъ важно было-бы снять хоть въ обществѣ позоръ съ его имени.

— Мы виноваты, что Лопатина осудили, а Киленинъ, Савицкій, Кириковъ и другіе вкупѣ со Стесселемъ, какъ-бы сухи изъ воды вышли.

Привожу выдержки изъ словъ офицеровъ, не называя фамилій. Конечно, на судѣ, ежели-бы онъ былъ, я бы могъ попросить дать необходимыя показанія многихъ цѣнныхъ свидѣтелей.

Даже принципіально интересно это дѣло.

Дисциплина лишаетъ возможности быть честнымъ по отношенію къ пострадавшему за чужіе проступки товарищу!

Какъ-же печальна эта дисциплина!

XLIV.

Торговая гавань.

Еще въ 1902 году въ Портъ-Артурѣ, съ цѣлью увеличенія доходовъ города, было испрошено открыть торговую гавань для кораблей и установить попудный сборъ для устройства набережныхъ, путей и проч.

Организовали торговую гавань, собственно, въ видѣ опыта, но съ первыхъ же шаговъ было видно, что дѣло это доходное и потому организацію стали расширять. Городское управленіе выработало штатъ служащихъ. Оклады были назначены отличные. Напримѣръ, завѣдующій торговой гаванью получалъ 5,000 руб. Онъ былъ назначенъ изъ командировъ порта, въ вѣдѣніи котораго находилась и полиція.

За 1904 годъ по бумагамъ видно, что доходъ опредѣленъ былъ смѣтою по примѣру прошлаго года въ 120,000 рублей.

Въ декабрѣ 1904 года до предсѣдателя городского управленія подполковника Вершинина дошли слухи, что въ финансовыхъ дѣлахъ торговой гавани большіе недочеты и злоупотребленія. Такъ какъ на его обязанности лежала ревизія дѣлъ торговой гавани, онъ рѣшилъ произвести повѣрку доходовъ.

Сразу было обнаружено большое количество неправильностей по денежной отчетности. Изъ книгъ конторскихъ многія квитанціи были повырѣзаны. Послѣ внимательнаго разсмотрѣнія дѣлъ обнаружились и нѣкоторыя неправильности по веденію счетовъ и отчетовъ.

Завѣдующій торговой гаванью, видя опасность во

вмѣшательствѣ предсѣдателя городского управленія,—вмѣшательствѣ, какъ я уже сказалъ, вполнѣ законномъ,—сталъ напрягать всѣ усилія—хлопотами и частными просьбами и офиціальными заявленіями, стараясь уйти отъ вниманія городского управленія.

Для того, чтобы избѣгнуть опасной ревизіи городского управленія, управляющій торговой гаванью заявилъ, что торговая гавань не находится въ вѣдѣніи городского управленія, несмотря на то, что занимавшій эту должность лейтенантъ Ивановъ получалъ даже жалованье отъ городского управленія.

Дѣло замяли, потому что въ этомъ были заинтересованы слишкомъ много лицъ.

Съ возникновеніемъ войны намѣстникъ приказалъ закрыть дѣятельность гавани и распустить служащихъ, но командиръ порта написалъ тогда полковнику Вершинину письмо, гдѣ доказывалъ необходимость оставить служащихъ на своихъ мѣстахъ, такъ какъ необходимъ бдительный надзоръ за гаванью. Ликвидація дѣлъ была нежелательна.

Настояли на томъ, что не только замяли обнаруженныя злоупотребленія, но и не закрыли дѣятельность гавани офиціально, чтобы попрежнему имѣть служащихъ и расходы, тогда какъ фактически конечно вслѣдствіе войны дѣятельность торговаго порта volens-nolens прекратилась.

XLV.

Покушеніе на убійство предсѣдателя городского управленія подполковника Вершинина.

Въ связи съ обнаруженіемъ этихъ финансовыхъ непорядковъ въ торговой гавани Портъ-Артура возникло недовольство лейтенанта Иванова начальникомъ торговой гавани подполковникомъ Вершининымъ, организовавшимъ ревизію и обнаружившимъ

серіозные недочеты въ бумагахъ, ясно говорящіе о злоупотребленіяхъ; это недовольство, сперва выражавшееся, какъ я уже говорилъ, только въ хлопотахъ по отмѣнѣ ревизіи, послѣ окончилось покушеніемъ на жизнь подполковника Вершинина, случайно окончавшимся неудачно. Въ покушеніи участвовалъ непосредственно и самъ лейтенантъ Ивановъ.

До сихъ поръ не закончился разборъ этого любопытнаго дѣла, подробности котораго я изложу въ ближайшихъ главахъ, а пока въ двухъ словахъ—какъ произошло покушеніе на убійство подполковника Вершинина.

Дѣло произошло въ маѣ, въ ночь съ 20 на 21 (1904 г.). Къ Вершинину ночью явились нѣсколько человѣкъ, въ числѣ ихъ лейтенантъ Ивановъ. Злоумышленники пріѣхали въ колескѣ. Войдя въ помѣщеніе, гдѣ находился Вершининъ, они сдѣлали попытку задушить его, но случай помѣшалъ успѣху ихъ замысла: предполагая, что Вершининъ одинъ, они думали, что все обойдется очень удачно, но случайно у Вершинина тогда ночевалъ г. Александровскій (служившій въ Красномъ Крестѣ), и благодаря неожиданному для посѣтителей присутствію посторонняго лица, дѣло не удалось.

Оказалось, что распространились слухи о томъ, что Вершининъ имѣетъ очень важныя бумаги, свидѣтельствующія о виновности многихъ, и покушеніе было совершено съ цѣлью уничтоженія компрометирующихъ документовъ. Подробности этой любопытной исторіи изложатся далѣе, а пока перехожу къ событіямъ, подготовившимъ сдачу крѣпости.

XLVI.

Подготовительные шаги Стесселя къ сдачѣ Портъ-Артура.

Первыя засѣданія совѣта обороны.

Чтобы въ полной мѣрѣ понять и взвѣсить вину

генерала Стесселя. самовольно ставшаго владычествовать въ осажденной крѣпости, нужно знать всѣ условія, предшествовавшія сдачѣ крѣпости, сдачѣ, за каковую обвиняется Стессель (по пункту 10 обнародованнаго обвинительнаго акта), по ясному смыслу 63 ст. положенія объ управленіи крѣпостями (приказъ по военному вѣдомству 1901 г. № 358) и 251, 252 ст. ст. XXII кн. св. воен. пост. 1869 г. изд.3.

Не касаясь подробностей обвиненій, изложенныхъ въ 10 п. обвинительнаго акта, перехожу къ краткому описанію собраній, предшествовавшихъ сдачѣ и подробному описанію историческаго засѣданія «совѣта обороны» въ ночь съ 15 на 16 декабря, послѣ котораго, якобы опираясь на общее желаніе, Стессель, съ помощью генерала Фока и генерала Рейса, сдалъ крѣпость.

Первый симптомъ, подозрительный для гарнизона крѣпости, нервно напряженнаго неравнымъ изнурительнымъ боемъ, первый симптомъ намѣренія Стесселя сдать крѣпость былъ угаданъ гарнизономъ изъ даннаго въ началѣ ноября предписанія коменданту крѣпости о запрещеніи производить работы на 2-й и 3-й линіяхъ обороны (вмѣсто этого предлагалось посылать людей общаго резерва для работы на 1-й линіи).

Надо замѣтить, что съ переходомъ на 2-ю и на 3 ю линіи положеніе осажденнаго города рѣзко мѣнялось; всѣ зданія стараго города подвергались бы безпощадному обстрѣлу и отъ опасности скрываться было бы негдѣ, потому опасеніе Стесселя близкаго новаго болѣе опаснаго періода осады — было понятно многимъ, знавшимъ вообще малодушіе Стесселя, а въ частности его поиски по городу безопасныхъ мѣстъ для своей квартиры съ описанными уже мною переселеніями.

Комендантъ исполнилъ приказъ Стесселя (по поводу отправки рабочихъ силъ на 1-ю линію), но тѣмъ

не менѣе онъ не прервалъ работъ на 3-й линіи и къ началу декабря почти вполнѣ ихъ закончилъ.

На 3-й линіи были поставлены орудія, взятыя съ судовъ. Редуты были разбиты и вырыты глубокія траншеи подъ непосредственнымъ наблюденіемъ коменданта генерала Смирнова, предполагавшаго поручить оборону 3-й линіи морякамъ, начальникомъ обороны назначивъ адмирала Вирена, о чемъ еще въ сентябрѣ былъ предупрежденъ послѣдній.

Когда же пала Высокая гора, имѣвшая огромное значеніе для нашего флота, такъ какъ съ Высокой горой непріятель завладѣвалъ возможностью безпрепятственно обстрѣливать внутренній рейдъ,—выяснилось почти опредѣленно, что Стессель намѣренъ сдать крѣпость.

Необходимо добавить, что для защиты самой крѣпости Высокая гора имѣла второстепенное значеніе, если не считать возрастанія опасности отъ обстрѣла какъ въ старомъ, такъ и въ новомъ городѣ.

25 ноября Стессель увѣдомилъ генерала Смирнова о своемъ желаніи собрать совѣтъ обороны, для обсужденія дальнѣйшей защиты крѣпости въ виду того, что съ паденіемъ Высокой горы измѣнились радикально условія обороны крѣпости.

Между тѣмъ планъ послѣдующей обороны крѣпости, послѣ паденія Высокой горы, былъ разработанъ генералами Смирновымъ, Кондратенко, Бѣлымъ, полковникомъ Григоренко и подполк. Хвостовымъ задолго до дня этого засѣданія.

Потому сперва многіе предполагали, что цѣль этого засѣданія—ознакомленіе съ планомъ прочихъ членовъ совѣта обороны, не принимавшихъ участія въ непосредственномъ дѣлѣ обороны (Фокъ, Никитинъ и Рейсъ).

Засѣданіе совѣта обороны состоялось; это еще не то историческое послѣднее засѣданіе совѣта обороны, послѣ котораго Стессель поспѣшилъ сдавать крѣпость—о томъ послѣднемъ засѣданіи я еще по-

говорю подробно,—но и это засѣданіе имѣло большое значеніе въ дальнѣйшей участи крѣпости и ея гарнизона.

Генералъ Смирновъ, изложивъ на засѣданіи подробно выработанный планъ дальнѣйшей обороны, предложилъ присутствующимъ членамъ совѣта обороны внести по своему усмотрѣнію поправки.

Всѣ молчатъ. Поднимается разговоръ относительно необходимости увеличенія доли конины до $^1/_4$ фунта на человѣка въ день, а въ госпиталяхъ до $^1/_2$ фунта для предупрежденія развитія цынги.

Послѣ засѣданіе потянулось такъ вяло, что многіе направились было къ выходу, полагая, что исчерпаны всѣ вопросы.

Но встаетъ генералъ Рейсъ и объявляетъ, что онъ, по приказу начальника укрѣпленнаго раіона Стесселя, «проситъ совѣтъ обсудить и рѣшить, когда должна быть закончена оборона крѣпости въ виду недостатка боевыхъ припасовъ, скудости продовольствія, утомленія и болѣзненности людей и опасенія рѣзни на улицахъ въ случаѣ затяжки обороны».

Комендантъ возражаетъ, что снарядовъ, правда, осталось немного, но ружейныхъ патроновъ болѣе 10 милліоновъ; когда не останется и ихъ, будутъ еще штыки, поэтому этотъ вопросъ обсуждать еще рано.

Что же касается того, сколько времени еще можно продержаться, то ясно, что нельзя даже поднимать этого вопроса до Новаго года, такъ какъ до того время гарнизонъ еще обезпеченъ мукой, сухарями, крупой, сушеной зеленью, чаемъ и сахаромъ по приблизительному подсчету болѣе, чѣмъ на мѣсяцъ.

— И только 27 декабря Портъ-Артуръ сравняется съ дѣдомъ своимъ Севастополемъ по времени обороны; только тогда внукъ можетъ считать себя достойнымъ дѣла.

Всѣ члены совѣта горячо подтвердили и свое

согласіе съ доводами коменданта Смирнова запечатлѣли подписями подъ журналомъ засѣданія (протоколомъ), котораго не подписалъ лишь одинъ Рейсъ.

Рейсъ приложилъ особое мнѣніе, гдѣ главнымъ образомъ возставалъ противъ сравненія съ Севастополемъ (не занесеннымъ въ протоколъ), всякими доводами стремился затемнить ясное вполнѣ положеніе: возможность держаться еще болѣе мѣсяца.

Любопытна и имѣетъ особенно важное значеніе надпись, сдѣланная самимъ Стесселемъ на постановленіи совѣта. Тамъ Стессель:

1) Отказывается, что давалъ порученіе полковнику Рейсу возбуждать вопросъ о времени сдачи крѣпости.

2) Дѣлаетъ насмѣшливое замѣчаніе Смирнову, что ему, Стесселю, неизвѣстно, какъ сражаются артиллерійскимъ огнемъ, ружейнымъ и штыками по очереди; можно сражаться только всѣми тремя способами заразъ.

3) Увеличеніе дачи конины не утверждаетъ.

4) Относительно сдачи указываетъ, что знаетъ самъ, когда это сдѣлаетъ и рѣзни на улицахъ не допуститъ.

Къ этому надо прибавить, что по городу уже ходили слухи (послѣ положительно подтвердившіеся), что Стессель и Рейсъ заходили наканунѣ и въ самый день осады къ нѣкоторымъ изъ членовъ совѣта, стараясь ихъ убѣдить въ необходимости сдачи.

XLVII.

Какъ Стессель доводилъ до сдачи крѣпость. Дальнѣйшія событія. Гибель генерала Кондратенко.

Къ декабрю мѣсяцу мало-по-малу минныя галлереи непріятеля все ближе и ближе подходили къ

нашимъ ретрашементамъ, имѣя явную цѣль взрывами горновъ разрушить брустверы.

Непріятель приближался; ежедневныя выслушиванія изъ слуховыхъ рукавовъ непріятельскихъ минныхъ работъ давали необходимыя данныя для оріентировки.

Наступила полоса осады, наиболѣе томительная для передовыхъ бойцовъ.

Люди дни и ночи проводили въ нервномъ ожиданіи взрывовъ или схватокъ съ непріятелемъ, который былъ тутъ, что называется—на носу, въ двухъ шагахъ, видимый, слышный, ощущаемый.

Недосыпаніе, недоѣданіе поддерживало цынгу, дѣлая изъ нея почти эпидемію.

Генералъ Фокъ отъ нечего дѣлать издавалъ записки за записками. Въ мысляхъ, далекихъ отъ дѣла, сквозило диллетантство празднаго говоруна, скучавшаго не у дѣлъ.

Генералъ Никитинъ, которому Стессель выдумалъ должность, о которой я уже говорилъ... Эта должность отличалась отъ должности «классной дамы» въ институтѣ только тѣмъ, что послѣднія ночью слѣдятъ, чтобы институтки спали, генералъ же долженъ былъ слѣдить, чтобы защитники не спали.

Самъ же генералъ, конечно, могъ спать, сколько угодно.

2-го декабря японцы со своего участка галлереи начали напускать въ нашъ участокъ удушливые вонючіе газы.

Это осложнило защиту; людямъ приходилось отходить къ самому концу галлереи.

Галлереи стали провѣтривать; людей стали чаще мѣнять. Но положеніе стало еще серьезнѣе.

Вечеромъ, для изслѣдованія на мѣстѣ положенія дѣла, на фортъ № II отправился генералъ Кондратенко и по телефону просилъ прибыть туда же инженеровъ и начальниковъ ближайшихъ участковъ.

Во время совѣщанія собравшихся въ казематѣ туда влетѣла 11-дюймовая бомба, перебивъ половину и переранивъ.

Въ числѣ убитыхъ былъ и генералъ Кондратенко.

Это былъ тяжелый, роковой ударъ.

Игнорируя интриги генераловъ-пріятелей и генераловъ-родственниковъ генерала Стесселя, Кондратенко умѣлъ и со Стесселемъ вести себя настолько тактично, что до самаго конца продолжалъ пользоваться полнѣйшимъ его довѣріемъ, что было особенно трудно, учитывая недостатки Стесселя.

Буквально общій голосъ всѣхъ офицеровъ отмѣчаетъ добросовѣстное отношеніе его къ дѣлу обороны, неутомимую энергію въ работѣ и благородное стремленіе по мѣрѣ возможности сгладить острыя отношенія между Стесселемъ и Смирновымъ. Такъ, Кондратенко, имѣя въ виду тѣ или иныя частныя указанія Смирнова, знакомилъ съ ними Стесселя въ личномъ докладѣ.

Стессель не боялся Кондратенко, скромнаго и сильнаго своими знаніями, неустрашимостью, опытомъ и обаяніемъ, какимъ окружали его солдаты; Стессель не думалъ, что Кондратенко отниметъ у него его лавры.

И смерть Кондратенко была смертельнымъ ударомъ осажденной крѣпости.

Черезъ два часа послѣ гибели Кондратенко Смирновъ съ начальникомъ своего штаба, полковникомъ Хвостовымъ, отправился къ Стесселю, чтобы доложить о распредѣленіи начальническихъ функцій на передовой линіи обороны на сухопутномъ фронтѣ.

Смирновъ хотѣлъ взять себѣ восточный фронтъ (тамъ непріятель уже совсѣмъ близко), а генералу Фоку, съ августа не имѣвшему должности и развлекавшемуся «замѣтками» — предоставить западный фронтъ, гдѣ непріятель еще былъ въ одной верстѣ отъ фортовъ.

Въ 12-мъ часу ночи Смирновъ прибылъ къ Стесселю; тотъ уже спалъ. Тогда Смирновъ сказалъ о своемъ намѣреніи Рейсу, прося завтра рано доложить Стесселю. Слѣдующимъ утромъ Смирновъ съ Хвостовымъ вновь были у Стесселя, который на заявленіе Смирнова отвѣтилъ:

— Я отдалъ уже приказъ о назначеніи генерала Фока начальникомъ сухопутной обороны всей линіи и своихъ приказовъ никогда не отмѣняю.

Смирновъ уѣхалъ.

Картина получилась странная.

Комендантъ Смирновъ не только не имѣлъ власти единоличной и долженъ былъ дѣлиться этою властью неопредѣленно со Стесселемъ—онъ долженъ былъ еще дѣлить ее такъ же неопредѣленно и съ Фокомъ.

Послѣдствія немедленно сказались; нѣтъ никакого сомнѣнія, что здѣсь дѣйствовало заранѣе обдуманное намѣреніе Стесселя—вопросъ о сдачѣ крѣпости взять въ свои руки.

XLVIII.

Какъ Стессель подготовлялъ сдачу крѣпости. Сдача форта II-го.

5 декабря утромъ три взрыва потрясли брустверъ форта номеръ II. Непріятель пытался развороти́ть брустверъ, но въ общемъ взрывы не были удачны.

Комендантомъ форта II-го былъ штабсъ-капитанъ Кваць. Совершенно неожиданно для сосѣдей и безъ вѣдома коменданта крѣпости въ 11 час. вечера онъ сдалъ фортъ японцамъ, оставивъ на форту всѣ орудія и пулеметы.

Оказалось, что это было сдѣлано по распоряженію начальника участка подполковника Глаголева; онъ же дѣйствовалъ на основаніи приказаній генерала Фока, даже не дождавшись прибытія на мѣсто

и окончательнаго распоряженія начальника обороны генерала Горбатовскаго.

На слѣдующее утро Смирновъ спросилъ Фока, кто ему разрѣшилъ сдать фортъ II-й; Фокъ отвѣтилъ, что на это онъ получилъ приказаніе генерала Стесселя.

Напрасно Смирновъ протестовалъ по поводу этой сдачи, доказывая Фоку, что пока онъ, Смирновъ, комендантъ, Фокъ не имѣлъ права сдавать фортъ безъ его вѣдома,—было уже поздно: фортомъ владѣли японцы.

Понялъ ошибку даже самъ Стессель, и, чтобы загладить свою очевидную вину въ этомъ дѣлѣ, издалъ 14 декабря приказъ, гдѣ расписалъ это дѣло какъ подвигъ, пользуясь несоотвѣтствовавшими дѣйствительности показаніями штабсъ-капитана Кваца и подполковника Глаголева.

Сдача этого важнаго пункта произвела на гарнизонъ подавляющее впечатлѣніе.

Было ясно, что между Стесселемъ и Фокомъ состоялось соглашеніе о скорѣйшемъ приведеніи крѣпости въ состояніе, могущее оправдать сдачу.

Тогда генералъ Смирновъ, чтобы воспрепятствовать возможной близкой сдачѣ всей крѣпости, послалъ главнокомандующему шифрованную депешу. Въ виду особой ея важности, привожу цѣликомъ текстъ этой посланной телеграммы:

«Главнокомандующему арміи и флота. 2 декабря убитъ генералъ Кондратенко, исполнявшій обязанности начальника сухопутной обороны. На его мѣсто генералъ-адъютантомъ Стесселемъ назначенъ генералъ Фокъ, хотя я и просилъ, чтобы генералу Фоку былъ врученъ только западный фронтъ, отъ фортовъ котораго противникъ находится еще въ верстѣ, а на себя хотѣлъ принять кромѣ комендантскихъ еще непосредственно обязанности начальника сухопутной обороны восточнаго форта, гдѣ на фортѣ II, фортѣ III и укрѣпленіи 3-мъ непріятель сидитъ уже

на брустверахъ. Первымъ дѣломъ новаго начальника обороны было распоряженіе, основанное на данномъ ему непосредственно генераломъ Стесселемъ указаніи, взорвать казематы форта II и очистить послѣдній. Сдѣлано было это помимо меня, даже меня не увѣдомивъ объ этомъ и не спрашивая ни моего, ни совѣта обороны заключенія, вопреки выраженному ранѣе моему по этому предмету мнѣнію. Систематическое игнорированіе генераломъ Стесселемъ моихъ правъ коменданта крѣпости, въ особенности по части административной и госпитальной, практикуется съ сентября мѣсяца, и хотя престижъ мой подрывался постоянно разными распоряженіями по крѣпости помимо меня, но самая оборона крѣпости мало страдала, вслѣдствіе полнаго согласованія съ моими взглядами начальника сухопутной обороны, начальника артиллеріи и начальника инженеровъ. Въ настоящее время, когда столь важный вопросъ, какъ сдача форта, рѣшенъ помимо меня, и по моему разумѣнію въ ущербъ дѣлу обороны, я прошу о подтвержденіи генералу Стесселю моихъ правъ коменданта крѣпости, согласно положенія объ управленіи крѣпостями, съ воспрещеніемъ вмѣшательства или же о снятіи съ меня всякой отвѣтственности за послѣдующую оборону крѣпости и сложенія съ меня обязанностей коменданта. Ген.-лейт. Смирновъ (7 декабря) № 1282».

Смирновъ послалъ эту депешу въ увѣренности, что сдача во всякомъ случаѣ не произойдетъ такъ скоро. Если отвѣтъ будетъ полученъ благопріятный для него хотя бы даже недѣли черезъ три, конечно, можно будетъ отсрочить паденіе крѣпости до начала или даже середины февраля.

Но судьбѣ было угодно иное.

Послѣ посылки этой телеграммы крѣпость продержалась только 12 дней.

Уже послѣ сдачи II форта въ гарнизонѣ стали

бродить слухи, что въ крѣпости снарядовъ нѣтъ и держаться болѣе невозможно.

Генералъ Фокъ катался верхомъ по Голубиной бухтѣ, говорилъ тѣмъ, которые дѣйствительно рѣшили умирать и не сдаваться, тѣмъ, которые прошли уже слишкомъ много испытаній, чтобы убояться новыхъ, хотя бы и сильнѣйшихъ:

— Отъ васъ не требуется упорной защиты позиціи.

Это, понятно, дѣйствовало подавляюще на защитниковъ.

На сѣверовосточномъ фронтѣ генералъ Фокъ говорилъ солдатамъ о предстоящей жизни въ плѣну и разсказывалъ, кому будетъ лучше—офицерамъ или нижнимъ чинамъ.

Ясно, какъ это отражалось на духѣ солдатъ.

XLIX.

Дальнѣйшая подготовка Стесселя къ сдачѣ крѣпости. Сдача форта № III.

15 декабря начался штурмъ форта № III.

Непріятель осыпалъ сильнымъ огнемъ нашъ ретрашементъ, взрывами стараясь разрушить брустверъ.

Около 5 часовъ вечера на нашъ ретрашементъ взбирались уже японцы; по боковымъ рвамъ форта тоже двигался непріятель.

Гарнизонъ форта № III составлялъ болѣе трехсотъ человѣкъ при 7—9 офицерахъ. Несмотря на значительное количество людей, занимавшихъ фортъ, дальнѣйшая защита была немыслима, вслѣдствіе страшной подавленности духа людей и деморализаціи. Солдаты не слушались офицеровъ. Офицеры, истомленные сопротивленіемъ, не спавшіе, изнервничавшіеся, не умѣли вернуть солдатъ въ свое вліяніе. Судьба форта висѣла на волоскѣ.

Генералъ Смирновъ, видя опасность, грозящую важному пункту, сталъ посылать одну за другой роты съ приказаніемъ генералу Горбатовскому выбить японцевъ съ ретрашемента, но прибывавшимъ ротамъ сообщался немедленно духъ гарнизона форта: люди въ атаку не шли.

Горбатовскій, не рѣшаясь говорить объ этомъ по телефону, послалъ для личнаго доклада Смирнову капитана генеральнаго штаба Степанова, прося скорѣе очистить фортъ, чтобы предотвратить гибель гарнизона.

Объ этомъ комендантъ немедленно сообщилъ Рейсу черезъ того же Степанова.

Но прежде чѣмъ вернулся Степановъ, генералъ Горбатовскій получилъ отъ генерала Стесселя черезъ штабъ раіона приказаніе очистить фортъ Ш.

Тыловая позиція была едва подготовлена; наши, отступивъ, заняли мѣстность у Скалистаго кряжа, шагахъ въ 300—500 отъ сданнаго форта.

Утверждаютъ положительно, что при желаніи сохранить фортъ и при затратѣ извѣстныхъ усилій, можно было гораздо дольше продержать его въ нашихъ рукахъ. И это нужно было сдѣлать, если хотѣли отдалить самую сдачу крѣпости, потому что было ясно, что подобная уступчивость начальства деморализаціи въ людяхъ лишь поддерживала и усиляла эту деморализацію, укрѣпляя въ измученныхъ людяхъ увѣренность въ ненужности непосильнаго сопротивленія.

И это всецѣло исходило отъ Стесселя и Фока, въ чемъ читатель убѣдится еще болѣе, прочитавъ дальнѣйшія главы.

L.

Историческое послѣднее засѣданіе совѣта обороны передъ сдачей крѣпости.

16 декабря въ 6 часовъ вечера состоялось засѣданіе совѣта обороны по предложенію генерала Стесселя.

Вопросовъ для обсужденія на этомъ собраніи опредѣленно поставлено не было, но чувствовалась необходимость выяснить дальнѣйшій образъ дѣйствій.

Чувствовалось всѣми желаніе Стесселя узнать точку зрѣнія начальниковъ на дѣло дальнѣйшей защиты, и выяснить, быть можетъ, имъ свою, которая, какъ несомнѣнно ощущалось всѣми, была— скорѣйшая сдача во избѣжаніе дальнѣйшаго риска.

Передъ началомъ засѣданія Стессель предложилъ всѣмъ высказать совершенно откровенно свое мнѣніе касательно положенія дѣлъ въ крѣпости и необходимыхъ мѣръ, которыя надлежало принять въ ближайшемъ будущемъ.

При этомъ Стессель пообѣщалъ, что въ концѣ засѣданія ознакомитъ съ запиской, которую держалъ въ рукахъ.

На засѣданіи присутствовали:

Смирновъ, Фокъ, Никитинъ, Надѣинъ, г.-м. Бѣлый, г.-м. Горбатовскій, кон.-адм. Виренъ, конт.-адм. Лощинскій, Рейсъ, полковн. Ирманъ, полковн. Григоренко, полковн. Мехмандаровъ, подполк. Хвостовъ, подполк. Гандуринъ, полк. Савицкій, полковн. Грязновъ, подполк. Покладъ, полковн. Семеновъ, полковн. Петруша, подполк. Дмитревскій и капитанъ Головань.

Высказались слѣдующія лица, коснувшись въ своихъ рѣчахъ вопроса сдачи:

Головань.—Держаться еще можно.

Дмитревскій.—Обороняться еще можно, но... не должно.

Покладъ.—Держаться необходимо.

Хвостовъ.—Держаться нужно до послѣдней крайности.

Гандуринъ.—У насъ силъ не хватитъ; это ожесточитъ врага и вызоветъ рѣзню.

Григоренко.—Слѣдуетъ обороняться.

Петруша.—Безусловно еще несвоевременно отказаться отъ дальнѣйшей обороны.

Савицкій.—Цынга можетъ заставить насъ прекратить оборону.

Мехмандаровъ.—Обороняться возможно.

Грязновъ.—Солдатъ сумѣетъ умереть, если будетъ какая-нибудь надежда на выручку.

Семеновъ.—Слѣдуетъ продолжать оборону.

Ирманъ.—Мы имѣемъ 10 тысячъ штыковъ и должны обороняться.

Рейсъ сказалъ пространную рѣчь, мотивируя необходимость мирной сдачи.

Горбатовскій.—Мы слабы, но держаться необходимо.

Надѣинъ.—Держаться на передовой линіи возможно дольше.

Бѣлый.—Держаться еще можно на I-й линіи.

Никитинъ.—Сдача преждевременна, снаряды еще есть, мы должны бороться!..

Адм. Виренъ.—Можно и должно продолжать защиту.

Лощинскій.—Нужно продолжать защищаться.

Фокъ.—Оборонять форты пѣхотой собственно нельзя... (высказался неопредѣленно, склонялся къ сдачѣ).

Смирновъ.—Сдача можетъ быть вызвана только истощеніемъ продовольствія.

Вотъ приблизительно въ сокращенномъ видѣ

рѣчь генерала Смирнова, которую привожу въ виду особой важности точки зрѣнія коменданта крѣпости:

«Полагая, что все то, что было изложено здѣсь, достаточно и со всѣхъ сторонъ освѣтило вопросъ, предложенный на обсужденіе, я съ своей стороны считаю долгомъ заявить слѣдующее: по существующимъ правиламъ въ каждой крѣпости имѣется Высочайше утвержденная секретная инструкція, въ которой категорически указывается цѣль и назначеніе крѣпости на мѣстномъ театрѣ военныхъ дѣйствій и на ея основаніи комендантъ можетъ судить въ извѣстный періодъ войны, въ какой мѣрѣ и степени крѣпость выполнила свое назначеніе. Таковой инструкціи въ дѣлахъ штаба крѣпости, къ сожалѣнію, не имѣется. Въ данномъ случаѣ о задачахъ нашихъ приходится судить самимъ. Одна изъ таковыхъ задачъ — это служить прибѣжищемъ и защитой флоту—уже нами исчерпана, вслѣдствіе гибели флота. Другая наша задача—прикрывать армію или содѣйствовать стратегическому развертыванію нашей арміи—еще не закончена, иначе мы не только узнали бы о ея наступленіи, но были бы освобождены отъ осады. Какое бы ни было на этотъ счетъ мнѣніе, но положеніе объ управленіи крѣпостями категорически требуетъ вести оборону до полнаго истощенія силъ и средствъ, чего у насъ далеко еще не наступило.

«Посему дальнѣйшая оборона крѣпости для насъ обязательна.

«Самый же планъ обороны, сообразуясь съ существующей обстановкой, долженъ быть такой: пока возможно, мы должны держаться Китайской стѣнки, такъ какъ изъ-за нея мы можемъ дѣйствовать бомбочками и стрѣлять минами, что для насъ является суррогатомъ артиллерійскаго огня.

«Для усиленія нашей боевой линіи надо ослабить

наши выдающіеся фланги Ляотешань и Сигнальную гору, взявъ оттуда часть силъ.

«Полагаю, что Китайскую стѣнку мы можемъ держать не менѣе двухъ недѣль. Затѣмъ мы отойдемъ на 2-ю позицію, т.-е. на Курганскую батарею, Владимірскую, Митрофаніевку и Безъимянную горы. Эта позиція имѣетъ то неудобство, что невозможно держать близко къ ней поддержки и резервы по причинѣ малаго количества блиндажей и холоднаго времени. Поэтому на эту позицію надо смотрѣть, какъ на арріергардную, но все-таки, я полагаю, на ней можно будетъ задержать противника до одной недѣли. Наконецъ третья позиція—на Каменоломномъ кряжѣ, примыкающая слѣва къ сѣверной части городской ограды, а справа къ Большой горѣ, въ настоящее время хорошо укрѣплена и имѣетъ непосредственно сзади себя много построекъ для расположенія поддержекъ и резервовъ. Позиція эта, благодаря своей силѣ и удобствамъ, позволитъ намъ держаться по меньшей мѣрѣ недѣли три. Къ этому времени и средства наши будутъ на исходѣ, и тогда вопросъ о дальнѣйшей жизни крѣпости будетъ на очереди».

Стессель.—«Держаться нужно на 1-й линіи, пока это будетъ возможно. Жить на 2-й линіи, гдѣ нѣтъ помѣщеній, въ теперешнее морозное время нельзя: люди не выдержатъ и начнутъ уходить въ казармы, и провѣрить это очень трудно. Если сумѣемъ удержать Китайскую стѣнку, укрѣпленіе № 3 и Курганскую батарею, то держаться можемъ, если же собьютъ съ этой линіи, то слѣдуетъ переходитъ прямо на линію Хометки, гдѣ есть поблизости помѣщенія для жилья, держа на верху только часовыхъ. Оборудованіе нѣсколькихъ линій теперь совершенно невозможно. Артиллерія должна употребить всѣ усилія, чтобы помѣшать поставить орудія на форту № 3, иначе на Китайской стѣнкѣ держаться нельзя. На 2-й линіи нужно держаться пока воз-

можно, отнюдь не допуская непріятеля въ городъ и не перенося борьбы на улицы, чтобы не вызвать рѣзню раненыхъ, которые заслужили вниманіе къ своей участи».

(Не могу не замѣтить, что это была неблагородная ложь на японцевъ; за близкое сосѣдство съ ними только послѣдніе мѣсяцы осады гарнизонъ могъ убѣдиться въ полной ихъ гуманности и вполнѣ рыцарскомъ отношеніи къ побѣжденнымъ. О рѣзни раненыхъ не могло быть и рѣчи, и конечно этими мнимыми своими «предположеніями» Стессель хотѣлъ попросту замаскировать свою трусость, спрятавъ ее подъ выгодную маску участія къ раненымъ).

Журналъ засѣданія совѣта обороны, гдѣ были запротоколены рѣчи всѣхъ, оказался почему-то подписаннымъ только однимъ Рейсомъ.

Цитируя рѣчь Стесселя по этому журналу засѣданія совѣта обороны, я не могу не высказать своего недоумѣнія, каковое раздѣлить и читатель, если скажу, что по дальнѣйшимъ разспросамъ присутствовавшихъ на засѣданіи выяснилось, что Стессель говорилъ очень много о жалкомъ положеніи крѣпости, о недостаткахъ припасовъ и утомленіи людей, явно стремясь сгустить краски.

Въ концѣ засѣданія Стессель благодарилъ всѣхъ за высказанное мужественное мнѣніе.

Такимъ образомъ онъ подтвердилъ, что отлично понялъ общее настроеніе и почти общій взглядъ: противъ сдачи.

Въ общемъ 80 проц. членовъ совѣта высказались за дальнѣйшую оборону.

Передъ тѣмъ какъ стали расходиться по окончаніи засѣданія, Стессель обратился къ Фоку со слѣдующими словами:

— Александръ Викторовичъ!—я прочитаю замѣтку!

— Нѣтъ! не надо,—отвѣтилъ Фокъ.

Засѣданіе закончилось. Всѣ разошлись, увѣренные, что будутъ приложены еще всѣ усилія для дальнѣйшей упорной борьбы.

LI.

Дальнѣйшіе шаги Стесселя къ осуществленію сдачи.

Не лишнее для полноты картины будетъ добавить, что Стесселемъ еще до засѣданія была заготовлена телеграмма на имя Государя. На телеграммѣ (черновикъ) помѣтка «15 декабря 11 ч. ночи», послѣ же рукою Стесселя карандашемъ написано «16 декабря 11 ч. ночи» (т. е. будто бы послѣ засѣданія; тутъ собственно даже непонятно, какими соображеніями руководствовался Стессель).

Вотъ текстъ этой телеграммы, посланной кажется именно 16-го послѣ засѣданія, хотя точно установить время посылки этой телеграммы мнѣ не удалось.

«Крѣпость продержится всего нѣсколько дней, у нея снарядовъ почти нѣтъ. Приму мѣры, чтобы не допустить рѣзню на улицахъ. Цынга очень валитъ гарнизонъ. У меня подъ ружьемъ теперь 10—11 тысячъ и они нездоровые».

Тутъ же на черновикѣ телеграммы, гдѣ рукою Стесселя перемѣчено число, имъ же сдѣлана надпись:

«Изъ этого же поскорѣе и главнокомандующему, прибавивъ, что положеніе совершенно критическое».

На слѣдующій день Стессель тайно отъ всѣхъ послалъ въ Чифу знамена на миноноскѣ.

Знамена приказано было принести въ домъ генерала Стесселя подъ какимъ-то предлогомъ.

Людямъ испытанной вѣрности Стесселемъ было поручено собственноручно оторвать матерію отъ древка. Древки были сожжены, а сами знамена упа-

кованы въ ящикѣ и свезены осторожно, дабы не возбудить толки, на миноноску. Ночью миноноска отбыла въ Чифу.

Между тѣмъ на передовой линіи было сравнительно спокойно весь день 17 декабря и только 18 утромъ въ 9 ч. послѣдовалъ взрывъ на укрѣпленіи Ш.

Взрывъ былъ удачный для японцевъ, и у насъ были большія потери: около 100 человѣкъ изъ 187 человѣкъ защитниковъ.

Послѣ полудня началось усиленное наступленіе вдоль всего фронта отъ Курганной батареи до Орлинаго гнѣзда.

Несмотря на категорическое приказаніе Смирнова Фоку удерживать Китайскую стѣнку, Фокъ, дѣйствуя отъ имени Стесселя, велѣлъ очистить Китайскую стѣнку въ $3^1/_2$ часа пополудни. Японцы не мѣшали намъ очищать укрѣпленія и къ ночи войска расположились на второй позиціи, занимая линію: Курганная батарея, Владимірская, Митрофаніева гора, Большое Орлиное гнѣздо, участокъ Китайской стѣнки за фортомъ П и Куропаткинскій люнетъ.

Приказъ-диспозиція, отданный Стесселемъ 18 числа, не соотвѣтствовалъ топографіи мѣстности и обнаруживаетъ, что писавшій ее никогда не бывалъ на прилежащихъ ко 2-й позиціи горахъ и не видѣлъ самую 2-ю позицію.

19 декабря огонь непріятельскихъ винтовокъ и шрапнель вытѣснили нашихъ изъ Большого Орлинаго гнѣзда. Это было около $2^1/_2$ часовъ дня. Тогда генералъ Фокъ совершенно самовольно отдалъ приказъ очистить Куропаткинскій люнетъ, Малое Орлиное гнѣздо и Лит. Б.

Напрасно генералъ Горбатовскій, ясно видя невыгодность того положенія, въ которомъ будутъ поставлены войска со сдачею этихъ укрѣпленій японцамъ, приказалъ полк. Лебединскому, начальнику участка, удерживать эти пункты.

Генералъ Фокъ сталъ угрожать Горбатовскому,

что приметъ рѣшительныя мѣры, если онъ позволитъ себѣ дальнѣйшее противодѣйствіе, и приказалъ Горбатовскому немедленно очистить укрѣпленія.

Войска стали отступать.

И въ тотъ же день, въ 4 часа дня, Стессель, никому объ этомъ не сказавъ, тайно послалъ къ японцамъ парламентера, прапорщика Малченко, предлагая сдать крѣпость.

Одно за другимъ, по мѣрѣ того, какъ мы отходили, занимали укрѣпленія японцы.

LII.

Сдача крѣпости.

Многіе изъ солдатъ, уже долго спустя разсказывавшіе мнѣ какъ войска покидали укрѣпленія, не могли удержаться отъ слезъ.

И это были искреннія слезы боли, досады, обиды на тѣхъ, кто посмѣлъ распорядиться судьбой дѣла, облитаго кровью тысячъ, священнаго безчисленными самоотверженными смертями, геройствами, подвигами и жертвами... Было больно; точно все это вдругъ оказалось ненужнымъ.

Это были слезы протеста, негодованія и безсильной злобы на тѣхъ, кто, снявъ съ труповъ убитыхъ героевъ добытые смертью лавровые вѣнки, надѣлъ ихъ на свои недостойныя головы, чтобы обмануть наивныхъ, легковѣрныхъ, незнающихъ.

Среди солдатъ негодованіе на Стесселя и его приверженцевъ росло не по днямъ, а по часамъ; и Стессель понималъ это; еще рѣже старался онъ бывать на людяхъ, еще меньше его видѣли; онъ дѣятельно готовился къ сдачѣ.

Деморализація росла. То здѣсь, то тамъ начались грабежи оставшихся складовъ.

Появилось множество слуховъ и легендъ.

Передавали, что Стессель уже продаетъ свое иму-

щество, а г-жа Стессель своихъ поросятъ, щенятъ, коровъ и прочіе запасы. Разсказывали, что къ Стесселю во дворъ иногда врывались солдаты и мародерствовали почти на глазахъ генерала. Разсказывали, наконецъ, можетъ статься и анекдотъ, но довольно характерный, что одинъ изъ щенковъ многочисленныхъ стесселевскихъ собачекъ—былъ раненъ въ бокъ и лапу; послѣ этого г-жа Стессель, конечно, убѣдитъ мужа сдать немедля крѣпость! Конечно, скажетъ ему: «Что, досидѣлись? полно жадничать и храбриться! поигралъ въ герои—и будетъ!..»

Словомъ, возможность близкой сдачи уже повисла надъ измученнымъ гарнизономъ крѣпости. Деморализація росла и росла.

Догадывались, но положительно не знали, что 19-го декабря Стессель послалъ, какъ послѣ и оказалось въ дѣйствительности, генералу Ноги письмо. Привожу его полностью:

«Его превосходительству командующему арміей, осаждающей Портъ-Артуръ. Милостивый государь. Соображаясь съ общимъ положеніемъ дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, я признаю дальнѣйшее сопротивленіе Портъ-Артура безцѣльнымъ и, во избѣжаніе напрасныхъ потерь, желалъ-бы войти въ переговоры относительно капитуляціи. Если ваше превосходительство на это согласны, то прошу назначить лицъ, уполномоченныхъ для переговоровъ объ условіяхъ и порядкѣ сдачи и указать мѣсто, гдѣ ихъ могутъ встрѣтить назначенныя мною лица.

Пользуясь случаемъ и т. д. Генер.-адъютантъ Стессель 4,05. (19 декабря 1904 г.)».

Войска деморализованы, лучшія позиціи сданы, наконецъ, уже начаты переговоры съ непріятелемъ—все это создало обстановку, которой неизбѣжныя слѣдствія предотвратить было уже трудно.

Комендантъ, узнавшій о посланномъ письмѣ только въ 6 ч. вечера отъ пріѣхавшаго къ нему съ тревож-

ной вѣстью адмирала Вирена, офиціально извѣщенный Рейсомъ лишь въ 11 часовъ вечера—почувствовалъ себя безсильнымъ исправить дѣло. И тутъ нельзя не упрекнуть генерала Смирнова.

Чувствуя близкую сдачу, видя, такъ сказать, всѣ шаги Стесселя къ этой сдачѣ, какъ было не обсудить гласно мѣры борьбы противъ самовольныхъ плановъ Стесселя, противъ его покушенія на осквернение памяти безполезно погибшихъ?

Какъ было не собрать немедленно—при первыхъ же симптомахъ возможнаго, явно надвигавшагося печальнаго исхода—совѣтъ тѣхъ, кто былъ противъ этой сдачи, чтобы усиліями протестующихъ парализовать своевольное распорядительство Стесселя судьбою крѣпости и ея гарнизона?!

Увидя приказъ взрывать суда, прочитавъ письмо Стесселя къ Ноги, Смирновъ только послалъ главнокомандующему телеграмму:

«Главнокомандующему арміями и флотомъ.

Генералъ-адъютантъ Стессель вступилъ въ переговоры о сдачѣ крѣпости безъ предупрежденія и вопреки моему и большинства начальниковъ заключенію.

20 декабря, № 1300. Генералъ-лейтенантъ Смирновъ».

...А тѣмъ временемъ Стессель, волнуясь, большими шагами ходилъ по своей гостиной. Тамъ царилъ безпорядокъ. Валялись обрывки веревокъ, куски дерева отъ приготовляемыхъ ящиковъ, солома, сѣно...

Поспѣшно укладывали стесселевскія вещи; ничего не должно было пропасть, или быть попорченнымъ; ящиковъ было сколько угодно, рабочихъ рукъ тоже, времени, правда, мало, потому что никто не зналъ, какъ японцы повернутъ дѣло. Плотники, солдаты 14 полка, заколачивали безчисленные ящики. Сперва Стессель рѣшилъ прятать драгоцѣнно-

сти подъ полъ; послѣ приказалъ все укладывать, чтобы брать съ собой.

Стессель ждалъ отвѣта отъ Ноги. Къ Стесселю поминутно входили моряки и сухопутные съ нервными горячими вопросами, многіе съ неудержимой лавиной, энергичной, одушевленной брани.

— Это вы, вы—все вы злодѣй, измѣнникъ!..—говорили многіе офицеры Рейсу, но онъ спокойно пожималъ своими огромными неуклюжими плечами.

— Я ничего!.. ей Богу ничего: это все генералъ Стессель!..

Тогда-то Стессель, уже понявъ съ ужасомъ, что онъ сдѣлалъ, послалъ, чтобы умалить передъ царемъ свою вину, телеграмму, какъ громомъ поразившую всѣхъ и въ Россіи и за границей, наполнивъ сердца возмущеніемъ недавнимъ «героемъ».

Тутъ были и трусливая ложь и низкая увертка испуганнаго своимъ преступленіемъ холопа.

«Великій Государь», писалъ онъ, «суди насъ, но суди милостиво»...

Стессель первый самъ второпяхъ съ испугу заговорилъ о судѣ...

Прежде чѣмъ передавать подробности исторической капитуляціи и говорить о томъ, какъ Стессель со дня посылки депутаціи для подписи капитуляціи, будто совершенно позабылъ о существованіи гарнизона—еще нѣсколько цифръ.

LIII.

Еще немного краснорѣчивыхъ цифръ.

Въ дополненіе къ приведеннымъ мною въ одной изъ предыдущихъ главъ числовымъ даннымъ о количествѣ людей, сданныхъ съ крѣпостью Стесселемъ японцамъ, привожу сейчасъ данныя о количествѣ вооруженія и припасовъ, сданныхъ японцамъ. Дан-

ныя эти зарегистрированы въ японскихъ официальныхъ спискахъ:

Сдано японцамъ русскими и японцы получили:

Лошадей	1,920	(кромѣ того извозчичьи лошади, ослы и мулы).

Батареи, укрѣпленія и суда.

Укрѣпленій и батарей	59
Линейныхъ корабля	4
Крейсера	2
Кораблей	10
Канонерскихъ лодокъ и миноносцевъ .	14
Баркасовъ	8
Различныхъ судовъ	12
Небольшихъ пароходовъ	35
Всего . .	85

Боевые припасы, орудія, ружья (не считая оставленнаго на судахъ).

Магазинныхъ ружей	25,700
Магазинныхъ карабиновъ.	7,765
Обыкновенныхъ пѣхотныхъ ружей.	2,200
Обыкновенныхъ карабиновъ . . .	111

Всего такимъ образомъ 35,776 ружей и множество старыхъ ружей, кромѣ того и 5.436,240 ружейныхъ патроновъ.

Орудій большого калибра	54
Орудій средняго калибра	149
Малокалиберныхъ.	343

Всего 546 орудій въ совершенно удовлетворительномъ состояніи.

Зарядовъ для большихъ и среднихъ калибровъ	16,184
Зарядовъ для старыхъ и новыхъ полевыхъ орудій	50,090

Зарядовъ для малокалиберныхъ скорострѣльныхъ орудій	138,370
Зарядовъ всего .	204,644

Прочіе боевые припасы.

Петардъ и различныхъ гранатокъ.	1,588 шт.
Порохъ (въ тоннахъ)	30 тон.
Минъ	60 шт.
Револьверовъ	370 »
Сабель	1,891 »
Прожекторовъ	14 »
Телефон. и телеграфн. аппаратовъ	149 »
Зарядныхъ ящиковъ.	290 »
Сигнальныхъ аппаратовъ	3 »
Обозныхъ телѣгъ	671 »

Запасы угля.

Кардифа	75,000 тоннъ.
Японскаго угля	55,000 »
Брикетовъ	15,000 »
Угля всего	145,000 тоннъ.

Запасы продовольствія въ тоннахъ.

Ржи	700 тон.	
Пшеничной муки	150 »	(700,000 порцій).
Стручков. овощей	700 »	
Солонины . . .	40 »	(23,000,000 пор.).
Сухарей	60 »	(700,000 порцій).
Соли	380 »	
Кукурузной муки	40 »	(12,000 порцій).
Сахару.	20 »	(1.400,000 порцій).
Рису	1 »	(1,000 порцій).
Ячменя.	2 »	(80,000 порцій).

Множество спиртныхъ напитковъ.
Фуража на 2 мѣсяца.

И кромѣ того принадлежащихъ флоту:
700 тоннъ пшеничной муки.
Сахару . 40 »
Масла . 2 »

Цифры, замѣняющія собою всякій обвинительный актъ, ставящія Стесселя въ рядъ съ Базеномъ.

LIV.

Капитуляція. Смятеніе гарнизона.

Съ быстротой молніи разнеслась по городу тревожная вѣсть, что крѣпость капитулируетъ. Эту вѣсть называли нелѣпымъ слухомъ, болтовней, ни на чемъ не основанной, но она повторялась повсюду, гдѣ шепотомъ, гдѣ громко, зажигая протестомъ и негодованіемъ людей, измученныхъ неравной борьбой.

Говорили, что Рейсъ съ цѣлой свитой отправленъ Стесселемъ для подписанія капитуляціи; почему-то отправился и уполномоченный Краснаго Креста егермейстеръ Балашевъ...

Какъ въ дѣйствительности происходила капитуляція, подписаніе безсмертнаго акта, покрывшаго незаслуженнымъ позоромъ имена тѣхъ, кто жизни свои отдавалъ героической борьбѣ, вѣря слѣпо, страстно, фанатически въ необходимость и величіе этой борьбы—объ этомъ ниже. Пока постараюсь передать настроеніе гарнизона той крѣпости, судьбою которой распорядился «начальникъ» безъ участія гарнизона, безъ его вѣдома и вопреки его рѣшенію.

Какъ будетъ происходить сдача?

Что будетъ съ имуществомъ частныхъ лицъ?

Какъ поступятъ съ оставшимися значительными запасами фуража, провіанта, снарядовъ?..

Что сдѣлаютъ съ орудіями, фортами, съ судами?..

Эти вопросы бушующимъ пламенемъ влились въ подавленную жизнь изнеможденнаго гарнизона.

Въ городѣ, на позиціяхъ не вѣрили. Долго, упрямо не вѣрили, отчаянно не вѣрили, когда уже взрывы на судахъ, въ порту, на фортахъ и въ самомъ городѣ, говорили краснорѣчивѣе всякихъ словъ, что уничтожаютъ то, что защищали столько времени, обливая драгоцѣнной человѣческой кровью, осыпая трупами...

Но кое гдѣ вѣрили!

И тамъ, гдѣ вѣрили, царилъ ужасъ.

Солдаты переставали открыто повиноваться.

Съ громкимъ негодующимъ ропотомъ, измученные, похудѣвшіе, зараженные цынгой, сѣрые, грязные люди въ лохмотьяхъ одеждъ и отрощенныхъ волосахъ набрасывались на своихъ начальниковъ... на блѣдныхъ, взволнованныхъ, измученныхъ поручиковъ и капитановъ.

Точно эти поручики и капитаны были виновны.

Точно они самоотверженно не устилали и своими трупами высоты артурскихъ фортовъ, точно ихъ кровь не смѣшивалась съ солдатскою.

Но солдаты, опьяненные тревогой, не могли разсуждать, и накопившійся ужасъ, спавшій въ цѣпяхъ терпѣливаго сознанія необходимости и святости ихъ жертвъ—тутъ вылился весь, обнаженный, зловѣщій, кошмарный.

Объ этомъ еще нигдѣ не писали, но достойно изслѣдованія психолога то состояніе, въ которомъ солдаты, забывъ все и вся, принялись за массовые грабежи...

Не торопитесь, читатель, осуждать солдатъ... они понесли даже и кару тутъ же, на землѣ: японцы послѣ разстрѣляли ихъ не мало...

Какъ больно и какъ страшно это знать! Японцы смертной казнью наказали нашихъ солдатъ за то, что они перестали повиноваться своимъ начальни-

камъ, своимъ русскимъ начальникамъ... измѣнившимъ имъ... И мы это пережили!

А тотъ, кто прятался отъ своихъ же возмущенныхъ чиновъ гарнизона, тотъ, кто былъ истиннымъ виновникомъ и этого ужаса, и этого позора... тотъ занимался упаковкой вещей... безчисленныхъ драгоцѣнностей, награбленныхъ еще въ китайскій походъ и умножившихся за «помѣщичью» жизнь въ осажденной крѣпости.

Солдаты грабили частное имущество жителей, ломали винные склады и погреба, напивались дорогими винами, разливая его по улицамъ.

— Пусть пропадаетъ... пусть все пропадаетъ, какъ пропадали наши товарищи,—кричали обезумѣвшіе люди.

Пьяные, они бѣжали въ интендантскіе склады, расхищали крѣпостное имущество и грабили частное...

Это была вакханалія буйства, утомленія, упавшихъ нервовъ, сознанія обрушившагося на головы позора вмѣсто героически заслуженной славы...

Въ госпиталяхъ семнадцать тысячъ больныхъ переживали минуты, часы, дни, какихъ не было въ дни ожесточенныхъ штурмовъ и бомбардировокъ...

Съ офицерами бывали случаи, когда они едва спасались на улицахъ отъ нападенія солдатъ, ожесточенныхъ сдачей...

Жители заперлись у себя, съ трепетомъ прислушиваясь къ гулу бѣгающихъ по городу громящихъ толпъ.

У многихъ было разгромлено и изуродовано имущество, сохраненное съ такими усиліями въ тяжкіе дни осады.

У Кунста-Альберта (торговая фирма), у многихъ другихъ было уничтожено припасовъ на колоссальную сумму...

Стало ясно, что припасы для чего-то тщательно сохранялись; и были удивлены многіе, узнавъ объ

ихъ существованіи въ осажденной крѣпости, гдѣ людямъ не хватало конины.

Послѣ Стессель выдавалъ даже свидѣтельства фирмамъ о томъ, что ихъ имущество было разграблено русскими солдатами.

Тщетно жители взывали къ начальникамъ: маленькіе были безсильны, а большіе махнули рукой на жителей и гарнизонъ. И вплоть до торжественнаго вступленія съ музыкой японскихъ полковъ, ликующихъ побѣду, въ жалкихъ улицахъ изуродованнаго города царилъ этотъ ужасъ.

Первый Стессель отъ японцевъ потребовалъ себѣ охрану, боясь, что по примѣру прочихъ его такъ тщательно охраняемые ящики богатства будутъ разгромлены. Но имущество его было сохранено и невредимо доплыло до Россіи по волнамъ Индійскаго океана.

Граждане обращались къ Стесселю, прося защиты.

— Просите японцевъ,—говорилъ Стессель, — я здѣсь болѣе не начальникъ.

Стессель даже не прощался съ солдатами...

Онъ боялся выходить изъ дому и трусливо прятался среди своихъ ящиковъ, нетерпѣливо ожидая японцевъ: они придутъ и наконецъ онъ спокойно вздохнетъ...

Они пришли, и онъ вздохнулъ спокойно.

А Фокъ ѣздилъ по фортамъ и кое-гдѣ, гдѣ еще безуміе злобы и ужаса не домчалось до измученныхъ, обманутыхъ людей, пытался говорить рѣчи солдатамъ.

Онѣ дышали ложью и наивной лестью, и жалкой трусостью эти рѣчи.

Я приведу одну изъ его рѣчей.

Въ случаѣ необходимости, ее могутъ подтвердить слышавшіе—ихъ подписи имѣются у меня.

«Ребята, вы должны знать, что я вижусь съ вами въ послѣдній разъ. Вы знаете, что крѣпость сдана,

но почему? Потому что мы не могли больше держаться и если бы продолжалась осада еще три дня, то не мы сдались бы въ плѣнъ, а насъ забрали бы насильно.

«Вы должны знать, что весь позоръ сдачи (Портъ-Артура) падаетъ не на васъ, солдатъ, а на насъ, генераловъ!

«Кто изъ васъ не понимаетъ, можетъ сказать, что у насъ еще было много снарядовъ и хлѣба, но вы должны знать, что намъ нельзя было разстрѣлять всѣхъ снарядовъ, потому что мы занимали огромныя позиціи и не могли знать, когда непріятель можетъ зайти въ крѣпость.

«Но не вамъ, солдатамъ, знать все это; я долженъ сказать, что съ истинной храбростью и мужествомъ стояли вы за родину. Родина можетъ гордиться вами и мы должны гордо смотрѣть въ лицо каждому и не падать духомъ.

«Грустно и тяжело сдаться въ плѣнъ, потому что вы на время попадете въ чужія руки, къ чужимъ людямъ, гдѣ нѣтъ нашего мягкаго русскаго закона. Тяжело еще потому, что старому начальнику придется разстаться со своими солдатами, съ которыми жилъ и сражался въ бояхъ.

«Но прошу васъ вести себя какъ подобаетъ русскому воину въ плѣну, чтобы не посрамить себя передъ врагомъ.

«Вы, солдаты, сражались для блага родины сколько можно было, и теперь васъ не забудутъ.

«Васъ мало осталось въ полкахъ; изъ 13-го и 14-го полка всего 240 человѣкъ. Октябрь и декабрь— было уже довольно съ насъ, артурцевъ. Мы своею горстью продержали врага и дали возможность ген. Куропаткину собраться съ силами на сѣверѣ.

«Вы должны помнить ген. Стесселя и вѣчно благодарить его супругу, которая просила его пожалѣть васъ. Стессель—опытный въ бояхъ генералъ и

знаетъ больше меня; онъ сдѣлалъ все возможное для Артура и вы не должны его осуждать.

«На что Балашевъ, человѣкъ богачъ, старикъ, глухарь, но изъ христіанскаго человѣколюбія ходилъ на позиціи подъ снарядами и помогалъ, чѣмъ могъ. Онъ егермейстеръ Государя Императора и теперь будетъ съ вами *).

«Мнѣ жаль разставаться съ вами, но желаю вамъ, храбрые, всего хорошаго! Будьте живы и здоровы! Спасибо».

Такъ, послѣ сдачи одинъ изъ главныхъ ея виновниковъ стремился лестью и ложью оправдаться передъ обманутыми солдатами; ужъ лучше молчалъ бы, какъ молчалъ Стессель!

Эта «рѣчь», приведенная мною на страницахъ «Руси», послужила поводомъ къ привлеченію меня генераломъ Фокомъ къ суду. Генералъ Фокъ эту рѣчь отрицаетъ и въ особенности слова: «Вы должны помнить ген. Стесселя и вѣчно благодарить его супругу, которая просила его пожалѣть васъ».

Къ разбору этого дѣла придется вернуться еще ниже. Конечно, странно, что ген. Фокъ изъ всѣхъ серіозныхъ обвиненій въ важныхъ преступленіяхъ выбралъ лишь это для привлеченія за «клевету».

LV

Капитуляція. Тревожное невѣдѣніе администраціи города. Отчаяніе солдатъ.

Крѣпость была сдана, но офиціально власти города не знали ничего, упорно не вѣря «слухамъ».

Доказательствомъ этого незнанія можетъ служить то, что на 22 декабря было назначено утромъ въ 9 ч. засѣданіе воинскаго присутствія, по набору новобранцевъ. (Воинское присутствіе начало свои засѣданія еще съ 15 ноября для свидѣтельствованія

*) Эти слова мнѣ непонятны, такъ какъ Балашевъ въ плѣнъ не попалъ, а прибылъ въ Петербургъ.

молодыхъ людей, достигнувшихъ призывнаго возраста, въ районѣ осажденной крѣпости; всего ихъ было освидѣтельствовано болѣе 1000 человѣкъ, изъ коихъ освобождено отъ повинности ничтожное количество; наблюдалось между прочимъ большое огорченіе тѣхъ, кого забраковали).

22 декабря въ 10-мъ часу, когда уже собрались призываемые молодые люди и члены присутствія, предсѣдателемъ собранія былъ полученъ пакетъ, гдѣ офиціально сообщалось штабомъ укрѣплѣннаго района, что крѣпость сдана японцамъ и прилагался текстъ капитуляціи.

Всѣ остались сидѣть безмолвные, пораженные страшной вѣстью, о которой ходили только слухи до сихъ поръ, но которые теперь подтверждались окончательно. Уже нѣсколько дней, какъ сдача была совершена, а между тѣмъ комиссаръ по гражданской части, у котораго на рукахъ были и секретные документы, и денежныя суммы, и воинской отчетъ, не былъ извѣщенъ Стесселемъ до утра 22 декабря, когда уже поздно было уничтожить цѣнные секретные документы... Несмотря на это, многое успѣли уничтожить, главнымъ образомъ благодаря усиліямъ чиновника Полубояринова, поспѣшившаго отобрать важные документы. Засѣданіе, конечно, было прекращено, а коммиссаръ по гражданской части подп. Вершининъ отправился къ японцамъ для переговоровъ объ охранѣ интересовъ частныхъ лицъ, такъ какъ въ капитуляціи совершенно позабыли оградить личные и имущественные интересы гражданъ сданнаго города.

Ниже я приведу пункты этой исторической капитуляціи и укажу, какіе преступные недочеты, пробѣлы, упущенія были допущены въ ней; вина вся на тѣхъ, кто подписывалъ капитуляцію, спѣша скорѣе создать себѣ личную безопасность и спокойствіе.

Теперь же къ тому времени до 23 декабря, пока японцевъ еще не было въ крѣпости и въ городѣ, и

тамъ царила неопредѣленная безумная тревога, выливавшаяся въ уничтоженіи солдатами имущества казеннаго и частнаго.

Никто не объяснялъ, ни офицерамъ, ни солдатамъ, что такое «сдача», какъ она происходитъ, въ какой мѣрѣ охраняютъ международные законы имущество и жизнь сдающихся.

Это понятно, что никто не объяснялъ, потому что скрывался даже самый фактъ сдачи.

Какъ говорятъ, это было сдѣлано Стесселемъ нарочно въ видахъ личной безопасности до вступленія въ городъ японцевъ.

Потому никто не зналъ о неприкосновенности личной и имущества и, слыша о сдачѣ, ошеломленные новизной и странностью поворота дѣла защиты, солдаты какъ бы совсѣмъ потеряли почву подъ ногами.

Солдаты сознательно, въ отчаянной жестокой злобѣ на дѣйствительность—старались уничтожить возможно больше имущества, не разбирая чье оно, лишь бы оно не доставалось японцамъ.

Офицеры буквально не знали, какъ имъ поступить. Не зная твердо о сдачѣ, не имѣя ни о чемъ приказаній, они на свой страхъ кое-гдѣ жгли и взрывали запасы, орудія, форты, уничтожали имущество.

Кое-гдѣ на высотахъ еще перестрѣливались, а на правомъ флангѣ даже шли штурмы и горсть нашихъ солдатъ геройски отражала наступленіе японскихъ ротъ... уже послѣ подписанія капитуляціи.

Видимо, и японскія части еще не были извѣщены.

Кое-гдѣ съ высотъ узнавшія, не понимающія, изможденныя, голодныя, потерявшія начальниковъ, тихо сходили группы солдатъ, останавливая встрѣчныя какія же группы, окружая попадавшихся офицеровъ и осыпая ихъ разспросами.

Въ этихъ разспросахъ обманутыхъ людей, которымъ не потрудились даже сказать о происшедшемъ

событіи—таилось столько трагизма!.. И онъ вырывался порою этотъ трагизмъ.

Солдаты, вспоминая до сихъ поръ, говорятъ о немъ съ болью, тоской, едва сдерживая слезы... Они вспоминаютъ сцены тѣхъ дней... Эти сцены незабываемы...

Солдаты бродятъ кучками, у города... жалкіе, оборванные.

— Сдали, сдали, сдали—роковыя слова у всѣхъ на устахъ...

— Чего, братцы столпились, сдали, значитъ, уходи!..

— Сдали и уходи; теперь что....

А кто то кричитъ хриплымъ, надтреснутымъ голосомъ, простуженный и больной...

— Какъ сдали? мы цѣлую ночь чинили брустверъ, что японцы спортили...

— Не могли сдать; мы кровь проливали, не они... не могли... не смѣли они сдать.

— Какъ сдали?.. значитъ теперь уже не увидимъ родныхъ и Россіи... значитъ теперь и домой не вернемся!

— И какъ теперь домой вернуться?

Въ словахъ были слезы. Сдавленныя рыданія вырывались неясно изъ усталыхъ грудей. Вдругъ люди, не выдержавъ этой нервной пытки, потрясали воздухъ проклятіями по адресу тѣхъ, кто такъ позорно распорядился землею, залитой ихъ кровью...

— Будь они прокляты!—шумѣла, рыдала, стонала толпа оборванныхъ, худыхъ и черныхъ отъ грязи солдатъ и ломала свои штыки и сабли; разбивала о камни винтовки и рвала на себѣ шинели, полушубки, аммуниціи, рѣзала сѣдла, убивала лошадей въ дикомъ ужасѣ невыразимой гнетущей злобы на невидимыхъ виновниковъ.

Нѣкоторые бились о землю въ истерическихъ рыданіяхъ. Нѣкоторые плакали, громко причитывая и зовя товарищей скорѣе въ городъ, чтобы рубить,

уничтожить, жечь все, что тамъ еще есть, чтобы ничего не осталось японцамъ. Такъ выразилась обида; незаслуженная жестокая тоска стихійно искала исхода и ни слова осужденія я не произнесу этимъ измученнымъ людямъ.

Но вы, которые за ихъ грудями спасались всю осаду и теперь, обманувъ ихъ, остались цѣлы, богаты, здоровы и сыты, во имя міровой справедливости всѣ должны отвѣтить!..

Насталъ часъ и вы отвѣтите...

LVI.

Капитуляція. Приказъ Стесселя о сдачѣ.

Въ тотъ же день утромъ 22 декабря вышелъ приказъ Стесселя, помѣченный заднимъ числомъ (20 декабря) за № 984 и вмѣстѣ еще другой за № 985.

Это были послѣдніе приказы Стесселя, послѣднее его слово гарнизону сданной крѣпости.

Въ длинномъ обращеніи къ защитникамъ Стессель пытается оправдать необходимость сдачи и трусливо прячется за высокія слова о подвигахъ долга, за Господа Бога, и такъ далѣе... и такъ далѣе...

Чтобы не утомить читателя приведеніемъ всего этого приказа, довольно длиннаго, приведу его характерные отрывки, во всякомъ случаѣ являющіеся крайне интересными для выясненія точки зрѣнія самого Стесселя, на содѣянное имъ преступленіе.

Въ началѣ приказа, начинающагося словами: «Герои-защитники», Стессель дѣлаетъ небольшой историческій очеркъ осады въ выраженіяхъ довольно повышенныхъ и напыщенныхъ, всѣ пораженія, ошибки, промахи, упорно называя небывалыми въ мірѣ чудесами геройской храбрости «только вы, славные воины Бѣлаго Царя, и могли это вынести!» восклицаетъ полководецъ и льетъ крокодиловы слезы на трупы погубленныхъ имъ-же людей...

«Изъ 40 тысячъ гарнизона осталось 9 тысячъ и

то полубольные,—пишетъ онъ, но читатель уже знаетъ, что это была ложь. Далѣе не могу не привести цѣликомъ конецъ этого приказа. Огради Боже будущихъ «Иловайскихъ» принять въ учебникахъ исторіи за чистую монету эту ложь, эту лесть, эту слезу, это участіе... тутъ каждое слово проникнуто жаждой спастись самому... сухимъ невредимымъ выползти на безопасный берегъ по трупамъ людей, по морю крови...

«Продолжать оборону,—пишетъ Стессель,—значитъ подвергать ежедневно безполезному убійству войска наши, сохраненіе коихъ есть долгъ всякаго начальника. Я съ полнымъ прискорбіемъ въ душѣ, но и съ полнымъ убѣжденіемъ, что исполняю священный долгъ, рѣшился прекратить борьбу и установить наивыгоднѣйшія условія очистить крѣпость, (читатель увидитъ ниже, какъ эти условія были установлены «наивыгоднѣйше» для гарнизона или для самого Стесселя), которая теперь уже съ потопленіемъ судовъ эскадры не имѣетъ военнаго значенія убѣжища флота, такъ какъ флота нѣтъ. Второе военное значеніе—оттянуть силы непріятеля отъ главной арміи; мы выполнили это: болѣе 100 тысячъ арміи разбилось о наши груди (по японскимъ источникамъ подъ П.-Артуромъ погибло около 60,000 японцевъ; и это конечно много). Я съ сокрушеніемъ въ сердцѣ, но и съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ, что исполнилъ священный долгъ передъ Царемъ и отечествомъ, рѣшилъ очистить крѣпость. Славные герои! тяжело послѣ 11 мѣсячной обороны оставить крѣпость, но я рѣшилъ это сдѣлать, убѣдившись, что дальнѣйшее сопротивленіе дастъ только безполезныя потери воиновъ, со славою дравшихся съ 26 января. Великій Государь нашъ и дорогая родина не будутъ судить насъ. Дѣла ваши извѣстны всему міру и всѣ восхищались ими. Беру на себя смѣлость, какъ Генералъ-Адъютантъ Его Величества, благодарить васъ за Го-

сударя Императора за вашу безпримѣрную храбрость и за безпримѣрные труды во все время тяжелой осады, осады, вырвавшей изъ строя болѣе $^3/_4$ защитниковъ. Съ чувствомъ благоговѣнія, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, помянемъ имена славныхъ доблестныхъ защитниковъ на поляхъ брани за вѣру Царя и отечества животъ свой положившихъ, начиная отъ генераловъ, до рядовыхъ бойцовъ. Великое спасибо вамъ, дорогіе, храбрые товарищи, за все, вами сдѣланное. Долгомъ почитаю принести мою благодарность доблестнымъ начальникамъ нашимъ, моимъ сотрудникамъ въ боевыхъ дѣлахъ. Благодарю беззавѣтныхъ тружениковъ врачей, ветеринаровъ, Красный Крестъ и сестеръ. Благодарю всѣхъ тѣхъ, кои оказали оборонѣ услуги; велосипедистовъ, извозчиковъ и др.

«Объявляя заслуженную благодарность оставшимся въ живыхъ и достойнымъ начальникамъ вашимъ—почтемъ, боевые товарищи, память павшихъ со славою и честью во всѣхъ бояхъ и битвахъ сей кровопролитной кампаніи. Да ниспошлетъ Господь миръ праху ихъ, а память о нихъ вѣчно будетъ жить въ средѣ благодарнаго потомства. Условія передачи будутъ объявлены въ приказѣ. Нынѣ и впредь до возвращенія на родину вы поведете себя, какъ достойнымъ воинамъ надлежитъ и въ годину нашего тяжелаго испытанія будете молиться Господу и не омрачите славнаго своего имени никакимъ недостойнымъ поступкомъ, помня, что на насъ смотритъ Царь, Россія и всѣ державы. Надо, чтобы знали и видѣли, что русскій воинъ твердъ и въ счастіи, и въ тяжеломъ Богомъ посылаемомъ испытаніи».

Такъ, сдавъ крѣпость, прячась отъ гарнизона, торопливо упаковывая награбленныя въ Китайскій походъ драгоцѣнности, говорилъ о добродѣтели генералъ, продававшій ордена за коровы, отнимавшій послѣднюю траву и посѣвъ у голодныхъ китайцевъ... генералъ обманомъ оставшійся владычествовать въ

осажденной крѣпости, главнѣйшемъ пунктѣ всей обороны Дальняго Востока, и владычествовавшій съ такимъ несказаннымъ позоромъ!..

LVII.

Капитуляція. Договоръ съ японцами о сдачѣ

Безсмертный текстъ Ноги-Стесселевской капитуляціи даже при разсмотрѣніи его людьми, не знающими международныхъ законовъ, военныхъ установленій, актовъ женевской конвенціи и гаагской конференціи—поражаетъ странными пунктами, позорными русскому оружію и вовсе ненужными побѣдителю.

Нѣтъ сомнѣнія, что если бы городомъ и крѣпостью японцы овладѣли открытой силой, положеніе гарнизона было бы несравнимо выгоднѣе.

Не только не было бы того позора, который пришлось переживать людямъ, 11 мѣсяцевъ жившимъ на шагъ отъ смерти, не досыпая, не доѣдая, жертвовавшимъ свои жизни, какъ вѣрилось, родному и нужному дѣлу, но не было бы въ конецъ разорено населеніе, о которомъ никто не позаботился при подписаніи капитуляціи.

Эти положенія я и хочу доказать приведеніемъ подлинныхъ пунктовъ капитуляціи и справками къ нѣкоторымъ изъ нихъ въ извлеченіяхъ изъ международныхъ законовъ.

Вотъ текстъ капитуляціи, составленной въ двухъ экземплярахъ японцами и подписанной 9 января (нов. ст.) 1904 г. въ дер. Шуйшини ген. Рейсомъ, штабсъ-капитаномъ Постниковымъ и переведенный прапорщикомъ Малченко:

Капитуляція Портъ-Артура.

«Ст. 1-я. Русская армія, флотъ, охотники и должностныя лица въ крѣпости и въ водахъ Портъ-Артура становятся военно-плѣнными».

Японскія военныя власти лично передавали мнѣ въ Японіи свое удивленіе по поводу принятія этого пункта безъ возраженій Стесселемъ; онѣ говорили, что его бы легко измѣнили и согласились бы на то, чтобы выпустить измученные остатки портъ-артурскаго гарнизона прямо на сѣверъ... Эти слова офицеровъ японской арміи могутъ быть подтверждены какъ представителями французскаго консульства въ Кобе, такъ и многими русскими офицерами, бывшими въ плѣну.

«Ст. 2-я. Всѣ форты и батареи, броненосцы, корабли, лодки, оружіе, аммуниція, лошади, всѣ другіе предметы войны, равно какъ и деньги и другіе предметы, принадлежащіе русскому правительству, должны быть переданы японской арміи въ томъ видѣ, въ которомъ находятся въ данный моментъ.

Ст. 3. Если двѣ предыдущія статьи будутъ приняты, то въ видѣ гарантіи за точное исполненіе русская армія и флотъ должны вывести всѣ гарнизоны изъ всѣхъ фортовъ и батарей на Исудзанъ, Шоаншизанъ, Тайаншизанъ и со всей цѣпи холмовъ на юго-востокъ отъ выше поименованныхъ горъ и передать форты и батареи японской арміи 3-го января (н. стиля) до полудня.

«Ст. 4. Если будетъ замѣчено, что русская армія и флотъ разрушаютъ и какимъ бы то ни было способомъ измѣняютъ настоящее состояніе предметовъ, помѣченныхъ въ ст. 2-й, послѣ подписанія капитуляціи, японская армія прекратитъ всякіе переговоры и будетъ имѣть свободу дѣйствія».

Эти позорнѣйшіе пункты, по которымъ мы были обязаны отдать и форты, и суда, и оружіе, и запасы въ неиспорченномъ передъ сдачею видѣ—ясно что были бы избѣгнуты, если бы крѣпость была взята съ бою.

«Ст. 5. Русскія военныя и морскія власти должны выбрать и передать японской арміи планы

укрѣпленій Портъ-Артура и карту съ указаніями мѣстъ фугасовъ, подводныхъ минъ и другихъ опасныхъ предметовъ, таблицу организаціи арміи и флота, находящихся въ Портъ-Артурѣ, номенклатуру военныхъ и морскихъ офицеровъ, опредѣляющую ихъ чинъ и обязанности, тоже самое относительно военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, тоже самое о броненосцахъ, корабляхъ. и лодкахъ съ номенклатурой ихъ экипажа и таблицу, показывающую число, полъ, расу и профессіи мирныхъ жителей».

Добровольное принятіе на себя такихъ позорныхъ обязательствъ, каковыхъ бы не было, конечно, если бы крѣпость была взята, а не сдалась—ложится всей полностью на подписавшихъ. При малѣйшей заботѣ объ интересахъ Россіи можно было бы и въ договорѣ настоять на уничтоженіи этого пункта. Не говоря уже о томъ, что возможно было уничтожить все и сдать въ такомъ видѣ.

«Ст. 6. Все оружіе (включая и носимое частными лицами, аммуниція, предметы, принадлежащіе правительству, лошади, броненосцы, корабли, лодки совсѣмъ находящимся на нихъ (кромѣ частнаго имущества) должны быть содержаны въ порядкѣ на прежнихъ мѣстахъ. Способъ передачи ихъ долженъ быть рѣшенъ русско-японскимъ комитетомъ.

«Ст. 7. Въ воздаяніе почести храбрымъ защитникамъ Портъ-Артура, русскимъ военнымъ и морскимъ офицерамъ и чиновникамъ разрѣшается носить холодное оружіе и имѣть при себѣ предметы, необходимые для жизни, и рѣшено, что тѣ изъ офицеровъ, охотниковъ и чиновниковъ, которые дадутъ письменное обѣщаніе не браться вновь за оружіе и ни въ каковъ случаѣ не дѣйствовать противъ интересовъ Японіи во время настоящей войны, могутъ отправиться на свою родину. Каждый офицеръ имѣетъ право имѣть одного денщика, который, какъ исключеніе, освобождается отъ письменнаго обѣщанія».

Къ этимъ двумъ пунктамъ не лишнее будетъ, если я приведу выдержку изъ главы III ст. 10 положенія о военно-плѣнныхъ въ Японіи: «Офицеры всѣхъ чиновъ и уравненныя съ ними лица не лишаются шпаги или другого оружія ихъ. Что же касается ружей, то они могутъ быть оставлены при нихъ по предварительному извлеченію патроновъ». Такимъ образомъ, то, что по пункту капитуляціи совершалось «въ воздаяніе почести»—должно было быть по японскимъ же законамъ. Не лишнее напомнить, что холодное оружіе у офицеровъ было отобрано по пріѣздѣ въ Японію со скандалами, описанными мною въ свое время. Что касается до ружей, о нихъ въ капитуляціи вовсе и не упоминается.

«Ст. 8. Обезоруженные унтеръ-офицеры, солдаты и моряки русской арміи и флота, а также и охотники должны двинуться цѣлыми частями подъ командой непосредственныхъ офицеровъ къ мѣсту сбора, указанному японской арміей, въ присвоенной имъ формѣ, имѣя при себѣ походныя палатки и собственныя вещи первой необходимости. Детали этого будутъ указаны японскимъ комитетомъ.

«Ст. 9. Для ухода за больными и ранеными и обезпеченія плѣнныхъ санитарный персоналъ и интендантская часть русской арміи и флота въ Портъ-Артурѣ должна оставаться до тѣхъ поръ, пока японская армія считаетъ ихъ необходимыми, и оказывать услуги подъ управленіемъ японскихъ санитарныхъ и интендантскихъ чиновъ.

«Ст. 10. Размѣщеніе частныхъ жителей, передача административныхъ дѣлъ и финансовъ города вмѣстѣ съ документами относительно послѣднихъ и другія дѣла, связанныя съ исполненіемъ настоящей капитуляціи, должны быть разсматриваемы въ дополненіи, которое имѣетъ такую же обязательную силу, какъ и статьи капитуляціи.

«Ст. 11. Настоящая капитуляція должна быть

подписана уполномоченными обѣихъ сторонъ и вступить въ силу тотчасъ же послѣ подписанія».

Таковы основные пункты Ноги-Стесселевской капитуляціи, но она имѣла обязательныя очень существенныя дополненія, которыя излагаю въ слѣдующей главѣ.

Важно, что текстъ капитуляціи былъ составленъ японцами безъ участія русскихъ, какъ говорили сами японцы, въ увѣренности, что русскіе будутъ настаивать объ измѣненіи нѣкоторыхъ пунктовъ; съ такимъ расчетомъ и составлялся текстъ...

Подписана же капитуляція Рейсомъ была безъ возраженій, что даже подтверждено въ пунктѣ официальнаго обвиненія генерала Рейса въ обвинительномъ актѣ.

LVIII.

Капитуляція. Дополненіе Ноги-Стесселевскаго договора.

Привожу полностью пункты дополненій, еще яснѣе раскрывающихъ картину того униженія, которое должны были перенести по милости Стесселя истинные защитники сданной крѣпости.

«Разъясненіе 1-е. Для исполненія капитуляціи должны быть назначены японскими и русскими властями слѣдующіе комитеты:

I комитетъ относительно 6 ст. капитуляціи состоитъ изъ:

а) подкомиссіи для фортовъ, батарей, оружія, аммуниціи и проч. на сушѣ;

б) подкомиссіи для броненосцовъ, кораблей и лодокъ;

в) подкомиссіи для провіантскихъ складовъ;

г) подкомиссіи для удаленія опасныхъ предметовъ.

II комитетъ относительно 2 ст. капитуляціи.

III » » 9 » »

IV » » 10 » »

Разъясненіе 2. Комитеты, упомянутые въ разъясненіи первомъ, должны быть въ Шуйшинѣ ровно въ 9 ч. утра 3 января и приступить къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей.

«Разъясненіе 3. Армія и флотъ, находящійся въ крѣпости Портъ-Артуръ, долженъ былъ выступить по частямъ согласно установленному японской арміей плану такъ, чтобы голова колонны прибыла къ восточному концу Кокоси ровно въ 9 ч. утра пятаго января для полученія приказаній отъ комитета согласно 8 ст. капитуляціи. Только офицерамъ и чиновникамъ позволено имѣть холодное оружіе. Унтеръ-офицерамъ, солдатамъ и матросамъ не разрѣшается имѣть оружія. Всѣ лица ниже офицеровъ должны имѣть съ собою провизіи на одни сутки.

«Разъясненіе 4. Русскія должностныя лица, не принадлежащія къ арміи или флоту, должны образовать группы по спеціальностямъ и слѣдовать за войсками, упомянутыми въ разъясненіи 3-мъ. Тѣ должностныя лица, которыя не были внесены въ списки волонтеровъ, должны быть освобождены безъ всякаго обѣщанія».

По поводу этого пункта было много недоразумѣній. Многіе отказались его выполнить и имъ угрожали военнымъ судомъ, но послѣ замяли.

(Нелишнее добавить, что по японскимъ военнымъ законамъ каждый военноначальникъ могъ своей властью освобождать отъ плѣна взятыхъ имъ въ плѣнъ непріятелей подъ ихъ честное слово не сражаться).

«Разъясненіе 6. Лица, входящія въ составъ русрей, зданій, складовъ и другихъ предметовъ, нѣсколько офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и другихъ назначенныхъ лицъ должны остаться тамъ, гдѣ эти предметы находятся.

«Разъясненіе 6. Лица, входящія въ составъ русской арміи и флота, добровольцы и должностныя лица, которыя будутъ носить оружіе послѣ 9 часовъ

утра 5 января или не явятся на мѣсто сбора, подвергнутся достодолжному обращенію со стороны японской арміи, кромѣ больныхъ и раненыхъ. (Развѣ нельзя было уничтожить и этотъ грубый и печальный своими оскорбленіями пунктъ?).

«Разъясненіе 7. Необходимые предметы, составляющіе частную собственность офицеровъ, гражданскихъ чиновниковъ и должностныхъ лицъ, помѣченные въ 7 ст. капитуляціи, будутъ подвергнуты осмотру, если сочтутъ нужнымъ, и ихъ багажъ не долженъ превышать вѣса, дозволеннаго офицерамъ соотвѣтствующаго чина въ японской арміи.

«Разъясненіе 8. Военные и морскіе госпитали и госпитальныя суда въ Портъ-Артурѣ будутъ осмотрѣны японскимъ комитетомъ и будутъ использованы согласно правиламъ, выработаннымъ этой комиссіей.

«Разъясненіе 9. Мирные жители могутъ продолжать спокойно жить и тѣмъ изъ нихъ, которые пожелаютъ оставить Портъ-Артуръ, будетъ разрѣшено взять съ собой всю ихъ частную собственность.

«Семействамъ офицеровъ и чиновниковъ, которыя пожелаютъ уѣхать, японская армія представитъ всѣ удобства, какія въ ея силахъ.

«Разъясненіе 10. Если японская армія найдетъ нужнымъ нѣкоторыхъ изъ жителей Портъ-Артура выселить, то они обязаны сдѣлать это своевременно и путемъ, указаннымъ сей арміей».

(Эта статья совершенно уничтожаетъ предыдущую).

«Разъясненіе 11. Русскій комитетъ, помѣченный въ 10 ст. капитуляціи, долженъ сообщить условія администраціи и финансовъ и передать тому же комитету всѣ документы и общественныя суммы, относящіеся къ этимъ дѣламъ.

«Разъясненіе 12. Японскіе военноплѣнные, находящіеся теперь въ Портъ-Артурѣ, должны быть

переданы японскому комитету, упомянутому въ 9 ст. капитуляціи, въ 3 часа пополудни».

(Составлено въ двухъ экземплярахъ и подписали: Рейсъ, Малченко, Постниковъ, 9 янв. 1905 г. Шуйшины).

По поводу разъясненія 11-го необходимо привести слѣдующее извлеченіе изъ международныхъ законовъ, отд. Ш, ст. 53 «Положенія о законахъ и обычаяхъ сухопутныхъ войнъ», подписаннаго и Японіей (Мотоно): «Армія, занимающая область, можетъ завладѣть деньгами, фондами, долговыми требованіями, составляющими собственность государства»; и ст. 56: «Собственность обществъ, учрежденій, церкви, благотворительныхъ, образовательныхъ, художественныхъ и научныхъ учрежденій, хотя бы и принадлежащихъ государству—приравнивается къ частной собственности»,—которая по смыслу ст. 46-й конфискаціи не подлежитъ.

Потому небольшая справка въ международныхъ договорахъ могла бы измѣнить этотъ пунктъ, дорого обошедшійся Россіи, такъ какъ пришлось передать японцамъ довольно много общественныхъ суммъ.

Пока коснусь вопроса, какъ относился ко всему этому самъ виновникъ этихъ дней — генералъ Стессель.

LVIX.

Капитуляція. Вступленіе японцевъ въ городъ. Стессель въ гостяхъ у Ноги. Послѣдній приказъ Стесселя.

Японцы, отлично знавшіе городъ и мѣстонахожденіе общественныхъ и казенныхъ учрежденій, ночью съ 22 на 23 декабря прислали патрули конные и пѣшіе, каковые наряды, занявъ около 3 часовъ ночи присутственныя мѣста и гражданскія

учрежденія, положительно запретили уничтожать или выносить что бы то ни было.

Японскіе офицеры съ помощью переводчиковъ провѣрили имущество по описямъ и закрѣпили въ протоколахъ наличность денегъ по книгамъ и безъ книгъ.

Никакихъ расписокъ въ полученіи не выдавалось.

Такъ японцы завладѣли всѣми дѣлами города и военныхъ частей, архивами, не исключая и секретнаго архива гражданскаго управленія Квантунской области. Тамъ была забрана вся секретная переписка за періодъ нашей «аренды» Квантуна, отчеты, гласные и тайные, матеріалъ дѣйствій русской администраціи, мобиллизаціонные планы, дипломатическіе и фактическіе документы по вопросу о политическомъ вліяніи Японіи и Китая и наши противодѣйствія, дорогія карты, планы, секретныя диспозиціи, сношенія съ секретными агентами, и проч.

Это очень важное добавленіе къ обвиненію ген. Стесселя, тѣмъ болѣе, что комиссаръ по гражданской части еще въ сентябрѣ и октябрѣ извѣстилъ официально Стесселя объ этомъ архивѣ.

Какъ я уже писалъ, кое-что изъ прочихъ бумагъ и документовъ успѣли сжечь; это было сдѣлано уже 24 декабря при наличіи непріятеля.

На слѣдующій день японцы вошли въ городъ съ музыкой...

Мало-по-малу японцы утвердились въ городѣ, завели свои порядки. Стессель вздохнулъ свободно, чувствуя, что теперь уже безопасно вполнѣ. Грабежи и броженія солдатъ были прекращены (многіе солдаты казнены японцами, о чемъ я уже упоминалъ).

Оригинальная странная жизнь русскихъ въ городѣ, сданномъ японцамъ-врагамъ, жизнь, о которой я еще скажу ниже, стала входить въ норму...

Почуя безопасность, Стессель отправился къ Ноги съ визитомъ; на своей бѣлой съ яблоками лоша-

ди, дѣйствительно очень красивой и сытой, не въ примѣръ прочимъ артурскимъ лошадямъ, онъ прогарцовалъ по улицамъ сданнаго города, охраняемый отъ русскихъ (!) японскими полицейскими...

Ноги устроилъ ему завтракъ, гдѣ пили шампанское, послѣ снялись вмѣстѣ... тамъ было не мало характерныхъ забавныхъ теперь, а тогда можетъ быть грустныхъ инцидентовъ.

— У васъ два сына убито нашими подъ Артуромъ, —говоритъ Стессель Ноги,—соболѣзную, очень соболѣзную.

Ноги выпрямляется во весь ростъ и гордо произноситъ:

— Лучшей смерти я не желалъ для своихъ сыновей, я горжусь ихъ гибелью... Ну, а вы, генералъ... вы имѣете ли сыновей?..

— Да, у меня есть тоже...

— Они, конечно, съ вами были въ крѣпости при васъ... не погибли-ли они?..

— Нѣтъ, они у меня въ Петербургѣ...

Послѣ Стессель, послѣ шампанскаго, сталъ гарцовать на своей лошади передъ японцами, показывая свою лошадь Ноги и его штабу, разсказывая о ея качествахъ...

— Славный берейторъ! — смѣясь говорили японцы.

— Хотите я подарю вамъ эту лошадь... Возьмите ее на память о генералѣ Стесселѣ...—сказалъ Стессель Ноги.

Ноги серьезнымъ тономъ возразилъ:

— Простите, генералъ, я не могу принять отъ васъ этой лошади; она принадлежитъ теперь японскому правительству, и мы не можемъ ею располагать. Японскіе генералы не пользуются имуществомъ своего правительства и не присваиваютъ его...

LX.

Капитуляція. Приказъ Стесселя объ «исполненіи условій капитуляціи».

Подъ давленіемъ этихъ неожиданныхъ событій новая странная жизнь началась въ городѣ. У населенія родилось множество всевозможныхъ запросовъ и требованій къ администраціи города, тогда какъ сама администрація совершенно не была подготовлена къ такому повороту дѣла.

Всѣ жили въ полной увѣренности, что крѣпость сдана не будетъ и неожиданная сдача, застигнувшая всѣхъ врасплохъ—была причиной потери многими всего движимаго и недвижимаго имущества.

Городскому совѣту удалось отстоять отъ признанія своихъ членовъ военноплѣнными, потомъ далѣе явилась возможность настоять на исполненіи цѣлаго ряда требованій. Состоявшее подъ вѣдомствомъ городского совѣта городское управленіе передало свои дѣла по вѣдомости и реестрамъ, а денежные документы подъ расписку предсѣдателя японскаго комитета генерала Такеучи.

Очень незначительное количество документовъ было разрѣшено къ вывозу; только на основаніи этихъ вывезенныхъ документовъ и явилось возможнымъ послѣ выступить на защиту правъ по недвижимой собственности населенія города.

При первыхъ же шагахъ къ исполненію пунктовъ капитуляціи одни за другими стали обнаруживаться ея недостатки, промахи, непростительные для подписавшихъ упущенія и пробѣлы, поставившіе въ тяжкое положеніе и населеніе, и гарнизонъ сдаваемой крѣпости.

Но прежде чѣмъ еще останавливаться на этихъ недостаткахъ, я приведу для характеристики поведенія и самочувствія Стесселя его послѣдній «При-

казъ-диспозиція» № 985, предписавшій войскамъ покорную сдачу въ полномъ порядкѣ и по опредѣленному слѣдующими пунктами плану.

Диспозицій сраженій не бывало; зато диспозиція сдачи была составлена, надо сознаться, довольно толково, вѣроятно, при участіи, если не подъ диктовку японцевъ-побѣдителей.

Вотъ этотъ, не лишенный исторической цѣнности, приказъ-диспозиція, помѣченный тоже заднимъ числомъ 20 декабря.

Этимъ приказомъ предусматриваются всѣ нужды и требованія японцевъ, но ни одной нужды русскаго населенія города, а между тѣмъ положеніе его было вопіюще бѣдственно и беззащитно передъ японцами:

«Такъ какъ условія капитуляціи заключены, то для передачи фортовъ японцамъ предписываю исполнить слѣдующее:

1) Завтра къ 9 часамъ утра должны быть выведены гарнизоны всѣхъ фортовъ, батарей и укрѣпленій между Лунхе и укрѣпленіемъ № 5, то есть пѣхота, артилллерія скорострѣльная въ запряжкѣ, прислуга крѣпостныхъ и прочихъ орудій.

2) Остается для передачи комендантъ форта съ двумя нижними чинами.

3) По очищеніи указанныхъ фортовъ, морскія команды выдѣлить отъ сухопутныхъ и тотчасъ передать въ вѣдѣніе ихъ морского начальства по принадлежности.

4) Начальники участковъ и фортовъ обязываются наблюсти за полнѣйшимъ порядкомъ всего изложеннаго.

5) Казачья сотня и затѣмъ охотничьи конныя команды подъ общимъ начальствомъ генеральнаго штаба капитана Романовскаго тотчасъ же занимаютъ позади въ Новомъ и Старомъ городахъ заставы для наблюденій за исполненіемъ всѣхъ установленій, за полнымъ порядкомъ и благочиніемъ въ городѣ и въ

недопущеніи безобразій, памятуя, что всякій безобразный поступокъ какого-либо негодяя можетъ вызвать рѣзню на улицахъ и истребленіе больныхъ и раненыхъ (Я думаю, читателю ясна теперь эта тенденціозная и некрасивая ложь, за которую испуганный Стессель пряталъ свою трусость за себя и за свое имущество)

6) Приведеніе всего этого въ исполненіе возлагаю на коменданта крѣпости; въ помощь ему назначается начальникъ 7 В.-С. с. дивизіи генералъ-маіоръ Надѣинъ.

7) Прошу гг. адмираловъ и командировъ экипажа усилить вовсю наблюденіе за морскими командами, назначая для сего офицеровъ съ патрулями; необходимо не допускать производство безпорядковъ.

8) Коменданту города и полицеймейстеру имѣть за порядкомъ самый строжайшій надзоръ.

9) Гарнизонъ очищенныхъ фортовъ отвести въ казармы и никуда не расходиться.

Начальникъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона генералъ-адъютантъ Стессель».

Такъ, послѣ позорной сдачи непосредственный ея виновникъ, благородно возмущаясь безпорядками, кои предвидѣлъ, грозно заговорилъ о порядкахъ.

Но пусть по этому приказу желающіе оправдать виновника сдачи не говорятъ, что имъ этимъ приказомъ выражена была забота о гарнизонѣ, капитулировавшей крѣпости...

Нежеланіе позаботиться хоть немного о гарнизонѣ, полное игнорированіе сданнаго врагу гарнизона—сказывалось во всемъ, а этотъ приказъ болѣе написанъ былъ въ интересахъ японцевъ. Напримѣръ, солдатскія жены и дѣти были брошены на произволъ судьбы и, когда они стали ходатайствовать объ удовлетвореніи своихъ насущныхъ многочисленныхъ нуждъ, въ штабѣ укрѣпленнаго раіона ихъ не принимали, отсылая въ городское управленіе.

Когда же городской совѣтъ, желая помочь имъ по мѣрѣ возможности, послалъ черезъ своего предсѣдателя Стесселю официальный запросъ о количествѣ семей солдатскихъ въ крѣпости, бумага была получена предсѣдателемъ обратно съ лаконической, прямо исторической надписью:

«А ему какое дѣло?»

LXI.

Капитуляція. Безпомощное положеніе населенія послѣ сдачи крѣпости.

Уже изъ сказаннаго мною выясняется то положеніе, въ которомъ очутились жители города, поступившаго въ собственность непріятеля по волѣ главнаго начальника, но я считаю необходимымъ болѣе подробно сказать объ этомъ, тѣмъ болѣе, что это также одно изъ важныхъ дополненій къ обвинительному акту надъ Стесселемъ.

Условія сдачи и способы выполненія этихъ условій были таковы, что не только внесли полную дезорганизацію въ общественную жизнь, равно какъ и въ жизнь частныхъ лицъ, но и въ конецъ разорили населеніе.

Лишь только японскія войска вошли въ городъ, жизнь общественныхъ учрежденій, функціонировавшихъ всю осаду—должна была volens-nolens прерваться, тогда какъ самый переворотъ рождалъ безчисленные запросы.

Въ условіяхъ капитуляціи не было ни слова:

1) о личныхъ и имущественныхъ правахъ гражданъ;

2) о свободномъ вывозѣ движимаго имущества;

3) о правахъ почтово-телеграфныхъ сношеній;

4) о способахъ пользованія недвижимымъ имуществомъ;

5) о ликвидаціи недвижимаго имущества;

6) о ликвидаціи дѣлъ торговыхъ и промышленныхъ—и т. д., и т. д., и т. д.

Тщетно населеніе въ боязни лишиться всего своего достоянія искало защиты у представителей русской администраціи. Представители администраціи, несмотря на прямой смыслъ международныхъ законовъ, вопреки протестамъ предсѣдателя «русскаго комитета»—считались японцами военноплѣнными и трактовались какъ таковые.

Поставленные въ полную зависимость отъ ближайшихъ японскихъ нчальниковъ, представители русской гражданской власти были безсильны продуктивно притти на помощь населенію. (На основаніи статьи 5 капитул.).

Такимъ образомъ лица русской администраціи являлись лишь частными ходатаями и посредниками, а не офиціальными защитниками нуждъ забытаго населенія.

Солдатскія и матросскія жены не были обезпечены документами о личности, такъ какъ военныя управленія и канцеляріи, не извѣщенныя о времени сдачи, не приготовили соотвѣтствующихъ необходимыхъ документовъ. Семьи настоящихъ защитниковъ такимъ образомъ остались безъ продовольствія и квартиръ, и когда гарнизонъ выступилъ въ плѣнъ семьи солдатъ остались безъ всякой защиты.

Эта часть населенія, казалось бы, особенно имѣвшая право и на исключительное вниманіе и на заботы, очутилась въ положеніи болѣе тяжкомъ, чѣмъ даже остальная часть населенія.

Хотя японцы и обѣщали удовлетворить нужды населенія, но, какъ видно изъ текста капитуляціи —«по возможности», что не обезпечивало солдатскимъ семьямъ не только сохраненіе казенныхъ квартиръ въ казармахъ и выдачу провіанта изъ интендантства, но и самую жизнь дѣтей и женъ тѣхъ, кто отдалъ свою жизнь защитѣ этой крѣпости, безъ

ихъ участія и противъ ихъ воли сданной врагу безъ всякихъ ультимативныхъ требованій.

Надо отдать справедливость гражданскому управленію, что оно сдѣлало все, что могло, для улучшенія положенія солдатскихъ семей: исходатайствовало отпускъ конфискованныхъ японцами городскихъ продовольственныхъ припасовъ (каковыхъ, какъ я уже упоминалъ, было конфисковано болѣе чѣмъ на 30,000 руб.), былъ составленъ списокъ желавшихъ выѣхать и было выдано болѣе 500 удостовѣреній русскимъ подданнымъ, заявившимъ объ утратѣ своихъ личныхъ документовъ.

Почти всѣ жители Портъ-Артура, имѣвшіе недвижимость въ городѣ, принуждены были ее покинуть, такъ какъ не было никакихъ указаній на то, что она можетъ быть, даже должна быть сохранена по точному смыслу ст. 46 отд. III международныхъ законовъ («частное имущество конфискаціи не подлежитъ»).

Русскій комитетъ передалъ японцамъ дѣла, кромѣ управленій гражданскаго, Квантунской области и городского, еще дѣла и имущества портъ-артурскаго окружнаго суда, мировыхъ судей, судебнаго пристава, почты, Русско-Китайскаго банка, Китайско-Восточной ж. д., морского пароходства, всѣхъ учебныхъ заведеній и общественныхъ учрежденій.

Несмотря на всѣ просьбы дать расписки, въ ихъ выдачѣ категорически отказывали, исключая упомянутаго выше случая.

Журналъ засѣданія русскаго комитета японцы подписывать отказались.

Такой порядокъ прекращенія и передачи русскимъ управленіемъ дѣлъ и бумагъ японцамъ конечно былъ совершаемъ помимо международныхъ установленій, имѣющихъ законную силу, и потому создалъ множество запутанныхъ и сложныхъ имущественныхъ и правовыхъ процессовъ.

Впослѣдствіи пришлось урегулировать возникавшія недоразумѣнія путемъ дипломатическихъ сношеній.

Между прочимъ нельзя умолчать, что многія недоразумѣнія отнюдь еще не прекратились и, оставшись невыясненными до сихъ поръ, могутъ быть совершенно исчерпаны только по истеченіи срока давности, установленнаго закономъ.

Такъ какъ большинство офиціальныхъ данныхъ находится въ рукахъ японцевъ, то не мѣшало бы истребовать ихъ, чтобы упорядочить безчисленныя ненормальности, возникшія отъ отсутствія выясняющихъ документовъ.

LXII.

Преступленія начальниковъ.

Среди многочисленныхъ фактовъ, приводимыхъ мною, какъ иллюстраціи безсмертной по своей преступности дѣятельности высшихъ начальниковъ въ тяжкіе дни осады, попадали такіе, которые возбуждали въ печати сомнѣніе, благодаря дѣйствительно почти невѣроятнымъ условіямъ, при какихъ они происходили.

Потому, въ сущности уже заканчивая мое повѣствованіе о дѣятельности начальниковъ, я принужденъ вернуться немного къ уже изложеннымъ фактамъ, чтобы въ цѣляхъ подтвержденія ихъ, освѣтить и дополнить.

Всякое привлеченіе меня къ суду «за клевету въ печати» для меня,—предваряю—только желательно, потому что новые многочисленные свидѣтели конечно еще болѣе выяснятъ эту общую картину начальническихъ злоупотребленій, которую я рисую.

LXIII.

Еще о казняхъ китайцевъ въ осажденномъ Артурѣ.

Описанное мною возмутительное по своей жестокости обращеніе съ китайцами отряда «партизанъ» подъ предводительствомъ полицеймейстера Тауца въ окрестностяхъ Артура, лично мною засвидѣтельствованные случаи издѣвательства, истязаній и даже убійствъ, равно какъ и наивныя оправданія, что китайцы—«хунхузы», возбудили достаточно толковъ въ печати.

Для того, чтобы поставить этотъ вопросъ на болѣе офиціальную почву, достаточную даже для судебнаго разбирательства ничѣмъ неоправдываемыхъ жестокихъ преступленій (по военнымъ уставамъ, наказуется «смертной казнью» преднамѣренное убійство на войнѣ подданныхъ нейтральной державы, не вызванное необходимостью, безъ разбора, слѣдствія и суда)—дѣлаю слѣдующія дополненія.

Мнѣ извѣстна интересная переписка гражданскаго управленія съ полицеймейстеромъ (переписка, могущая въ случаѣ надобности фигурировать на судѣ) по вопросу о казняхъ китайцевъ.

По городу давно ходили глухіе слухи и толки, что съ китайцами въ крѣпости не церемонятся и «приканчиваютъ» съ поводами и безъ поводовъ.

Часто видалъ я самъ, возвращаясь съ позицій, китайцевъ, связанныхъ варварски косами, ведомыхъ на поводу, какъ коровы, или бараны, полицейскими, которые ихъ часто грубо толкали, издѣвались, иногда отвѣшивали удары. Я спрашивалъ:

— Зачѣмъ ведете, куда?

— Къ начальству... Сигнализировали, шпіоны значитъ...

— Почему же мѣшки на головахъ?

— Чтобы фортовъ не видѣли, потому шпіоны. Это было наивно до смѣшного. Тысячи китайцевъ жили и въ городѣ и за городомъ, видѣли все, даже сами служили поденно, исполняя земляныя работы, строя разныя сооруженія на фортахъ и проч., что я лично нерѣдко видѣлъ самъ и чему всегда удивлялся; потому что это прятаніе китайскихъ головъ въ мѣшки были смѣшной и ненужной нелѣпостью... Исполнителямъ это растолковывать конечно было безполезно. Когда же приходилось разспрашивать офицеровъ, только махали мнѣ рукой вмѣсто отвѣтовъ. Упрашиваешь сказать.

— Да, знаете, вѣдь съ китайцами не церемонятся... приказали не церемониться... Мѣшокъ это такъ, для очистки совѣсти... вѣдь Богъ его знаетъ шпіонъ или нѣтъ; улики рѣдко есть...

Но вернусь къ разговору съ ведущими китайцевъ полицейскими; такихъ или подобныхъ разговоровъ помню множество.

— Зачѣмъ же вы бьете ихъ... и больно связали косами... вѣдь они идутъ и каждый шагъ не въ ногу имъ причиняетъ большую боль, дергая съ силой за косу... И вы ихъ еще подгоняете. Какъ не стыдно.

— Намъ не стыдно, потому съ этими и начальство приказываетъ быть строго... имъ все равно «кантами» будетъ... шпіоны...

(«Кантами»—китайское выраженіе, означающее: смертная казнь обезглавленіемъ).

— Что же, ихъ судить будутъ?..

— Будутъ... да ихъ не долго судить... шпіоновъ... много очень ихъ каждый день ловили...

Дѣйствительно такія сцены я видалъ частенько, но всѣ мои старанія разслѣдовать эти расправы бывали тщетно: устраивали чисто.

Разспросы офицеровъ не давали должныхъ результатовъ; были разсказы отдѣльные, ужасные по своему содержанію, не помню уже и авторовъ ихъ,

но непреложныхъ документальныхъ данныхъ никакихъ. Какъ оказалось, по имѣющейся перепискѣ, о которой я заговорилъ, существуетъ интересная отповѣдь полицеймейстера Тауца на официальные запросы объ убійствахъ.

Не вѣря слухамъ, гражданскій комиссаръ послалъ официальную бумагу съ запросомъ, дѣйствительно ли совершаются казни китайцевъ?

Было официально установлено, что дѣйствительно казни китайцевъ совершаются часто.

Тогда былъ предъявленъ запросъ объ объясненіи причинъ совершеній казни китайцевъ. Тауцъ отвѣтилъ официальной же бумагой, что убивались шпіоны, пойманные съ поличнымъ: сигнализировавшіе съ горъ или съ берега японцамъ. Убивали ихъ до суда надъ ними за... попытку къ побѣгу (!), когда китайцевъ вели арестованныхъ въ городъ на допросъ къ начальству. Могу добавить, что бѣгство было совершенно невозможно, такъ какъ люди были связаны: плотно руки сзади и косы, что не давало даже возможности повернуть головы, вдобавокъ завязаной въ мѣшокъ...

Характерно, что китайцы звали полицеймейстера прямо по имени: «Тауца», всегда мнѣ объясняя, что такое имя къ нему очень подходитъ, потому что слово «тауца» по-китайски означаетъ «ножъ»... Еще до войны онъ былъ грозою китайцевъ въ Таліенванѣ, гдѣ не мало слѣдовъ осталось отъ его расправъ. Въ Артурѣ часто объясняли «строгости» Тауца съ китайцами тѣмъ, что будто бы китайцы въ цѣляхъ мести украли, взявъ въ плѣнъ, его жену, отправившуюся въ маѣ въ Чифу на джонкѣ изъ осажденнаго Артура... Но это не подтвердилось, потому что, какъ оказалось, жена Тауца благополучно добралась до Чифу и отправилась далѣе.

Конечно дѣятельность Тауца ложится на совѣсть Стесселя, несмотря на протесты коменданта дозво-

лившаго и помогшаго ему орудовать на позиціяхъ съ отрядомъ своихъ головорѣзовъ.

LXIV.

По поводу покушенія на жизнь предсѣдателя городского управленія Вершинина.

(Дополненіе къ главѣ XLV).

Въ виду особыхъ толковъ, возбудившихся въ печати относительно инцидента съ Вершининымъ, по поводу котораго газеты даже сравнивали мои повѣствованія съ романомъ Понсонъ дю-Терайля, считаю необходимымъ сдѣлать дополненія: 1) къ обстановкѣ свершившагося факта, 2) къ обстоятельствамъ, послужившимъ причиной этого случая, 3) къ извѣстнымъ событіямъ, предшествовавшимъ этому.

Такимъ образомъ передъ читателемъ совершенно рельефно встаетъ это по истинѣ изумительное событіе, по поводу котораго, къ слову сказать, уже вновь возбуждено дѣло въ судѣ.

Довольно странно, что дѣло возобновили болѣе чѣмъ черезъ два года... Но вѣдь и самъ Стессель вотъ уже два года почіетъ мирно на лаврахъ...— лучше поздно, чѣмъ никогда.

Итакъ, возвращаюсь къ обстановкѣ, при которой совершено было это покушеніе.

Вершининъ жилъ въ небольшомъ каменномъ домикѣ-фанзѣ, какъ человѣкъ холостой, одинъ, но въ ту ночь у него ночевали случайно: флагманскій врачъ Бунге и морской медицинскій инспекторъ, докторъ Ястребовъ, и, какъ я уже упоминалъ въ XLV главѣ, служащій въ Красномъ Крестѣ Влад. Вас. Александровскій. Бунге и Ястребовъ помѣщались въ сторонѣ. Александровскій спалъ въ средней большой комнатѣ, за ширмой. Черезъ эту комнату необходи-

мо было пройти, чтобы попасть въ спальню Вершинина.

Дѣло было глубокой ночью, весь домъ спалъ.

Часа въ два ночи сильный звонокъ разбудилъ спавшаго Вершинина. Въ послѣднее время часто являлись по ночамъ къ Вершинину по различнымъ дѣламъ посѣтители; потому вовсе неудивленный, Вершининъ зажегъ свѣчку, готовясь въ постели принять.

— Предсѣдателя городского управленія по экстренному дѣлу желаютъ видѣть...—докладываетъ денщикъ черезъ дверь.

— Кто такіе?

— Господа офицеры.

— Проси!..

— Кто пришелъ?

— Ивановъ—раздался отвѣтъ.

Вершининъ привсталъ съ постели, отперъ дверь и уже слыша шаги поспѣшилъ въ постель, куда, вновь легъ, закрывшись одѣяломъ.

— Извините, что я приму васъ въ кровати, господа,—началъ было Вершининъ.

— Я... (тутъ лейтенантъ Ивановъ, это былъ онъ, непечатно выругался) пришелъ свести счеты съ тобой.

— Въ такое время?—ничего не понимая возразилъ Вершининъ, чуя что-то недоброе.

У Вершинина не было съ Ивановымъ буквально никакихъ сношеній и дѣлъ, кромѣ служебныхъ, офиціальныхъ, поэтому этотъ визитъ ему показался особенно страннымъ.

— А когда же приходить?.. (и вновь неповторимая брань).

Тогда Вершининъ нажалъ кнопку электрическаго звонка и сталъ было звонить, но Ивановъ быстро перервалъ проводъ.

Въ эту минуту въ дверяхъ раздался стукъ и уже

Вершининъ, успокоенный, что это денщикъ, крикнулъ:

— Войдите!

— А кто тамъ?—спросилъ Ивановъ, огромной фигурой надвигаясь на дверь.

— Это я!—тихо послышалось оттуда.

— А!.. такъ, такъ, входите...—сказалъ Ивановъ; быстро отворивъ дверь, онъ впустилъ въ комнату какую-то бѣлую фигуру и вновь затворилъ дверь, заперевъ на ключъ.

Послѣ оказалось, что нападавшіе пріѣхали въ колескѣ втроемъ—лейт. Ивановъ, Веселкинъ (чиновникъ по адмиралтейству) и третье лицо—племянникъ завѣдующаго землечерпальнымъ караваномъ Престина.

Въ команту Вершинина такимъ образомъ вошли лейтенантъ Ивановъ и Веселкинъ, а третій оставленъ былъ въ дверяхъ передъ средней комнатой у коридора передней, какъ бы за караульнаго.

Веселкинъ быстрымъ движеніемъ садится въ ноги къ лежавшему на постели Вершинину, чѣмъ мѣшаетъ ему встать. Ивановъ набрасывается на Вершинина, схватываетъ съ тумбы массивный мѣдный черепъ и съ размаху наноситъ ударъ. Вершининъ успѣваетъ откинуться въ сторону и ударъ попадаетъ на столикъ, который падаетъ вмѣстѣ со стоящимъ на немъ подсвѣчникомъ. Свѣча падая потухаетъ и комната остается погруженной во мракъ, въ которомъ и продолжается дальнѣйшая неравная борьба.

Огромный, коренастый и очень сильный Ивановъ схватываетъ руками Вершинина за горло и пробуетъ съ помощью Веселкина вновь повалить на кровать Вершинина, успѣвшаго все-таки вскочить и закричать довольно громко.

—Владиміръ Васильевичъ!—такъ звали Александровскаго, который тоже проснувшись отъ страннаго шума, прислушивался недоумѣвая. Услышавъ воз-

ню и первый зовъ, онъ вскочилъ и бросился звать денщиковъ.

Черезъ нѣсколько мгновеній новый сильный стукъ въ дверяхъ комнаты Вершинина, во время возни и борьбы въ глубокой тьмѣ, заставляетъ Иванова вновь подскочить къ двери. Въ дверь сильно стучали денщики и прибѣжавшій съ ними докторъ Ястребовъ. Ивановъ, предполагая, вѣроятно, что это оставленный въ коридорѣ третій, быстро отворилъ дверь, но спутникъ этотъ, оказалось, скрылся, какъ только послышались шаги; лучъ свѣта ворвался въ комнату. Вошедшіе набросились на нападавшихъ.

Завязалась новая борьба. Докторъ Ястребовъ, маленькій и слабаго тѣлосложенія, говорятъ, даже серьезно пострадалъ въ этой борьбѣ. Съ помощью деньщиковъ Веселкинъ и Ивановъ были удалены силой, а третій убѣжалъ самъ.

Не теряя времени Вершининъ доложилъ офиціально объ этомъ:

1)начальнику укрѣпленнаго раіона генералу Стесселю,

2) командиру порта адм. Григоровичу,

3) командиру эскадры адм. Витгефту,

4) коменданту крѣпости генералу Смирнову.

Была назначена слѣдственная комиссія, которая выяснила, что никакихъ частныхъ отношеній между лейт. Ивановымъ и подп. Вершининымъ не было, кромѣ официальныхъ.

Объ этомъ же фактѣ было доведено послѣ также и до свѣдѣнія намѣстника въ связи съ увѣдомленіемъ о непорядкахъ и финансовыхъ недочетахъ въ торговой гавани; на это увѣдомленіе и послѣдовала довольно таки яркая резолюція намѣстника «судить безъ снисхожденія!..»

Интересно, что, по заключенію военнаго прокурора, Веселкинъ и Ивановъ подлежали аресту, но почему то арестованъ былъ только Веселкинъ одинъ,

просидѣвшій подъ стражей почти всю осаду; Ивановъ же не былъ арестованъ благодаря хлопотамъ адмирала Григоровича, командира надъ портомъ... Между прочимъ, что тоже очень характерно, послѣдній объяснялъ свое покровительство Иванову тѣмъ, что во всемъ флотѣ не сумѣлъ бы найти по качествамъ такого офицера, которымъ можно было бы замѣнить офицера Иванова.

Это прямо замѣчательно!

Если въ оцѣнкѣ качествъ офицеровъ стать на точку зрѣнія адм. Григоровича и лучшіе по мнѣнію его офицеры вели себя и поступали какъ лейтенантъ Ивановъ, то какъ же должны были вести себя другіе, худшіе?..

Тѣмъ не менѣе съ другими подобныхъ происшествій не бывало.

Теперь, повторяю, это дѣло вновь возбуждается, и, какъ я слышалъ, въ непродолжительномъ времени будетъ назначено слушаніемъ въ морскомъ судѣ.

...Согласенъ, что это смахиваетъ на Понсонъ дю-Терайля.

Посмотримъ, что выяснитъ судъ.

LXV.

Покушеніе на жизнь Вершинина. Обстоятельства, послужившія причиной. Къ дѣламъ торговой гавани.

Для выясненія отчасти и до сихъ поръ еще темнаго инцидента съ описаннымъ покушеніемъ, возвращусь къ дѣламъ торговой гавани.

Опишу нѣкоторыя детали дѣятельности торговой гавани, которая въ сущности должна была быть упразднена въ дни осады.

Эту жизнь настолько тщательно держали во

тьмѣ, что при одномъ предположеніи о намѣреніи городского управленія пролить свѣтъ на эту жизнь —хотѣли лишить жизни предсѣдателя управленія.

Въ разговорахъ съ нѣкоторыми морскими офицерами, прочитавшими написанное мною о покушеніи, я слышалъ въ защиту напавшихъ на Вершинина лейтенанта Иванова и Веселкина, что ихъ желаніе было только избить Вершинина, а не убить... Можетъ быть и таково было желаніе гг. Иванова и Веселкина, но обстоятельства дѣла отнюдь не даютъ мнѣ такого впечатлѣнія.

По моему, актъ битья, ежели кѣмъ-либо изъ необузданныхъ натуръ и совершается, то логически, какъ актъ, исходящій изъ желанія нанести оскорбленіе дѣйствіемъ, совершенъ былъ бы на людяхъ, а не въ темную ночь за запертой дверью.

Когда хотятъ только бить, тогда не душатъ, тогда не приводятъ съ собою «сторожа» и помощника... Въ общемъ я продолжаю видѣть весь этотъ инцидентъ въ описанномъ мною свѣтѣ...

Судъ разберется въ желаніяхъ гг Иванова и Веселкина.

Обращаюсь къ фактамъ изъ жизни торговой гавани.

До начала войны городскимъ управленіемъ было заготовлено множество угля. Къ концу ноября (еще до войны) оставалось около 2,000 тоннъ (12,000 пуд.).

Этотъ уголь находился на набережной въ раіонѣ площади торговой гавани. Во время войны, когда сталъ ощущаться недостатокъ угля—обнаружился частный спросъ на уголь.

Вдругъ на складахъ угля появилась вывѣска «Складъ угля торговой гавани», при этомъ до городского управленія дошли вѣсти, что уголь продается по 15 рублей тонна и въ частныя руки.

Былъ сдѣланъ офиціальный запросъ съ указані-

емъ необходимости разъяснить очевидное недоразумѣніе по поводу вывѣски, которую было предложено снять.

Вывѣска была снята. Самый актъ снятія вывѣски былъ совершенъ полицейскими (находящимися на жалованіи городского управленія). Тѣмъ не менѣе инцидентъ исчерпанъ не былъ; черезъ два-три дня у склада угля вдругъ оказываются часовые матросы съ ружьями. Опять запросъ; затѣялась переписка. Наконецъ, выяснилось, что командиръ порта адмиралъ Григоровичъ объявилъ уголь конфискованнымъ...

Былъ полученъ отвѣтъ:

— По приказанію адмирала Григоровича портъ конфисковалъ уголь.

Тогда городское управленіе стало серьезно разслѣдовать исторію съ углемъ и наткнулось на любопытныя вещи.

Въ порту оказалась личность (не лишенная между прочимъ историческаго и бытового интереса), нѣкто «матросъ въ отставкѣ» Пѣнкинъ, имѣвшій въ порту свои кучи угля.

Этотъ Пѣнкинъ по вольному найму исполнялъ обязанности помощника лейтенанта Иванова, какъ извѣстно, бывшаго начальникомъ торговой гавани... Пѣнкинъ богатый человѣкъ, имѣетъ огромныя деньги въ Китайскомъ банкѣ, ворочаетъ многими большими портовыми дѣлами.

Какъ хотите, вещь интересная! Обстановка и условія интересныя. По справкамъ еще обнаружилось и слѣдующее.

Приходили пароходы съ углемъ; пароходы останавливались внѣ гавани и на берегъ уголь грузили барками.

Между прочимъ замѣчалась систематически слѣдующая странность: одна баржа всегда отрывалась

отъ другихъ и приставала «вѣтромъ» не тамъ, гдѣ другія, а отдѣльно.

И «вѣтеръ» прибивалъ баржу обыкновенно всегда къ мѣсту порта, гдѣ торговая гавань... Далѣе, невѣдомо почему, уголь сначала долго стоялъ, а послѣ поступалъ въ распоряженіе Пѣнкина... Далѣе, о чемъ говорилось повсюду, землечерпательный караванъ покупалъ уголь у Пѣнкина въ количествѣ болѣе чѣмъ на 100,000 руб. въ годъ.

...Въ общемъ землечерпательный караванъ расходовалъ въ годъ на сотни тысячъ угля... Выясняется не лишенная остроумія финансовая комбинація, очевидно создавшаяся не безъ участія того начальства, которое конечно не могло же не знать такой крупной по своей значительности области изъ жизни порта вообще и гавани въ частности.

И выяснились еще странныя вещи.

Куда дѣвались самыя исчезавшія шаланды изъ подъ угля?

Онѣ продавались Пѣнкинымъ порту.

И еще Пѣнкинъ продавалъ порту откуда то таинственно появившіяся у него шаланды какъ разъ тогда, когда ихъ надо было пріобрѣтать порту.

Въ подтвержденіе, что они покупались у Пѣнкина, передававшіе мнѣ разсказывали о талонахъ, имѣвшихся въ Китайскомъ банкѣ на имя Пѣнкина.

Видно изъ донесеній и приказовъ, что въ гавани во время войны хунхузы заходили на шаландахъ (!?); ихъ ловили, когда бросали въ море, когда пускали спасаться, а шаланды изъ подъ «хунхузовъ»—исчезали...

Не трудно объяснить теперь появленіе шаландъ у Пѣнкина.

Остается лишь темнымъ, да что же это за «хунхузы», какая безумная имъ нужна дерзость, чтобы притти въ гавань осажденной крѣпости, мимо фортовъ, лихорадочно наблюдающихъ черезъ заминиро-

рованный фарватеръ входа, съ настолько запутанной минировкой, что едва и наши то катера и миноноски разбирались по планамъ, передъ переѣздомъ ежесекундно дрожа отъ мысли взорваться...

Все это было извѣстно подполковнику Вершинину, который и являлся для Иванова явно прикосновеннымъ къ таинственнымъ событіямъ въ торговой гавани, лицомъ весьма нежелательнымъ. По этому то дѣлу документы и были таинственно уничтожены въ Артурѣ.

Въ Шанхаѣ Вершинину передали, что ихъ уничтожили Веселкинъ и Ивановъ.

Удивительно, почему до сихъ поръ не допрошенъ самъ Вершининъ и какъ могли прекратить разъ возбужденное дѣло безъ допроса одного изъ главныхъ причастныхъ къ дѣлу лицъ—это остается совершенно загадочнымъ, потому что оправдать или обличить этого не смогутъ и нынѣ дѣйствующія неотмѣнно юридическія установленія.

LXVI.

Дополненіе къ днямъ сдачи.

Въ дополненіе къ характеристикѣ бездѣйствія властей, сдавшихъ городъ и крѣпость, разскажу слѣдующій эпизодъ, относящійся къ днямъ, когда японцы еще не вступили въ городъ и убійства солдатъ въ новомъ городѣ, навели на жителей панику.

Солдаты разбивали квартиры, лавки, склады въ безумномъ приливѣ неудержимой боли, тоски, сбиды и злобы.

Генералъ Ирманъ отправился по просьбѣ многихъ жителей, безсильныхъ защищать свое имуще-

ство, въ штабъ и телефонировалъ начальнику штаба Рейсу о томъ, что происходитъ.

— Распорядитесь прислать патрули; необходимо оградить жителей...—говоритъ Ирманъ.

— Войска разоружаются... оружіе сдается японцамъ,—отвѣчаетъ Рейсъ.

— Но нужно же воспрепятствовать уничтоженію имущества частныхъ лицъ... вообще необходимо предпринять что-либо...

— Я ничего не могу... у меня нѣтъ вооруженныхъ людей.

— Странно, кто же можетъ?

— Просите японцевъ... крѣпость сдана и мы больше не хозяева.

Телефонъ отзвонилъ отбой... Ирману пришлось отойти ничего не добившись.

Кое-гдѣ офицеры пытались прекратить дикія сцены; но тщетно они кричали, угрожая, умоляя—ихъ не слушали обезумѣвшіе люди.

И бывало, что офицеры, любимые солдатами, были безсильны сдержать волны буйства... ихъ просили грубо уйти и не мѣшаться...

Такъ велико было отчаяніе этихъ людей, такъ долго и много терпѣвшихъ для того, чтобы послѣ вдругъ, по волѣ одного, называвшаго себя начальникомъ—было все зачеркнуто, жалко, оскорбительно выброшено, какъ ненужное то, что покупалось страданіемъ, которое и не снилось этому «начальнику»..

LXVII.

Приказы Стесселя.

Въ pendant къ «Замѣткамъ» Фока не могу не привести нѣкоторые забавные приказы Стесселя, много

смѣшившіе гарнизонъ серьезностью тона въ пустякахъ, какими позволялъ себѣ офиціально заниматься начальникъ укрѣпленнаго раіона.

Тутъ во всемъ блескѣ проявилось тонкое беллетристическое чутье генерала Стесселя, выступившаго въ роли литературнаго критика. 24 ноября 1904 г. за № 996 объявленъ такой «приказъ»:

«Ноября 24 дня 1904 г. Кр. П.-Артуръ.
№ 896.

Объявляю душевную благодарность свою и ввѣренныхъ мнѣ славныхъ войскъ корреспонденту газеты «Новый Край» господину Р. Я—скому за помѣщенные въ № 224 «Новаго Края» стихи—«Сонъ». Стихи эти, дорогіе для каждаго русскаго воина—артурца, сохранятся вѣчно въ сердцахъ нашихъ и перейдутъ въ войсковую пѣсню войскъ, защищающихъ крѣпость въ продолженіи уже 10-ти мѣсяцевъ.

Нач. Квантунскаго укрѣпл. раіона
генер.-адъют. Стессель».

Нельзя воздержаться отъ желанія привести эти стихи. Пусть читатель рѣшитъ стоили ли они приказа... Вотъ отрывокъ:

«Сонъ».

«...И опять «ура» гремѣло,
Шли солдаты въ рядъ;
На груди у нихъ блестѣло.
Множество наградъ.
Изъ домовъ, изъ каждой хаты
Къ нимъ бѣжалъ народъ:
Вамъ артурскіе солдаты
Слава и почетъ....» и т. д.

Р. Я—скій.

Злые языки утверждали, что стихи вышли изъ подъ пера самого Стесселя, такъ какъ вообще га-

зету онъ не жаловалъ, хотя впослѣдствіи это не оправдалось, но въ защиту «Нов. Кр.» нельзя не сказать, что изъ помѣщавшихся въ «Нов. Краѣ» стиховъ, эти были все-таки самыми слабыми.

А вотъ еще любопытный приказъ; тутъ въ плохомъ изложеніи такая явная безстыдная ложь на каждомъ словѣ, что дальше итти кажется некуда!

Замѣтьте, что «приказъ» съ этими сплетнями изданъ за 2 недѣли до сдачи!

«Декабря 1 дня 1904 г. Кр. П.-Артуръ.
№ 915.

По сообщенію китайцевъ на сѣверѣ дѣла у японцевъ очень плохи.

1) На сѣверъ отъ Ляояна недѣли двѣ тому назадъ было жестокое сраженіе у русскихъ съ японцами. Японцы разбиты, причемъ у нихъ выбыло изъ строя отъ 40 до 50 тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными. У русскихъ потери также значительны, но меньше японскихъ. Японцы отступаютъ частями на Фынъ-хуанъ-ченъ и на Гайчжоу. Русскіе преслѣдуютъ ихъ по пятамъ.

2) Инкоу будто бы уже занятъ русскими; а также и Да-ши-цяо. Ляоянъ также очищенъ японцами. Среди японскихъ войскъ на сѣверѣ паника.

3) Войска японскія, предназначавшіяся подъ Портъ-Артуръ, направлены въ виду измѣнившагося положенія дѣлъ на сѣверъ. Но подъ Портъ-Артуромъ ихъ все-таки осталось не менѣе 30 тыс. человѣкъ, особенно на лѣвомъ нашемъ флангѣ. Съ этими силами японцы не осмѣлятся пытаться брать Портъ-Артуръ, хотя штурмъ отдѣльныхъ участковъ они все таки думаютъ производить.

4) Взять Портъ-Артуръ японцы считаютъ теперь уже для себя необходимымъ по тому соображенію, что, взявъ Портъ-Артуръ, они надѣются на возмож-

ность заключенія мира съ русскими. Если же Портъ-Артуръ они не возьмутъ, то имъ придется поспѣшить убираться во-свояси въ Японію.

Начальникъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона генералъ-адъютантъ Стессель».

А вотъ еще:

№ 854.

«Объявляю для свѣдѣнія переводъ письма японскаго солдата 19 полка (теперь убитаго). Рядовой 19 полка въ письмѣ неизвѣстно отъ какого числа пишетъ: «Жизнь и питаніе затруднительны. Непріятель сражается болѣе жестоко и мужественно. Мѣсто, которымъ мы овладѣли и гдѣ стоитъ нашъ отрядъ (передовой), день и ночь ужасно обстрѣливается непріятелемъ, но, къ счастью для меня, благополучно. Непріятельскіе снаряды и пули ночью сыплются какъ дождь .

Начальникъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона, генералъ-адъютантъ Стессель».

А вотъ уже прямо интересный документикъ—приказъ, данный до сдачи:

«Славные защитники Артура! Сегодня дерзкій врагъ черезъ парламентера маіора Ямооки прислалъ письмо съ предложеніемъ сдать крѣпость. Вы разумѣете, знаете, какъ могли отвѣтить русскіе генералы и адмиралы, коимъ ввѣрена честь Россіи. Предложеніе отвергнуто. Я увѣренъ въ васъ, мои храбрые соратники! Готовьтесь драться за вѣру и своего обожаемаго царя.

Ура! Богъ всесильный поможетъ намъ.

Начальникъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона, генералъ-лейтенантъ Стессель».

Въ общемъ передъ «Замѣтками» генерала Фока, за которыя его судятъ—пунктъ о «замѣткахъ» включенъ въ обвинительный актъ—литературныя шало-

сти генерала Стесселя конечно кажутся невиннѣйшими развлеченіями.

LXVIII.

Заключеніе.

Вереница подвиговъ этихъ «героевъ» вчерашняго дня прошла передъ читателями...

Какая обидная трагедія!

Сколько грязи смѣшалось съ чистой кровью!

Сколько подлости, обмана, лицемѣрія, скудоумія, бездарности, нечестности, трусости, жестокости и... ничтожности въ тѣхъ, кому довѣрялись тысячи жизней, кромѣ задачъ огромной важности!

Преступленіями начальниковъ грубо затемнены геройскія смерти тысячъ и тысячъ быть можетъ славно погибшихъ, безсильныхъ излить свое негодованіе, безсильныхъ проклясть теперь этихъ «героевъ» вчерашняго дня.

Какой поучительный урокъ Россіи!

Армія долго не забудетъ этихъ начальниковъ и, познавшая ихъ преступность, захочетъ смѣлѣе и скорѣе итти на путь возрожденія къ новымъ формамъ новой политической жизни.

Судятъ въ нихъ не ихъ самихъ, а старыя отжившія формы... то, что привело къ Портъ-Артуру, Мукдену и Цусимѣ... то призванъ судить верховный судъ, созванный судить Стесселя и его сподвижниковъ.

И пусть судъ въ своихъ заключеніяхъ будетъ безпощаденъ, какъ безпощадны были послѣдствія преступленій, удачно скрывавшихся долго подъ маскою подвиговъ, подъ личиной льстивыхъ самовосхваленій.

Не надо имъ казни, этимъ развѣнчаннымъ героямъ!

Они развѣнчаны—и это ихъ казнь!

Не надо имъ казни; пусть они будутъ разжалованы.

Пусть Стессель простымъ солдатомъ, безъ права стать когда-нибудь офицеромъ, постоитъ на часахъ у форта, подежуритъ у орудій, поразноситъ пакеты, какъ нижній чинъ.

Родина должна была узнать, что ее обманывали, и что за это есть наказаніе еще и въ этомъ мірѣ.

LXIX.

Письма, мысли и возраженія гг. офицеровъ

Я уже упоминалъ, что получаю много писемъ отъ офицеровъ. Эти письма живо, ярко свидѣтельствуютъ о томъ, какъ невыносимо сознаніе преступности начальниковъ, какъ тяжка необходимость молчать, какъ безвыходны рамки традицій, даже законовъ, вслѣдствіе ветхости своей ставшихъ невыгодными, потому что защищаютъ порою самыя преступленія (Портъ-Артуръ), когда ихъ задача защищать страну и армію отъ этихъ преступленій.

«Мы всѣ знаемъ, знаемъ мучительно, больно знаемъ, но нѣтъ исхода, нѣтъ возможности спастись...

«Намъ некому жаловаться!.. рапорты по начальству!.. развѣ не смѣшно жаловаться тому, на кого жалуешься!..»

Пишутъ, говорятъ, передаютъ мнѣ офицеры и пожимая руку вдругъ выронятъ сквозь зубы, что служить невыносимо, когда личность уничтожена, когда нѣтъ, нельзя имѣть, не признается индивидуальность...

Но это общія мѣста, общія слова, кричащія, что жгуче необходимо обновленіе.

Обращусь къ частнымъ отдѣльнымъ голосамъ офицеровъ по поводу описанныхъ преступленій портъ-артурскихъ «героевъ».

Вотъ пишетъ мнѣ штабсъ-капитанъ М., тоже бывшій въ Артурѣ.

«..въ Артурѣ я не могъ проникнуть въ закулисную жизнь обороны; я завѣдывалъ минной обороной сухопутнаго фронта... былъ занятъ по-горло, ночью на позиціяхъ устанавливалъ мины и днемъ на заводѣ. Теперь имѣя досугъ, хотѣлъ бы подробнѣе ознакомиться съ ходомъ тяжелой драмы распри военачальниковъ, погубившихъ государственное дѣло изъ-за личныхъ самолюбій и выгодъ вслѣдъ за отлетомъ души Артура, покойнаго Кондратенко... Дѣло Артура, гдѣ столько пережито, самое дорогое и близкое моему сердцу и хотѣлось бы знать о немъ возможно больше...»

«Спасибо вамъ сердечно,—пишетъ другой офицеръ,—что пролили столько свѣта по дѣлу о кровопролитной отдачѣ Квантуна!.. Сколько крупнѣйшихъ разоблаченій! Какой позоръ безславной войны и т. д...»

И много еще такихъ же писемъ благодарности отъ людей, отдавшихъ свои жизни дѣлу, которому преступно измѣнили начальники.

«Позвольте мнѣ еще передать вамъ много,—пишетъ видимо молодой подпоручикъ;—я много знаю и мы всѣ много знаемъ... Мы видѣли и знали войну во всемъ ея ужасѣ... и ужасы гибели и ужасы злоупотребленій... Мы должны молчать, а вы должны говорить, если уже начали говорить»...

И эта жажда гласности точно успокаиваетъ, точно утѣшаетъ мыслью, что повѣданное преступленіе, разсказанный позоръ—есть позоръ выброшенный, и преступленіе, которое откинули, отъ котораго из-

бавились, этого преступленія—болѣе уже никогда не будетъ. И эта жажда гласности—вѣрный залогъ того, что пробилъ часъ, когда армія должна обновиться, когда изжито и сгнило старое и новое нужно такъ, какъ свѣтъ и воздухъ...

Узнать, что есть зло, громко сказать о злѣ, значитъ выбросить зло.

Таить, молчать, скрывать, значитъ лгать—хранить бережно, хранить зло, требующее уничтоженія...

Хорошо по поводу дисциплины пишетъ мнѣ молодой офицеръ, поручикъ Н. Я. Павловъ. Приведу отрывокъ изъ его письма:

«...Развертывающаяся предъ глазами всего міра портъ-артурская эпопея, какъ нельзя болѣе наглядно подчеркиваетъ присутствіе въ нашей арміи того страшнаго яда, который окончательно подточилъ организмъ ея и привелъ къ небывалой въ исторіи страшной, позорной, катастрофѣ.

«И, какъ ни странно, этимъ именно ядомъ оказалась наша воинская дисциплина. Именно наша дисциплина, во всей своей первобытной наготѣ, кичливая, издѣвающаяся, попирающая въ человѣкѣ все человѣческое.

«Конечно, въ сдачѣ Портъ-Артура виновны Стессель и прочіе его сподвижники; судъ произнесетъ надъ ними свой нелицепріятный приговоръ, но главный виновникъ не только сдачи Портъ-Артура, но и всѣхъ нашихъ пораженій на Дальнемъ Востокѣ остается неуязвимымъ ни для какого суда: на него смотрятъ и не видятъ, слышатъ и не понимаютъ.

«Давнымъ-давно уже ни для кого не тайна, что въ нашей арміи не все благополучно, но что такое происходитъ въ ней, въ чемъ именно заключается это неблагополучіе, общество опредѣлить не могло, не могло потому, что оно находилось

какъ бы передъ закрытою дверью, изъ-за которой слышались только безпорядочный гулъ голосовъ и какая-то безтолковая возня.

«Наконецъ настало время, когда veto сняли и дверь распахнулась настежь... Зрѣлище получилось величественное: сотни тысячъ безмолвныхъ, покорныхъ, обезличенныхъ людей, съ озабоченнымъ, дѣловымъ видомъ безпорядочно толкущихся на мѣстѣ или мечущихся въ разныя стороны, а надо всѣмъ этимъ грозно царитъ неумолчное: «Не разсуждать, а исполнять то, что приказано!»

«Это дисциплина—въ ея нынѣшней формѣ.

«Не будь этого страшнаго, всесокрушающаго оружія въ рукахъ начальника, не было бы у насъ никогда и стесселіады.

«Дисциплина въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ у насъ, является самымъ надежнѣйшимъ орудіемъ для безнаказаннаго совершенія всякихъ злоупотребленій. Предоставляя начальнику все, дѣлая въ рукахъ его подчиненныхъ, по іезуитскому выраженію, «трупомъ, палкою», въ то-же время лишаетъ послѣднихъ всякой возможности протеста. Да иначе и не можетъ быть, если, по уставу, не только приказаніе начальника, но даже просьба его—законъ.

«Изъ дисциплины, но разумной, толковой, этого самаго необходимаго цемента всякой арміи, у насъ создали идола—алчнаго, кровожаднаго, безсердечнаго божка, которому приносится въ жертву все—и честь, и жизнь людей, лишь бы только не подорвать авторитета этого сокровища.

«За примѣрами ходить недалеко, стоитъ только припомнить признанія участниковъ Куинсанскаго боя («Бой за Куинсанъ» Ф. Купчинскаго. «Русь» № 191). Приведу нѣкоторыя изъ нихъ на выдержку:

— «Лопатинъ (капитанъ)—на совѣстинашихъ то-

варищей; за него надо было заступиться всѣмъ, но опасались «нарушить дисциплину», побоялись отвѣтственности, непріятности и молчали.

— «Лопатинъ—это козелъ отпущенія, несчастный стрѣлочникъ, и какъ важно было бы снять хоть въ обществѣ позоръ съ его имени.

«Чѣмъ иначе можно объяснить эти ужасныя по своей безпомощности, задавленности, по своему драматизму признанія, какъ не изумительнымъ деспотизмомъ, именуемымъ дисциплиной, подъ прикрытіемъ которой люди, не обладающіе не только героическими, но даже и заячьими душонками, отваживаются дѣлать то, о чемъ они, будь въ другихъ условіяхъ, никогда не смѣли бы и подумать. Именно только сознаніе безнаказанности, основанной на безправіи, подавленности подчиненныхъ, можетъ создавать такихъ героевъ, какъ Стессель и К°.

«Доведенная якобы до совершенства воинская дисциплина сдѣлала то, что убила человѣка въ человѣкѣ, сдѣлала изъ людей манекеновъ, лишенныхъ какого бы то ни было права проявленія своей иниціативы, своей воли, собственнаго «я», манекеновъ обязанныхъ руководствоваться не здравымъ смысломъ, не требованіями возникающихъ, мѣняющихся ежеминутно жизненныхъ положеній, а мертвой, неподвижной буквой закона, подгоняя подъ ея мѣрку жизнь, а не наоборотъ. Пунктъ, параграфъ, циркуляръ, приказаніе—вотъ та глухая, со всѣхъ сторонъ закупоренная клѣтка, въ которую не смѣетъ, не можетъ безнаказанно проникнуть, точно въ заколдованный замокъ, ни одна свѣжая, живая мысль, ни одно самостоятельное мнѣніе, желаніе.

«Дайте арміи возможность жить, мыслить, разсуждать; смѣните произволъ законностью, правомъ, и она перестанетъ быть ареною всевозможныхъ грязныхъ, скандальныхъ стесселевскихъ опе-

рацій, она сама оздоровитъ себя и станетъ на должную высоту».

Какъ много горькой истины! Какъ необходимо это: жить, мыслить, разсуждать... а этотъ «произволъ»—держитъ офицерство на уровнѣ кутежей, безотвѣтныхъ оскорбительныхъ выговоровъ, арестовъ, злоупотребленій, а солдатъ—въ желѣзныхъ цѣпяхъ начальнической прихоти...

Какъ иллюстрація на эту послѣднюю мысль небольшая выдержка изъ пространнаго въ 12 страницъ писчей бумаги письма «Въ защиту Стесселя», къ слову сказать: безъ всякихъ фактическихъ отвѣтовъ и данныхъ на мои данныя, почему не считаю интереснымъ приводить болѣе этихъ строкъ. Авторъ въ защиту Стесселя говоритъ, что такія міровыя дѣла, какъ артурское, разрѣшаются только геніями... «а геніи даже не въ академіяхъ генеральнаго штаба, что доказывается всѣми нашими академиками: Скугаревскій, Соболевъ, Ренненкампфъ, Орловъ, Любовицкій, который приказалъ подвести роту вплотную къ стѣнѣ и скомандовалъ:

— Черти!.. носомъ!..

Скугаревскій не только говорилъ, но и писалъ въ журналахъ: «форменный солдатскій сапогъ—это все!..» А еще другой говорилъ:

— Чистая солдатская пуговица—это все!..

Но почему все это защищаетъ Стесселя?.. Это обвиняетъ режимъ и обвиняетъ неразрывно Стесселя, ярко отразившаго на себѣ недостатки режима!..

«Если-бы вы знали, сколько принуждены мы всѣ сносить и молчать—таить оскорбленія въ душѣ, заливать виномъ тоску, злобу, оскорбленіе, безвыходную необходимость жить такъ»...—пишетъ одинъ офицеръ и еще много много говоритъ о томъ, какъ невыносимо молчаніемъ мириться со зломъ.

Мнѣ говорили нѣкоторые:

— Вы оскорбляете армію!..

Но какъ вы не хотите понять, что именно очистить армію хочу я!..

Если бы я, видя, зная, молчалъ, тогда—о, да!.. тогда бы я оскорбительно думалъ о тѣхъ молодыхъ и старыхъ, мало или много талантливыхъ людяхъ, которые составляютъ армію!.. Но я говорю, во имя вѣры въ нихъ, вѣры въ ихъ общія и горячія стремленія поставить армію на должную высоту.

Генералъ Стессель о себѣ.

I.

Всѣ говорили о немъ, а онъ долго молчалъ. Его обвиняли и обвиняютъ въ безчисленныхъ преступленіяхъ, онъ не оправдывался и не оправдывается. Но вотъ въ Московскомъ «Столичномъ Утрѣ» около мѣсяца появлялся ежедневно «Дневникъ Стесселя». Какъ голосъ человѣка, сидящаго на скамьѣ подсудимыхъ, онъ казалось бы долженъ былъ раздаваться въ его оправданіе, но при самомъ внимательномъ прочитываніи этого дневника самый несвѣдущій читатель видитъ ясно, что дневникъ Стесселя есть краснорѣчивое дополненіе къ сухому и сдержанному обвинительному акту. Любой отрывокъ говоритъ, что авторъ, едва умѣющій выражать письменно свои мысли, по поводу серьезныхъ событій, въ коихъ онъ былъ отвѣтственъ, почти не имѣлъ серьезныхъ мыслей. Тутъ можно найти рѣшительно все: и то, какъ генералъ Стессель ѣхалъ на красивомъ сѣромъ жеребцѣ; и то, какъ онъ обѣдалъ у себя дома въ компаніи своихъ знакомыхъ; и то, какъ онъ любовался баломъ; и то, какъ онъ стрѣлялъ изъ винтовки собственноручно, по спасавшимся съ потопленнаго брандера мальчикамъ японцамъ. Но здѣсь напрасно читатель сталъ бы искать серьезнаго освѣщенія выдающихся фактовъ изъ жизни осажденной крѣпо-

сти; напрасно хотѣлъ бы понять читатель точку зрѣнія виновника многихъ событій начальника Квантунскаго укрѣпленнаго раіона; эта точка, или отсутствовала, или ее не умѣли выразить. Въ лаконическихъ, сухихъ и уродливыхъ фразахъ авторъ убого перемѣшиваетъ ничтожныя сплетни съ извѣстіями о важнѣйшихъ событіяхъ. «Описаніе» Кинчжоускаго боя поражаетъ своей безсодержательностью, неточностью: «Мой поѣздъ взялъ Елшинъ, а болѣе нѣтъ ни одного локомотива. Я не попалъ сегодня на Цинчжоу, а тамъ шелъ бой».

Такъ начинаетъ Стессель про Кинчжоускій бой оправданіемъ, наивнымъ и смѣшнымъ оправданіемъ, почему онъ не могъ попасть на бой. На станціи находилось сколько угодно паровозовъ и при желаніи Стессель могъ бы воспользоваться всегда однимъ изъ нихъ; если нуженъ былъ комфортъ, то вагоновъ тоже на станціи было достаточно, не говоря уже о томъ, что поѣздъ, на которомъ ѣхалъ подполковникъ Елшинъ, могъ быть возвращенъ въ Артуръ по первой телеграммѣ;—бой начавшійся на разсвѣтѣ окончился послѣ захода солнца.

Страннымъ индиферентизмомъ проникнуты отрывочныя предположенія, коими авторъ передаетъ доходящіе до него слухи о боѣ: «Страшный огонь скоро уничтожилъ у насъ массу орудій на позиціяхъ, а главныя десяти-милиметровыя пушки канонерокъ просто разнесли всѣ наши окопы и укрѣпленія, состоявшія изъ земли и лѣса. Шести милиметровыя орудія мы не успѣли поставить. Японцы тоже сильно страдали, ихъ войска центра даже остановились». Любопытно было бы спросить генерала Стесселя, что значитъ «войска центра остановились»? Если рѣчь идетъ о телеграммѣ генерала Надѣина—«Ура, японцы отступили»—посланной при видѣ того, какъ японская артиллерія въ тактическихъ соображеніяхъ перемѣнила позицію, то это было на правомъ флангѣ...

И далѣе цитируется это знаменитое извѣстіе Надѣина въ крѣпости:—Ура японцы отходятъ!—(почему флотъ, готовый выйти, и не вышелъ).

«Куропаткинъ на дняхъ телеграфировалъ, чтобы своевременно отвести войска Фока и постараться вывести артиллерію. Что можно сдѣлано».

И генералу Стесселю словно неизвѣстно, что съ позиціи на Кинчжоускихъ фортахъ орудія спасены не были...

И далѣе онъ говоритъ объ отступленіи, какъ извѣстно, сопровождавшемся паникой, стрѣльбой другъ въ друга и безумнымъ бѣгствомъ солдатъ къ Артуру или вѣрнѣе къ Нангалину.

«Отступленіе было совершено въ 9 часовъ въ порядкѣ; разъ только въ тылу ошалѣли, приняли кого то за непріятеля, стали стрѣлять, но скоро все прекратили».

Такая неосвѣдомленность человѣка, который долженъ былъ руководить боемъ и отступленіемъ, не можетъ не поражать.

«Я приказалъ оставить Дальній, и жителей перевести въ Артуръ. Переходъ ихъ былъ трудный».

Да! и очень трудный, потому что приказъ объ отступленіи изъ Дальняго былъ полученъ только послѣ боя, почему приходилось все рвать и уничтожать на спѣхъ и отчего японцы получили въ совершенно неповрежденномъ видѣ драгоцѣнный для нихъ молъ, электрическую станцію, множество различныхъ военныхъ сооруженій, много судовъ и припасовъ, и кромѣ того 386 вагоновъ съ разными товарами, совершенно годными, много крупы, муки, сухарей и сахара. Объ этомъ можетъ быть и не зналъ генералъ Стессель, а то навѣрно бы отдалъ хотя распоряженіе перевести жителей на этихъ 386 вагонахъ!...

А вотъ какъ говоритъ Стессель о потерѣ 13 іюня горы Куинсанъ ключа позиціи. Если читатель припомнитъ, я довольно много говорилъ объ этой поте-

рѣ, объ осужденіи капитана Лопатина и возражалъ оправдывавшемуся Киленину. Вотъ описаніе Стесселя:

13 іюня.

«День для насъ неудачный,—мы потеряли гору Куинсанъ.

Утромъ я поѣхалъ съ Невельскимъ на передовыя позиціи къ правому ихъ флангу по южной дорогѣ. Когда стали спускаться къ Люнвантаню, видимъ, ведетъ матросъ ослика, нагруженнаго офицерскими вещами, къ Артуру. Спрашиваемъ: кто такой? Отвѣчаетъ: вѣстовой г. мичмана. Говоритъ, что баринъ приказали. Слышимъ гдѣ-то у Сяо-биндао выстрѣлы. Спрашиваю: а это что?

Говоритъ, что тамъ начали стрѣлять.

Ѣдемъ дальше; идутъ двое стрѣлковъ 25 полка. Говорятъ, что артельщики и посланы ротнымъ командиромъ. Тоже сказали, что непріятель началъ стрѣлять.

Въ долинѣ у Люнвантаня замѣтилъ палатки какого-то баталіона; людей не видно. Удивился. Когда мы сравнялись съ палатками, оказалось, что здѣсь бивакъ перваго батальона 25 полка капитана Малыгина. Очень это меня разсердило. Батальонъ пошелъ впередъ, а онъ палатки оставилъ, какъ будто происходило простое ученіе. Тутъ же видѣлъ стадо козловъ 14 полка; его гнали къ Артуру.

Не понравились мнѣ эти признаки: разъ безпорядки въ тылу, значитъ нѣтъ порядка и впереди. Надо, чтобы поставили это на видъ Киленину.

При переѣздѣ черезъ Люнвантань у самаго устья стояли три непріятельскихъ миноноски, но мы ихъ счастливо проскочили и свернули на Домачоу; тамъ слышались выстрѣлы. Въ Водомвисѣ встрѣтили стрѣлковъ 5 полка и батальонъ Малыгина, проѣхали въ Каунжоу. Тамъ увидѣлъ Кондратенко и Киленина. Бой шелъ тутъ уже у Куинсана. Киленинъ доложилъ, что Куинсанъ занятъ частью 28 полка, а съ

тыла 10-я рота 14 полка. Лопатину я приказалъ взять еще двѣ роты съ Глассономъ изъ батальона Малыгина. Тутъ же сказалъ Кондратенко, что въ тылу безпорядки, и что это худой признакъ, и что Малыгинъ оставилъ палатки.

Пришлось пробыть здѣсь болѣе часу.

Когда къ Куинсану отъ насъ начали долетать небольшіе снаряды непріятеля, Киленинъ сказалъ, что двухъ ротъ вполнѣ достаточно. Перестрѣлка была не сильная.

Просидѣли мы съ Кондратенко еще часъ, все осмотрѣли. Не было замѣтно, чтобы непріятель откуда нибудь напиралъ. Въ 3 часа поѣхалъ мимо горы къ Шанинзынскому перевалу, къ Фоку.

Спустя часъ, пріѣхалъ командиръ 26 полка, полковникъ Семеновъ, совершенно взбудораженный и шальной и заявилъ, что Куинсанъ занятъ японцами. Мы не повѣрили. Вотъ что онъ разсказалъ: онъ пріѣхалъ къ Каунжоу тотчасъ послѣ моего отъѣзда и нашелъ, что Киленинъ совершенно потерянъ, потрясенъ: онъ сказалъ Семенову, что 10 рота 14-го полка отступила съ тыла. Японцы этимъ воспользовались и заняли вершину горы. Фокъ просто освирѣпѣлъ; послалъ за командиромъ полка.

Семеновъ сказалъ, что Киленинъ такъ растерялся, что просилъ его, Семенова, принять отъ него отрядъ вызвавшись остаться у него за начальника штаба. Я поручилъ Фоку все выяснить, а, главное, приказалъ ему повидаться съ Кондратенко, который скоро долженъ пріѣхать. Фокъ сейчасъ же рысью послалъ на позицію браваго офицера 13-го полка, поручика Ясевича. Потомъ дѣйствительно оказалось, что 10 рота сплоховала и вершина Куинсана захвачена японцами. Это черезъ полтора часа сообщилъ Ясевичъ. Въ сегодняшнемъ бою мы потеряли болѣе 5 офицеровъ и до 200 нижнихъ чиновъ ранеными».

Такъ мало вниманія удѣлилъ, судя по дневнику, этому важному событію въ жизни крѣпости генералъ

Стессель, виновный въ потерѣ нами важнаго стратегическаго пункта!

Интересно, что и Стессель соглашается со мной въ виновности Киленина и даже приводитъ утвержденіе генера Семенова, что Киленинъ растерялся и просилъ принять за него командованіе, а Лопатинъ былъ все таки осужденъ!

Положительно необходимо, чтобы Куинсанское дѣло включено было въ обвинительный актъ, а съ умершаго Лопатина, хотя частью былъ бы снятъ позоръ тяжкаго моральнаго осужденія... Я убѣжденъ, что многіе офицеры изъ товарищей Лопатина будутъ показывать на судѣ рѣшительно въ его пользу...

Въ общемъ дневникъ Стесселя стоитъ большого вниманія. Нѣтъ—нѣтъ и проскользнетъ интересное освѣщеніе, любопытная обстановка, словечко, выдающее цѣлое событіе, скрытое, забытое или невѣрно освѣщенное другими.

Жаль только, что генералъ плохо владѣетъ перомъ, чѣмъ весьма затрудняется пониманіе... Зато между строкъ читать можно легко и дѣлать немало психологическихъ выводовъ.

II.

Генералъ Стессель о Куинсанскомъ боѣ.

Небезынтересно отношеніе самого ген. Стесселя къ полученному отъ ген. Куропаткина приказанію выѣхать изъ Портъ-Артура. Нѣтъ сомнѣнія: чтобы было не послушаться и остаться правымъ нужно было имѣть вѣсскіе аргументы. Но и самые вѣсскіе аргументы съ точки зрѣнія военныхъ законовъ не могутъ оправдать явное нарушеніе приказанія главнокомандующаго.

Посмотримъ же, какъ оправдывается ген. Стессель 20 іюня.

«Сегодня, находясь на передовыхъ позиціяхъ у Фока, я получилъ отъ ген. Куропаткина письмо, от-

зывающее меня въ армію. По невозможности вслѣдствіе тѣсной блокады выѣхать изъ Портъ-Артура, я въ такомъ духѣ и отвѣтилъ главнокомандующему, прося у него дальнѣйшихъ указаній».

Какъ видно, оправданіе слишкомъ ничтожно, аргументація этихъ оправданій слишкомъ слаба для такого серьезнаго вопроса. Касаясь далѣе въ своемъ дневникѣ Куинсанскаго боя, ген. Стессель такъ оправдываетъ неудачу артиллерійскаго боя и штурма за гору Куинсанъ: «Атака эта, несмотря на отвагу нашихъ солдатъ, тоже не удалась. Первой отошла 5-я рота 13 полка. Такъ что 20 и 21 мы выгнали японцевъ отовсюду, за исключеніемъ вершины Куинсана. Здѣсь все сложилось неудачно — и отвѣсные каменистые подъемы на гору, и пулеметы, и каменный редутъ наверху, окруженный проволочными сѣтками, и дождь. Потоки все смывали».

Добавлю: здѣсь все сложилось неудачно для насъ такъ же, какъ и для японцевъ, потому что дождь лилъ на русскихъ и японцевъ одинаково, потоки смывали, какъ наши, такъ и японскія земляныя работы, тѣмъ не менѣе японцы сумѣли укрѣпить въ нѣсколько дней вершину горы такъ, что она стала неприступной для насъ, мы же, когда владѣли ею не сумѣли укрѣпить ее ни въ ясные, ни въ дождливые дни.

Упорный, кровопролитный бой 20, 21, 22 іюня не далъ ген. Стесселю матеріала для воспоминаній или серьезныхъ изложеній этихъ событій большой важности. Ген. Стессель останавливается на пустякахъ: разсказываетъ, какъ ген. Рейсъ свалился съ лошади и подшибъ себѣ ногу, называетъ японцевъ япошками или вмѣсто того, чтобы объяснить наши неудачи и выяснить, мотивируя самую необходимость трехдневнаго боя, онъ разсказываетъ, что благодарилъ войска за отличныя дѣйствія, что благодарилъ «медицинскій персоналъ за отличное устройство и организацію раненыхъ». Что за «устройство

и организація раненыхъ», — объ этомъ надо уже спросить автора записокъ.

Ничего о дѣйствіяхъ артилеріи, о ночныхъ штурмахъ, о дневныхъ жестокихъ наступленіяхъ и геройскихъ отраженіяхъ японцевъ; о значительномъ боѣ говорится будто между прочимъ, словно что-то другое болѣе серьезное и значительное, чѣмъ этотъ бой, занимало мысль ген. Стесселя.

III.

Важное разъясненіе къ дѣлу капитана Лопатина.

Въ виду утвержденія подполковника Киленина, возражавшаго мнѣ по поводу Куинсанскаго боя вообще и въ частности дѣла капитана Лопатина, каковое дѣло я настаивалъ включить въ обвинительный актъ, въ утвержденіе г. Киленина, что капит. Лопатинъ умеръ отъ дезинтеріи, печатаю нижеслѣдующій документъ:

«Свидѣтельство о смерти капитана Лопатина, послѣдовавшей отъ паралича сердца».

Настоящее свидѣтельство подтверждаетъ вполнѣ мое утвержденіе, что кап. Лопатинъ въ дѣйствительности умеръ отъ потрясенія послѣ суроваго и несправедливаго приговора.

Копія.

М В.
Главный Штабъ

Особый отдѣлъ
по сбору свѣдѣній объ убитыхъ и раненыхъ въ войну съ Японіей.

4 марта 1906 года.
№ 1453.

Особый отдѣлъ главнаго штаба по сбору свѣдѣній объ убитыхъ и раненыхъ въ войну съ Японіей настоящимъ удостовѣряетъ, что по свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ главный штабъ генеральнаго штаба ген.-маіоромъ Рейсомъ, значится умершимъ отъ паралича сердца 9 сентября 1904 г. въ крѣпости Портъ-Артуръ капитанъ 14 Восточно-Сибирскаго

стрѣлковаго полка Василій Константиновичъ Лопатинъ.

Начальникъ отдѣла
генералъ-маіоръ Смородскій.
Ротмистръ Калугинъ.

Не могу не повторить, что настаиваю вновь на просмотрѣ этого дѣла и во включеніи его въ официальный обвинительный актъ.

IV.

По поводу жалобы генерала Фока.

Въ своей жалобѣ, поданной прокурору с.-петербургскаго окружнаго суда, ген. Фокъ заявляетъ что я описывалъ въ совершенно искаженномъ видѣ поведеніе гарнизона крѣпости Портъ-Артуръ послѣ капитуляціи.

Въ дополненіе къ приведеннымъ мною подробностямъ о смятеніи гарнизона я добавлю сейчасъ еще нѣсколько тщательно провѣренныхъ данныхъ.

Стессель послѣ сдачи крѣпости приказалъ разбивать склады спирта, водки и винъ. Понятно, что солдаты забирали, что могли, въ казармы, что могли, распивали, а остальное уничтожали, разбивали и сжигали. Тогда было уничтожено въ огромномъ количествѣ имущество купцовъ и другихъ частныхъ владѣльцевъ, несмотря на то, что надобности въ этомъ уничтоженіи совершенно никакой не было, что подтверждаетъ генералъ Смирновъ, генералъ Рейсъ и подполковникъ Вершининъ. Генералъ Стессель, какъ я уже упоминалъ и раньше, выдавалъ пострадавшимъ владѣльцамъ свидѣтельства объ уничтоженія ихъ имущества солдатами, оцѣнивая иногда уничтоженное имущество въ довольно значительную сумму. О размѣрахъ уничтоженнаго солдатами имущества можно судить по общей суммѣ претензій въ 200,000 рублей. Претензіи заявлены комиссіи по возмѣщенію убытковъ частныхъ лицъ на войнѣ.

Несомнѣнно, что Стессель, официально виновный въ этихъ убыткахъ, такъ какъ безъ надобности самъ приказывалъ уничтожать имущества, долженъ бы былъ отвѣтить своимъ личнымъ имуществомъ, которое онъ такъ удачно сохранилъ въ Артурѣ и вывезъ послѣ сдачи не въ примѣръ прочимъ владѣльцамъ.

Нѣкоторыя подробности того настроенія, которое переживалъ гарнизонъ сданной крѣпости, я приведу, пользуясь показаніями одного изъ очевидцевъ, имя котораго будетъ въ свое время фигурировать на судѣ:

«Послѣ сдачи крѣпости, когда начались грабежи, о которыхъ разсказывалъ г. Купчинскій, я, будучи раненымъ, выходилъ на улицу и видѣлъ самъ, какъ солдаты тащили изъ складовъ и магазиновъ всевозможные предметы, товары и пр. Я видѣлъ возвращавшіяся съ позиціи войска: солдаты плакали и громкими возгласами выражали свое негодованіе и свою скорбь. Краснорѣчивымъ подтвержденіемъ того моральнаго упадка и большого огорченія, которое переживали солдаты сданной крѣпости, можетъ явиться слѣдующее мое воспоминаніе: когда послѣ сдачи крѣпости къ госпиталю первый разъ мирно подошло нѣсколько японцевъ-санитаровъ для какихъ то разспросовъ, настроеніе раненыхъ, бывшихъ въ госпиталѣ и только еще предполагавшихъ о сдачѣ, было настолько тяжелое, что они не могли удержаться отъ слезъ при видѣ этого краснорѣчиваго доказательства о сдачѣ крѣпости. Многіе даже надолго отказались отъ пищи. Что касается до разстрѣла японцами русскихъ солдатъ, о чемъ тоже говорилъ г. Купчинскій, то мнѣ извѣстенъ всего одинъ случай такого разстрѣла, а докторъ Ю—чъ передавалъ о 60-ти подобныхъ случаяхъ».

Въ довершеніе моей аргументаціи, въ защиту изложенныхъ событій могу упомянуть о данномъ генераломъ Смирновымъ распоряженіи о высылкѣ

усиленныхъ патрулей, въ цѣляхъ подавленія происходящихъ грабежей и безпорядковъ, главнымъ образомъ въ Новомъ Городѣ.

Дѣлая настоящія дополненія для моихъ читателей вслѣдствіе опубликованной судебной жалобы генер. Фока, я конечно оставляю за собой право привести на судѣ еще большія подробности.

Привожу письмо одного изъ свидѣтелей сказанной ген. Фокомъ рѣчи, каковую ген. Фокъ трицаетъ.

Письмо въ редакцію.

Къ дѣлу Стесселя.

М. Г. Прошу неотказать помѣстить нижеслѣдующее въ вашей газетѣ:

Въ «Нов. Время» за № 11,286 помѣщена судебная жалоба генерала Фока, въ которой онъ обвиняетъ г. Купчинскаго въ невѣрныхъ и ложныхъ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ имъ по поводу смятенія гарнизона, и что будто генераломъ Фокомъ не была произнесена фраза: «Вы должны помнить генерала Стесселя и благодарить его супругу, которая просила пожалѣть васъ». (Статья эта была помѣщена г. Купчинскимъ въ «Руси» за № 197). Въ виду того, что г. Купчинскій обвиняется генераломъ Фокомъ за вышеупомянутую фразу, я, какъ одинъ изъ свидѣтелей и слышавшій эту рѣчь, произнесенную ген. Фокомъ 21 декабря 1904 г. въ одномъ изъ госпиталей, подтверждаю достовѣрность всей этой рѣчи, приведенной г. Купчинскимъ. А въ случаѣ надобности, могутъ подвердить эти слова и нѣсколько врачей, которые были въ госпиталѣ и сопровождали генерала Фока изъ одного отдѣленія въ другое.

Когда же дѣло г. Купчинскаго съ генераломъ Фокомъ дойдетъ до суда, то я, какъ и другіе свидѣтели, слышавшіе упомянутую рѣчь, готовъ подтвердить достовѣрность этой рѣчи и также объяснить, какое впечатлѣніе было произведено сда-

чею Портъ-Артура на духъ гарнизона. Этотъ гарнизонъ, который, не мудрствуя лукаво, защищалъ крѣпость своею грудью всю осаду, упалъ духомъ при извѣстіи о самовластной сдачѣ Стесселемъ этой твердыни, облитой кровью ея настоящихъ защитниковъ.

Слышавшій рѣчь генерала Фока, приведенную г. Купчинскимъ, стрѣлокъ 13-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка **А. Виткунъ.**

Казалось бы, что свидѣтельство живого лица должно было удержать генерала Фока отъ привлеченія меня за клевету именно за эту рѣчь, тѣмъ болѣе, что иныя слишкомъ тяжкія обвиненія имъ оставляются безъ протеста.

Эпилогъ Портъ-Артурской драмы.

Японскіе трофеи въ Портъ-Артурѣ.

Японцы, войдя въ Артуръ, конечно, не замедлили возможно скорѣе использовать оставленные русскими суда, орудія и запасы. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ эти суда, совершенно отремонтированныя японцами, въ большой степени усилили японскій флотъ, и это несомнѣнно—на совѣсти сдавшихъ Портъ-Артуръ начальниковъ, какъ бы даривших японцамъ наши суда въ почти не поврежденномъ видѣ. «Полтатава», «Баянъ», «Амуръ», «Побѣда», «Гилякъ», «Ретвизанъ», «Пересвѣтъ», наконецъ, «Императоръ Николай I-й», «Ангара», «Генералъ-адмиралъ Апраксинъ», «Адмиралъ Сенявинъ», «Монголія», «Казань», вотъ имена судовъ, нынче вполнѣ уже исправленныхъ японцами, кромѣ того нѣсколько миноносцевъ и миноносокъ.

Передо мною любопытные фотографическіе снимки:

Вотъ «Амуръ» вмѣстимостью въ 2,590 тоннъ, вовсе не взорванный, что видно по снимку, сдѣланному въ декабрѣ 1904 года. Онъ безпомощно свалился на бокъ въ докѣ, полунаполненномъ водою, обнаживъ свой совершенно не поврежденный корпусъ.

Нынче японцы владѣютъ этимъ судномъ, окончательно его исправивъ. Онъ былъ отремонтированъ еще 20 марта 1905 года. *)

*) По поводу «Амура» въ «Новомъ Времени» было опроверженіе его бывшаго командира, капитана 2-го ранга Одинцова, который на основаніи письма, полученнаго отъ товарища изъ Артура утверждаетъ, что «Амуръ» не исправленъ Даты взяты мною изъ японскихъ подписей подъ фотографіями. Ф. К

Вотъ «Побѣда», теперь названная японцами «Survo», вмѣстимостью въ 12,674 тонны, по снимку, сдѣланному въ Портъ-Артурѣ въ декабрѣ 1904 года. Онъ брошенъ портъ-артурскимъ начальствомъ едва затонувшимъ, на рейдѣ. Корпусъ не взорванъ, даже трубы и люки цѣлы, только одна мачта сломана. Японцы, вытащивъ его 21 мая 1905 года, 17 октября 1905 года уже совершенно окончили его ремонтировку.

Вотъ «Ретвизанъ» вмѣстимостью въ 12,202 тонны, названный японцами «Hizen». Корпусъ совершенно сохраненъ и хотя судно наполовину въ водѣ, орудія его, трубы его, башни и люки цѣлы. Извлеченный японцами 16 мая 1905 года, онъ былъ готовъ 22 сентября 1905 года.

Вотъ подводная лодка техника путей сообщенія М. П. Налетова, извлеченная японцами изъ воды.

Вотъ огромный «Пересвѣтъ», корпусъ его совершенно цѣлъ, трубы и башни тоже. Онъ отремонтированъ 7 мая 1905 года и тутъ же приложенъ его снимокъ въ одной изъ японскихъ гаваней.

Вотъ «Гилякъ» въ 963 тоны наполовину залитъ водой, башни, трубы, мостки и люки его разрушены, тѣмъ не менѣе онъ отремонтированъ японцами 17 апрѣля 1905 года.

Вотъ совершенно неповрежденная «Ангара» въ 11,700 тоннъ, нынѣ «Anegawa Maru», снятая стоящей у японскихъ береговъ.

Вотъ «Императоръ Николай I-й», 9,594 тонны, названный японцами «Jki», забранный японцами въ морскомъ бою при Такешима. Совершенно отремонтированный и хоть сейчасъ готовый къ бою.

Вотъ «Адмиралъ Синявинъ», 4,960 тоннъ, названный японцами «Michima», совершенно здоровый, вооруженный, хоть сейчасъ готовый на бой.

Но эти два послѣднія судна собственно, не изъ Артура; а вотъ еще «Казань» и «Монголія», не по-

вредженныя нисколько наши суда Краснаго Креста, бывшія въ Артурѣ.

Вотъ огромная «Полтава» въ 10,960 тоннъ, нынѣ названная японцами «Tango», совершенно не поврежденная; она въ іюлѣ 1905 года была уже отремонтирована японцами.

А вотъ громадный четырехтрубный «Баянъ», 7,726 тоннъ, названный японцами «Aso»; по портъ-артурскому снимку видно, что онъ почти совсѣмъ не поврежденъ, если не считать немного развороченный носъ и кое-гдѣ сорванную обшивку; нельзя не удивляться, какъ можно было въ такомъ видѣ сдать японцамъ этого великана!

«Баянъ» поручено было взорвать лейтенанту Подгурскому, бывшему минному офицеру на «Баянѣ». Онъ долженъ былъ подготовить судно ко взрыву; этотъ огромный крейсеръ перваго ранга ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ попасться въ руки японцевъ. Крейсеръ взорванъ не былъ и достался японцамъ въ такомъ видѣ, что они быстро сумѣли его отремонтировать Конечно, громоздкость крейсера дѣлала подрывъ очень труднымъ, но нашли же возможнымъ уничтожить многія наши канонерскія лодки, которыя не достались японцамъ. Что это—неудача или небрежность? Или недостаточное ознакомленіе съ дѣломъ? Во всякомъ случаѣ результаты печальны для самолюбія Россіи.

Полагалъ бы, что снимки, о которыхъ я говорю, не могутъ не фигурировать на судѣ какъ краснорѣчивые свидѣтели того, какъ выгодна японцамъ и какъ невыгодна намъ была сдача Артура и ея условія, какъ преступно было подписаніе капитуляціи до уничтоженія этихъ судовъ, теперь усилившихъ собою японскій флотъ! Общее мнѣніе, что уничтоженіе ихъ было вполнѣ возможно. Не говоря уже о возможности выйти для прорыва и исходомъ въ крайнемъ случаѣ затонуть въ морѣ, вмѣсто того, чтобы отдать японцамъ эту толпу плавучихъ русскихъ крѣ-

постеи съ машинами и орудіями—можно было и въ гавани успѣшными подрывами уничтожить судна. діями—можно было и въ гавани успѣшными подрывами уничтожить суда.

Волею Государя морскіе чины освобождены отъ суда и не включены въ стесселевское дѣло, но не на морскихъ ли начальникахъ, допустившихъ сдачу японцамъ флота въ такомъ видѣ, лежитъ тяжкая вина пережитаго позора и пораженія? Помимо Стесселя, преступно сдавшаго крѣпость своей властью, не виновны ли и тѣ, которые во время не уничтожили флотъ, если уже нельзя было съ нимъ вырваться изъ гавани; естественно, что это лежало на обязанности морскихъ начальниковъ, и вина ихъ не можетъ остаться безъ вниманія.

Русскія суда, вошедшія нынѣ въ составъ японскаго флота, будутъ долго служить позорнымъ упрекомъ нашему режиму, создавшему войну, подготовившему Портъ-Артуръ и его начальникамъ, представшихъ передъ общественнымъ судомъ во всей обнаженности своихъ преступленій.

И общественный судъ надъ начальниками, ожидающими надъ собою верховнаго суда, есть судъ надъ режимомъ... надъ старыми мѣхами, которые прорвались, потому что ветхи и не могутъ держать молодого вина, требующаго новыхъ, свѣжихъ, прочныхъ сосудовъ.

Поэтому пусть безъ робости и колебанія подойдетъ офиціальный судъ къ этимъ случайно обнаруженнымъ, слишкомъ ярко уличеннымъ преступникамъ и скажетъ вмѣстѣ съ обществомъ свой безпристрастный приговоръ; и это будетъ приговоръ отживающему, всѣми осужденному режиму.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Отъ автора	III
Къ читателямъ	1
Офиціальный обвинительный актъ по дѣлу Стесселя	3
„Мирная" конференція и война.	
I. Безуміе войны	11
II. Ужасы войны	12
III. „Храбрецы" и „трусы"	14
IV. „Я" на войнѣ	15
V. Настоящая „мирная" конференція въ Гаагѣ	17
VI. Преступленія на войнѣ	19
VII. Подвиги на войнѣ	23
VIII. Прекратите вѣковое позорище!	27
По поводу обвинительнаго акта надъ „героями" Портъ-Артура (вступленіе)	29
I. Самовольное начальничество	30
II. Стессель и Кинджоуской бой 13 мая	31
III. Неточность или ошибка?	34
IV. Дѣло о боѣ за гору Куинсанъ	36
V. Неожиданная потеря ключа позиціи	36
VI. Какъ отступилъ Киленинъ	39
VII. Какъ мы три дня и три ночи отбивали у японцевъ безуспѣшно гору Куинсанъ	42
VIII Дѣло артурцевъ „героевъ"	43
Бой за гору Куинсанъ	44
IX. Мой отвѣтъ Киленину	54
X. Капитанъ Лопатинъ	58
XI. Высадка японцевъ въ Бидзыво и отрѣзан'е Портъ-Артура	61
XII. Диктаторство генерала Стесселя	64
XIII. Виновенъ ли Стессель, или допустившіе его?	69
XIV. Рознь между флотомъ и сухопутными войсками	71
XV. Въ Портъ-Артурѣ	73
XVI Стессель и солдаты	74
XVII. Утомленіе на позиціяхъ	76
XVIII. Неравномѣрное распредѣленіе припасовъ	78
XIX. Жизнь при штабѣ	80
XX. Воздушные шары лейтенанта Лаврова	82
XXI. Подводная лодка М. П. Налетова	84
XXII. „Вольныя дружины"	85
XXIII. Смертный приговоръ	87
XXIV. Стессель и городское управленіе въ Портъ-Артурѣ	90
XXV. „Замѣтки" генерала Фока	92
XXVI. Отношенія ген. Стесселя съ ген. Смирновымъ	94
XXVII. Генералъ Фокъ на передовыхъ позиціяхъ	100
XXVIII. Какимъ образомъ произошло, что генералъ Стессель остался въ Артурѣ	104
XXIX. Генералъ Стессель и храбрость	108
XXX Что побудило Куропаткина отозвать Стесселя	111
XXXI. Состояніе населенія Квантуна во время войны	115
XXXII. Была ли обезпечена заготовка рыбы?	117
XXXIII. Была ли обезпечена доставка мяса и другихъ продуктовъ?	119
XXXIV. Генералъ Никитинъ	123
XXXV. Какъ распорядились съ посѣвами Квантуна	125
XXXVI. Какъ производилась реквизиція скота	127
XXXVII. Мародерство	130
XXXVIII. Немного разъясняющихъ цифръ	131
XXXIX. Георгіи и другія награды, раздававшіяся по усмотрѣнію Стесселя	132
XL. Интересная страничка изъ исторіи раздачи наградъ	136
XLI. Злоупотребленія	138
XLII. Взятки	140
XLIII. Еще о боѣ за Куинсанъ	142
XLIV. Торговая гавань	144
XLV Покушеніе на убійство предсѣдателя городского управленія подполковника Вершинина	145
XLVI. Подготовительные шаги Стесселя къ сдачѣ Портъ-Артура	146
XLVII. Какъ Стессель доводилъ до сдачи крѣпость. Дальнѣйшія событія. Гибель генерала Кондратенко	150
XLVIII. Какъ Стессель подготовлялъ сдачу крѣпости. Сдача форта 11-го	153
XLIX. Дальнѣйшая подготовка Стесселя къ сдачѣ крѣпости. Сдача форта № III	156
L. Историческое послѣднее засѣданіе совѣта обороны передъ сдачей крѣпости	158
LI. Дальнѣйшіе шаги Стесселя къ осуществленію сдачи	163
LII. Сдача крѣпости	165
LIII. Еще немного краснорѣчивыхъ цифръ	168
LIV. Капитуляція. Смятеніе гарнизона	171
LV. Капитуляція. Тревожное невѣдѣніе администраціи города. Отчаяніе солдатъ	176
LVI. Капитуляція. Приказъ Стесселя о сдачѣ	180
LVII. Капитуляція. Договоръ съ японцами о сдачѣ	183
LVIII. Капитуляція. Дополненіе Ноги-Стесселевскаго договора	187
LIX. Капитуляція. Вступленіе японцевъ въ городъ. Стессель въ гостяхъ у Ноги. Послѣдній приказъ Стесселя	190
LX. Капитуляція. Приказъ Стесселя объ „исполненіи условій капитуляціи"	193
LXI. Капитуляція. Безпомощное положеніе населенія послѣ сдачи крѣпости	196
LXII. Преступленія начальниковъ	199
LXIII. Еще о казняхъ китайцевъ въ осажденномъ Артурѣ	200
LXIV. По поводу покушенія на жизнь предсѣдателя городского управленія Вершинина	203
LXV. Покушеніе на жизнь Вершинина. Обстоятельства послужившія причиной. Къ дѣламъ торговой гавани	207
LXVI. Дополненіе къ днямъ сдачи	211
LXVII. Приказы Стесселя	212
LXVIII. Заключеніе	216
LXIX Письма, мысли и возраженія гг. офицеровъ	217
I. Генералъ Стессель о себѣ	224
II. Генералъ Стессель о Куинсанскомъ боѣ	229
III. Важное разъясненіе къ дѣлу капитана Лопатина	231
IV По поводу жалобы генерала Фока	232
Письмо въ редакцію. Къ дѣлу Стесселя	234
Эпилогъ Портъ-Артурской драмы. Японскіе трофеи въ Портъ-Артурѣ.	236

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ